

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДЕПОРТИРОВАННЫХ ГРАЖДАН
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР КРЫМОВЕДЕНИЯ
И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ»
ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ ПО ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

**Татевик Саргсян
Меружан Петросян**

КРЫМ. МОНАСТЫРЬ СУРЬ ХАЧ

Симферополь
2017

*Одобрено Консультативным советом по изданию литературы
на родных языках, выпущено при поддержке
Государственного комитета по делам межнациональных
отношений и депортированных граждан Республики Крым.
Издано за счёт средств бюджета Республики Крым
и ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»*

С20 Саргсян Т., Петросян М.
Крым. Монастырь Сурб Хач: – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр
им. И. Гаспринского», 2017. – 304 с.: фото 32 с. – На русском языке.

ISBN 978-5-906959-04-1

УДК 94 (477. 75)
ББК 84-4(2Рос)

Фотографии В. Е. Григорьянца, И. С. Липунова, В. М. Петросяна,
М. В. Петросяна, Т. Э. Саргсян, В. А. Сидоренко. Архивные фотографии
взяты из фондов Центрального музея Тавриды (г. Симферополь).

Книга рассказывает о средневековом армянском монастыре Сурб Хач (Святого Креста), расположенном вблизи города Старый Крым. Она является третьей по счету монографией авторов – кандидата исторических наук Татевик Саргсян и заслуженного архитектора Автономной Республики Крым Меружана Петросяна, посвященной этой святыне. Первые две – «Монастырь Сурб Хач» и «Крым: монастырь Сурб Хач» – опубликованы, соответственно, в 1998 и 2008 годах. Выход в свет нового издания, существенно дополненного и исправленного, вызван неослабевающим интересом к этому уникальному объекту культурного наследия XIV–XX веков и ставших библиографической редкостью предыдущих изданий.

В работе представлены история и архитектура памятника, его эпиграфика и восстановление. Широко использованы сведения армянских средневековых источников и результаты проведенных в различные периоды археологических изысканий.

Книга предназначена для историков, краеведов, студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, а также круга читателей, интересующихся средневековым зодчеством Крыма.

ВВЕДЕНИЕ

Из истории крымских армян

Армянский переселенческий очаг в Крыму по долголетию, численности населения и масштабам культурно-экономической деятельности занимает особое место среди армянских колоний Восточной Европы и Северного Причерноморья. Он сформировался в результате нескольких миграционных волн, ставших особенно многолюдными после падения централизованного царства Багратидов в середине XI века. Армяне-поселенцы проникали на полуостров в разное время из разных областей Исторической Армении и при разных обстоятельствах, чем во многом и объясняется их конфессиональная пестрота и обширная география мест происхождения. Одни покидали отечество в поисках новых возможностей, другие – и их было большинство – вследствие наступивших тяжелых политических и социально-экономических потрясений.

Чередовавшиеся нашествия на Армению арабов, византийских войск, турок-сельджуков, монголо-татар, тюркских и курдских кочевых племен, сопровождавшиеся разорением крупных городов и трактов, а также жесточайшим административно-экономическим гнетом населения, заставляли наиболее подвижную часть жителей, как правило представителей торгового и ремесленного сословий, искать относительно благоприятные для деятельности места обитания. В числе последних была и Таврика-Крым. С учетом сказанного вполне уместна и оправдана активизировавшаяся в последнее время тенденция рассматривать историю армянского народа по двум параллельно развивавшимся направлениям. Первое из них освещает вопросы, касающиеся коренного армянского населения, которое, оставшись в своей исторической колыбели, со временем расправляло плечи, сражалось, освобождало страну от иноземных завоевателей, поднимало хозяйство, культуру, сохраняло преемственность

поколений и незыблемость традиций. Предметом исследования второго направления является та часть армянства, которая во главе со своим неразлучным сопроводителем — духовенством, осваивала порядки новых мест оседлости, утверждалась, а в отдельных случаях даже преуспевала до поры до времени. Армяне-переселенцы облагораживали свою вторую родину, вкладывали в ее развитие материальные средства, умения и навыки, веками отточенные на отчизне. И, разумеется, чем интенсивнее они поддерживали связь с последней, тем дольше и увереннее сохраняли национальную идентичность.

Армян с Северным Причерноморьем, в частности с Таврикой-Крымом, истари связывали динамичные и разнохарактерные отношения, начиная с военного сотрудничества, призванного поддерживать интересы того или иного правителя, и заканчивая хорошо известным присутствием в различных областях торгово-ремесленной сферы. Еще в I веке нашей эры Страбон писал о коммерческих связях армян и мидийцев с народами, проживавшими между Азовом и Каспием: «<...> народы между Меотидою и Каспием — кочевники <...>. Они занимали большую страну <...> вели караванную торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их от Армян и Медиян <...>»¹.

Таким образом, еще в ту далекую эпоху армяне торговали с жителями Северного Кавказа, поэтому нельзя исключать возможности их проникновения тогда же в Таврику. Прослеживание путей передвижения армянского купечества важно, поскольку именно по ним, уже знакомым и проторенным, шли армянские переселенческие потоки². Ярким подтверждением тому служит расположение армянских колоний вдоль этих путей — в местах наиболее благоприятных с политической и экономической точек зрения. Что касается времени освоения армянами торгового тракта, ведущего в северокавказские земли, то традиционно оно отсчитывается с I века до н. э. — эпохи правления понтийского царя Митридата VI Евпатора, являвшегося также властителем

¹ **Страбон.** География в семнадцати книгах. — Книга XI. — Глава 5. — Абзац 8. Здесь и далее многоточиями (<...>) обозначены сокращения, сделанные авторами монографии.

² **Марр Н. Я.** Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП. — Июнь, 1915. — С. 323–324.

Боспора. Он был тестем и союзником армянского царя Тиграна Великого, что дает основание предположить о присутствии воинно-армян в составе его войска в Таврике. Впрочем, учитывая вековую тягу армян к странствиям и вездесущность торговли, есть вероятность их появления в этих краях и в более ранние периоды.

Как бы то ни было, первое упоминание армянами именно Таврического полуострова встречаем в «Землеописании» VII века. Этот труд хотя и написан под влиянием произведений античных авторов, в частности «Географии» Клавдия Птолемея, в деталях весьма самостоятелен: «*И есть в Сарматии маленький край христианства — Таврический полуостров, то есть Херсон, что находится между Бюкинским озером, и морем Меотис, и Понтосом, и [местом] впадения реки Каркинитиды в одноименный залив. А язычников [там] много; одни из них называются Амаксабио, которые кочевники. Имеет семь гор полукругом. Выпускает в Понтос много рек, которые, объединившись, впадают: одну называют Кочо¹ <...>*»².

Думается, использование в приведенном отрывке топонима «Херсон» является не просто внесением в текст греческого эквивалента слова «полуостров», но и намеком на определенную известность одноименного таврического города (близ Севастополя) в Армении. Для автора «Землеописания» этот первоначальный и самый именитый очаг христианства на полуострове мог являться наиболее значимым и существенным явлением здесь. Возможно даже, что в армянских источниках его встречаем гораздо раньше «Таврики»: епископ Херсона Ампелий упоминается во втором послании армянского католикаса Бабкена (490–516 годы), включенном в «Книгу посланий». Н. Адонц так пишет об Ампелии: «*Личность этого епископа неизвестна пока из других*

¹ Есть предположение, что этим именем назван Днепр или даже Днепровский лиман (см.: **Артамонов М. И.** История хазар. — Ленинград, 1962. — С. 168).

² **Акобян А.** «Землеописание» неизвестного автора VII века. Научно-критический текст подлинника (на арм. яз.) // Հանդես ամսօրեայ (Handes Amsorea). — Вена, 2013. — Кол. 81–82. Перевод отрывка — Т. Э. Саргсян. Здесь и далее квадратные скобки ([]) использованы при введении уточнений и разъяснений в текст подлинника.

источников. Исследователи почему-то обходят его молчаливо. <...> Между тем установление личности епископа, на авторитет коего ссылаются армянские иерархи, могло пролить свет на существо рассматриваемого послания»¹.

Утверждать, что в послании речь идет именно о таврическом (крымском) городе Херсонесе, конечно, затруднительно. Этот вопрос требует дополнительного исследования. Что касается авторитета епископа, то католикос Бабкен, порицая заблуждения Нестория, Ария, Диодора Феодорита, Евтихия и Павла Самосатского о смешанном естестве Христа, которые в свое время были отвергнуты Никейским собором, ссылается именно на Ампелия: «О том и великий Ампелий, епископ города Херсона, любитель и служитель истинной веры, написал точно и правдиво, но не успел докончить. Ревнителем его сочинения оказался благочестивый иерей Анатолий из Константинополя <...>»².

В период арабского господства в Армении (VII–IX века) Византия всячески поощряла переход представителей армянской знати на службу к империи. Во времена нашествий турок-сельджуков в XI веке переманивание армянских князей осуществлялось уже путем открытой аннексии их владений или же принудительного обмена принадлежавших им земель на другие – в глубине империи. В VIII–X веках отпрыски армянских аристократических династий, занимавшие высокие должности в военных и административных структурах Византийской империи, по тем или иным причинам оказывались в Херсонесе Таврическом. В их числе был сосланный сюда небезызвестный Вардан Филиппик, с 711 по 713 годы занимавший императорский трон³, здесь был и принадлежавший к знати Херсонеса патриций Калокир, с помощью которого Византия в 967 году подняла против болгар великого князя Святослава⁴. Крещение великого князя киевского Владимира в Херсонесе и последующее его бракосочетание

¹ Адонц Н. Г. Ампелий, епископ Херсонский (к критике армянской «Книги посланий») // Христианский Восток. – Т. II. – СПб., 1913. – С. 176.

² Там же. – С. 177–178.

³ Успенский Ф. И. История Византийской империи. – Т. 1. – СПб., 1913. – С. 731–735.

⁴ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – Киев, 2002. – С. 145–146.

здесь с византийской принцессой Анной стали очередным эпизодом в отношениях армян с этим городом. Император Василий II и его сестра Анна, определившие условием союза Византии и Киевской Руси принятие последней христианства, представляли Армянскую (Македонскую, Васильевскую) династию¹.

Обосновавшаяся в Византии армянская знать хотя и была принуждена примкнуть к греко-православию и отдалиться от национальных традиций², в своих начинаниях часто опиралась на соплеменников, поэтому логично допустить, что в окружении как Вардана и Калокира, так и Анны были армяне³.

Проникновение армян в Таврику продолжилось в XI–XIII веках, однако их весомый и во многом определяющий вклад в развитие экономики, материальной и духовной культуры полуострова наиболее ярко проявился с начала XIV века по 1475 год – в период весьма сложного, но, несомненно, прогрессивного взаимодействия монголо-татар, итальянцев и представителей княжества Феодоро. Первые к середине XIII века завоевали большую часть полуострова. Этой участи избежал лишь труднодоступный горный Крым – владение Феодоритов. Но первоначально зависимость от татар-кочевников в Крыму не шла дальше выплаты дани, поскольку им еще не хватало опыта, чтобы занять ведущую позицию в сложившейся торговой системе и повлиять на хозяйственные взаимоотношения. Лишь с XIV века татары начинают в полной мере контролировать экономические процессы на полуострове. Тогда же здесь и появляются первые феодальные поместья их полуоседлой знати⁴.

Итальянцы же, в основном конкурировавшие между собой генуэзцы и венецианцы, в поисках новых торговых путей, столь необходимых им после падения на Ближнем Востоке княжеств крестоносцев и ослабления христианского контингента, с третьей четверти XIII века стали арендовать у татар поселения и земли на побережье Крыма и основывать здесь свои фактории.

¹ Меликсет-Бек Л. М. Древняя Русь и армяне. – Ереван, 1946. – С. 118–119.

² Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона. – М., 1994. – С. 56, 58.

³ Микаелян В. А. История крымских армян. – Симферополь–Ереван, 2004. – С. 11.

⁴ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.–Л., 1964. – С. 83, 104.

Как с монголо-татарами, так и с итальянцами армян связывали давние традиции общения, торгового и военного сотрудничества, развивавшиеся в контексте внешнеполитических и экономических сношений Киликийского армянского государства. Последнее образовалось на северо-востоке Средиземноморья на основе армянского княжества Рубенидов, формирующим ядром которого, в свою очередь, стал местный армянский переселенческий очаг с многовековой историей. В киликийской столице Сисе с 1198 по 1375 годы восседали армянские короли. Здесь же с 1293 по 1441 годы находился католикосат — верховный престол Армянской апостольской церкви¹. И для армян, лишенных государственности на своих исконных землях, и их соплеменников, в разные периоды вынужденно покинувших отечество и основавших переселенческие очаги в разных концах света, Киликийское государство стало центром притяжения, тем ориентиром, с которым они во многом согласовывали собственные действия. В этом отношении крымские армяне не были исключением. Как

¹ Армянскую святую апостольскую православную церковь часто называют «Просветительской» или «Григорианской», по имени Григора Просветителя, который на рубеже III–IV веков вместе с царем Трдатом III провозгласил христианство государственной религией в Армении. Однако название «Апостольская» точнее характеризует ее, так как указывает на первых распространителей христианства в Армении — Христовых апостолов Фаддея и Варфоломея. Армянская церковь является одной из Древневосточных православных церквей, к числу которых относятся также Эфиопская, Коптская (Египетская), Яковитская (Сирийская) церкви. В плане догмата она трактует соединение двух природ во Христе как поглощение человеческого начала божественным. Придерживается формулы: «Одно божественное лицо, две совершенные природы (божественная и человеческая), гармонично соединенные в одну, единая соединенная гармоничная воля, единое соединенное гармоничное проявление энергии». Отторжение Армянской церкви от Вселенской началось с 451 года, но об официальном отделении было объявлено в 554 году. По догмату и обряду Армянская церковь близка к византийскому православию, но признает решения только первых трех Вселенских соборов (см.: **Орманян М.** Армянская церковь. — Ереван, 2006. — С. 105–114; **Белый В. Н., Белая-Барсемян И. В.** Армения. Энциклопедия путешественника. — Ереван, 1990. — С. 68).

представители одной из наиболее многочисленных и значительных колоний, они строили и развивали свои отношения с итальянцами и татарами большей частью под воздействием политических, экономических, культурных и религиозных предпочтений киликийского двора и католикосата.

Взвешенная и гибкая экономическая политика армянских монархов, предоставленные ими выгодные условия деятельности привлекали в киликийские порты торговые компании из Венеции, Генуи, Пизы, Флоренции и приносили стране большие доходы. В киликийских портах, являвшихся важными узлами транзитной торговли Восток-Запад, латиняне занимали целые кварталы, где располагались их дома, склады, канцелярии¹.

Падение княжеств крестоносцев на Ближнем Востоке и ослабление Киликии принудило итальянских купцов, равно как и армянских, сместить акценты на черноморские порты, что с начала XIV века резко подняло их значение в мировой торговле. Таким образом, тесное сотрудничество армян и итальянцев в Крыму в области коммерции явилось логическим продолжением их контактов в Киликии. Нотариальные акты генуэзцев, датированные 1289–1290 годами, уже свидетельствуют об активной вовлеченности армян полуострова в большую морскую торговлю².

Что касается отношений с татаро-монголами, то в целом не отличаясь особой теплотой, они также несли на себе благотворное влияние политики Киликии. Исходя из необходимости установления взаимовыгодных отношений с этим мощным противником, киликийский король Хетум I в 1254 году отправился в Каракорум к хану Мангу и заключил с ним договор о сотрудничестве и взаимопомощи. И хотя самого армянского народа дипломатические успехи короля Хетума не коснулись, тем не менее они дали определенные результаты. Больше всех выиграло армян-

¹ **Микаелян Г. Г.** История Киликийского армянского государства. — Ереван, 1952. — С. 177–202, 350–401.

² **Brătianu G. I.** Actes des notaires de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290) // Académie Roumaine, études et recherches. — II. — No. CLXVIII. — Bucarest, 1927. — P. 173–174, 225, 228, 244, 272; Армяно-католические связи. Генуэзские документы о крымских армянах (на арм. яз.) / Сост., авт. предисл. и комм. В. А. Микаелян. — Ереван, 1974. — С. 21–26.

ское духовенство, которому была гарантирована свободная деятельность на всем пространстве монгольских владений. По этому поводу армянский историк XIII века Киракос Гандзакец пишет: «Он [= Хетум] пробыл в Орде пятьдесят дней, [хан] пожаловал ему указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его; он пожаловал также грамоту, освобождавшую повсеместно церкви [от податей]»¹.

Изучая историю института и деятельности Армянской церкви в северных и северо-восточных переселенческих очагах, приходится констатировать, что на территории Орды и постордынских государств армянское духовенство пользовалось этой грамотой (или ее обновлениями) в течение всех последующих веков. Другие народы, в ту пору населявшие Крым, как, например, караимы, евреи, потомки готов и гуннских племен, хазар и кипчаков (половцев), также в определенной степени были известны армянам, нередко выполнявшим обязанности переводчиков и дипломатических посредников на огромной территории, простиравшейся от Европы до Монголии и Китая.

С XIII века присутствие армянских общин в Таврике-Крыму, в особенности на востоке полуострова, подтверждается многими источниками и достаточно широко. Наиболее интересным среди них представляется Устав города Кафы (ныне г. Феодосия) 1316 года, одна из статей которого предусматривала неприкосновенность издавна (*ab antiquo*) находившихся в нем армянских, греческих и *rossorum* (?) церквей и земель, на которых находились «зависящие от этих церквей пустыни»². В другой статье этого же Устава говорилось, что земли, на которых «с древних времен» стояли «две целые и одна разрушенная армянские церкви, никоим образом не подлежат продаже»³. Думается, что указанные в обеих статьях древние церкви находились на городских территориях, которые этим же Уставом готовились к продаже или сдаче в аренду, отчего неприкосно-

¹ Киракос Гандзакец. История Армении. Памятники письменности Востока. LIII / Пер. с др.-арм., предисл. и комм. Л. А. Ханларян. — М., 1976. — С. 224.

² *Impositio Officii Gazariae. Ordo de Caffa // Historiae Patriae Monumenta.* — Torino, 1838. — Tomus 2. — P. 407–408.

³ Там же.

венность некоторых участков, в частности церковных, пришлось узаконить специальными статьями.

После беспрецедентно мощной миграции армян в Крым в начале XIV века, окончательно сформировавшей колонию как таковую, общины на востоке становятся подчеркнута многолюдными. По утверждению армянских летописцев XVII века, представителями этой переселенческой волны были жители Ани — бывшей столицы Армянского царства Багратидов. К середине XIII века, «получив распоряжение татарского хана», они покинули Ани и переехали в город Ак-Сарай в нижнем течении Волги, а затем, на рубеже XIII–XIV веков, перебрались в Крым и обосновались в Кафе, Сурхат-Крыме (Сулхат, Солхат, Солкат, Солгат, Крым, Эски Крым, ныне г. Старый Крым), Карасубазаре (г. Белогорск) и вокруг них. В итоге не только возросла численность населения уже существовавших армянских поселений на полуострове, городских и сельских кварталов, но и появились новые села, городские предместья, монастыри и церкви: «Тогда возмужались мы и умножились, и построили села и области; князья и знать, начиная от Карасубазара до Сурхата и Феодосии, горы и равнины переполнили монастырями и церквями. И построили мы домов сто тысяч и церквей тысячу <...>»¹.

И действительно, новые переселенцы обосновались как на землях, подконтрольных непосредственно татаро-монголам, так и в прибрежной зоне, арендованной у татар генуэзцами. Нимфейский договор (1261 год) обеспечивал последним свободный доступ в акваторию Черного моря, а Кафа стала центром их черноморских торговых колоний. Постепенно вытеснив венецианцев, генуэзцы к XV веку расширили границы своих владений в Крыму от Воспоро (г. Керчь) до крепости Чембало (у Балаклавской бухты).

И хотя сами летописцы, а за ними и многие современные исследователи, относят переселение армян из Ак-Сарая в Крым к 30-м годам XIV века, анализ исторической ситуации и письменных источников показывает, что такая миграция могла происхо-

¹ Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7442. — Л. 281. Использованные в монографии армянские тексты (колофоны, эпиграфические надписи, поэмы, цитаты) переведены Т. Э. Саргсян.

дить во второй декаде XIV века, около 1316 года. На фоне признания факта чуть более раннего массового переселения армян из Ак-Сарая в Крым вполне уместными и логичными выглядят такие общественно значимые хозяйственные меры, как проведение «*епископом армян*» водопровода в Кафе, неприкосновенность которого предусматривал тот же Устав города от 1316 года, и выделение этим же Уставом земельных участков для аренды новыми поселенцами¹. Понятным становится и внимание папы Иоанна XXII к армянам Кафы: в своих посланиях от 1318 и 1321 годов, адресованных к архиепископу армян и всем армянским священникам в Крыму, он напоминает о данной ими клятве придерживаться католического вероучения². Можно заключить, что действия папы имели целью обратить в католическую веру довольно многочисленную общину, стоявшую на распутье.

Надо сказать, что некоторое отступление армянского духовенства полуострова перед католиками было продиктовано официальной позицией католикосата. Последний, исходя из политических соображений, был вынужден созвать несколько церковных соборов (в 1307 и 1316 годах) и формально признать верховенство папы. Пользуясь этим, папство развернуло активную деятельность не только в Киликии и самой Армении, но и в армянских переселенческих очагах, удаленных от метрополии, а поэтому более уязвимых. Союзу с папством, во многом навредившему Киликии, был положен конец в 1361 году аннулированием решений церковных соборов начала XIV века.

Обратим внимание на два важных момента. Во-первых, армяне, прибывавшие на полуостров в начале XIV века, обладали солидным состоянием, которое беспрепятственно перевозили с собой и сразу же вкладывали в строительство церквей, жилья, гидро-инженерных и фортификационных сооружений. Во-вторых, переселение в Крым не поставило точку в истории армян

¹ **Микаелян В. А.** История крымских армян. — С. 14.

² *Acta Iohannis PP. XXII (1317–1334) // Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis / ed. A. L. Tăutu. — Fontes, Series III. — Vol. VII. — T. 2. — Citta del Vaticano, 1952. — Nr. 10, 49.* Выражаем благодарность профессору Ягеллонского университета Кракова Кшиштофу Стопке, любезно предоставившему отрывки из «*Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis*».

Ак-Сарая, или Сарая (Сарай-Бату). Присутствие в 1321 году армянского архиепископа здесь¹, равно как и сведения минимум о двух действовавших в 1319 году церквях², говорят о том, что в Сараяе продолжало пребывать солидное число армян.

С середины XIV века армянский переселенческий очаг в Крыму переживает небывалый расцвет, обусловленный стремительным подъемом экономики на полуострове, а также численным превосходством и предприимчивостью самих армян. Тон торгово-экономическому развитию, конечно же, задавали итальянцы, в первую очередь генуэзцы, торговые колонии которых в тот период активно действовали по всему Северному Причерноморью. Благоприятные условия, сложившиеся в Крыму с появлением генуэзцев и переходом ордынского престола к хану Узбеку (1313 год), привлекали на полуостров многолюдные потоки переселенцев. По сведениям источников, в XIV–XV веках сюда продолжали прибывать армяне из разных областей Исторической Армении. К середине XV века их численность и влияние в Крыму настолько возросли, что в самой Армении полуостров стал восприниматься как «*Верхняя страна армянская*»³. Мощный фактор армянского присутствия нашел отражение и в итальянских документах того периода: в некоторых из них, адресованных к крымским армянам, полуостров именуется *Armenia maritima* (Приморская Армения)⁴ или *Armenia majoris* (Большая Армения), а некоторые его населенные пункты характеризуются как «армянские»⁵.

На востоке полуострова в тот период проживало более 100 тысяч армян, а количество армянских духовных центров превыша-

¹ *Acta Iohannis PP. XXII (1317–1334) // Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis (CICO) / ed. A. L. Tăutu. — Fontes, Series III. — Vol. VII. — T. 2. — Nr. 50, 51.*

² См: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., рус. перевод, введ. и примеч. Т. Э. Саргсян. — Симферополь, 2008. — С. 61–62.

³ См: там же. — С. 267.

⁴ **Saint-Martin J.** Analyse d'une tragédie arménienne (Sainte Ripsimé), représentée à Léopol le 9 Avril 1668 // *Journal Asiatique*. — Sér. I. — Vol. 2. — Paris, 1823. — P. 23–24.

⁵ См.: Послание папы Евгения IV к епископу Солдайи Августину (**Кеппен П. И.** Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. — СПб, 1837. — С. 135).

ло сотню¹. Только в Кафе и ее предместьях действовало более сорока армянских церквей и монастырей, а численность жителей-армян достигала 46 тысяч человек, что составляло две трети 70-тысячного населения города². Жизнь колонии управлялась светскими структурами, представленными советами старейшин, старостами сел и городских кварталов, а также церковным институтом во главе с архиепископом, который являлся местоблюстителем католикоса Армянской церкви в регионе.

К середине XV века армянский переселенческий очаг в Крыму достиг вершины своего развития и, невзирая на последующие войны и лишения, сумел сохраниться и перешагнуть в новое время изрядно оскудевшим по численности населения, но не потерявшим значимости. Пережив кровавые события, связанные с захватом полуострова турками-османами в 1475 году, испытал тяготы периода многовековой зависимости Крымского ханства от Османской порты, выдержав характерные для этого периода упадок экономических отношений и ограничения в социально-культурном развитии, крымские армяне тем не менее продолжили свою поступательную созидательную деятельность.

Процесс вхождения Крыма в состав Российской империи (1771–1783 годы) также болезненно отразился на демографии крымских армян, минимизировав их присутствие на полуострове. В 1778 году российское правительство, с целью подрыва хозяйственной инфраструктуры Крымского ханства и освоения своих южных приграничных территорий, переселило христиан полуострова, в первую очередь армян и греков, в Азовскую губернию. Число вывезенных с полуострова армян составило 12 598 человек³. Обосновавшись на полупустынных берегах Дона в самом конце 1779 года, бывшие крымские армяне со временем возвели здесь город Нор, или Новый, Нахиджеван (ныне – часть Пролетарского района г. Ростов-на-Дону) и шесть окружных селений.

¹ Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму (на арм. яз.). – Ереван, 1964. – С. 98–99.

² Эта цифра, зафиксированная в генеалогических и турецких источниках, порой оспаривается, но без весомых оснований (см.: Саргсян Т. Э. О численности армянских духовных центров Кафы-Феодосии // Историческое наследие Крыма. – № 21. – Симферополь, 2008. – С. 22–25).

³ Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. – Т. II (1778) / Сост. Н. Дубровин. – СПб., 1885. – С. 711–713.

тарского района г. Ростов-на-Дону) и шесть окружных селений. Перемещения избежали лишь несколько сот крымских армян, которым по тем или иным причинам было разрешено остаться на полуострове. С начала XIX века их численность стала расти за счет вернувшихся армян¹ и переселенцев из Восточной и Западной Армении. Власти создали определенные условия для возрождения колонии: армянам вернули часть земель и городских кварталов, а в Старом Крыму и в Карасубазаре учредили национальные городские самоуправления для армян апостольского и католического вероисповеданий соответственно. Перед депортацией 1944 года, согласно данным Всесоюзной переписи 1939 года, в Крыму проживало свыше 12 тысяч армян.

Разумеется, резкое снижение численности христиан на полуострове на рубеже XVIII–XIX веков привело к утрате архитектурного ландшафта на занимаемых ими территориях. К XIX веку было разрушено подавляющее большинство армянских культовых построек. Часть уцелевших церковных зданий впоследствии была возвращена армянам, остальные перешли в руки русских, прибывавших понтийских греков, а также болгар. Минас Бжишкян (Минай Медици), монах из армяно-католической конгрегации Мхитаристов в Венеции, так описывает ситуацию в Кафе после ее взятия русскими войсками: «После вхождения русских в Кефэ 29 июня 1771 года, а затем переселения оттуда в Россию 1200 армянских семейств город основательно видоизменился, вплоть до того, что пришел в соответствие со своим прозвищем «Новое Кефэ», поскольку там и камня на камне не осталось непокрытым. И не только далеко простирающиеся стены Армянской большой крепости под Франк-хисаром и под Внутренней крепостью² были до основания развалены, но и почти все дома, магазины и церкви при монастырях были переименованы в облик»³.

¹ См.: Араджиони М. А. Возвращение в Крым старожильского христианского населения после эмиграции 1778 г. // МАИЭТ. – Вып. VIII. – Симферополь, 2001. – С. 485–489.

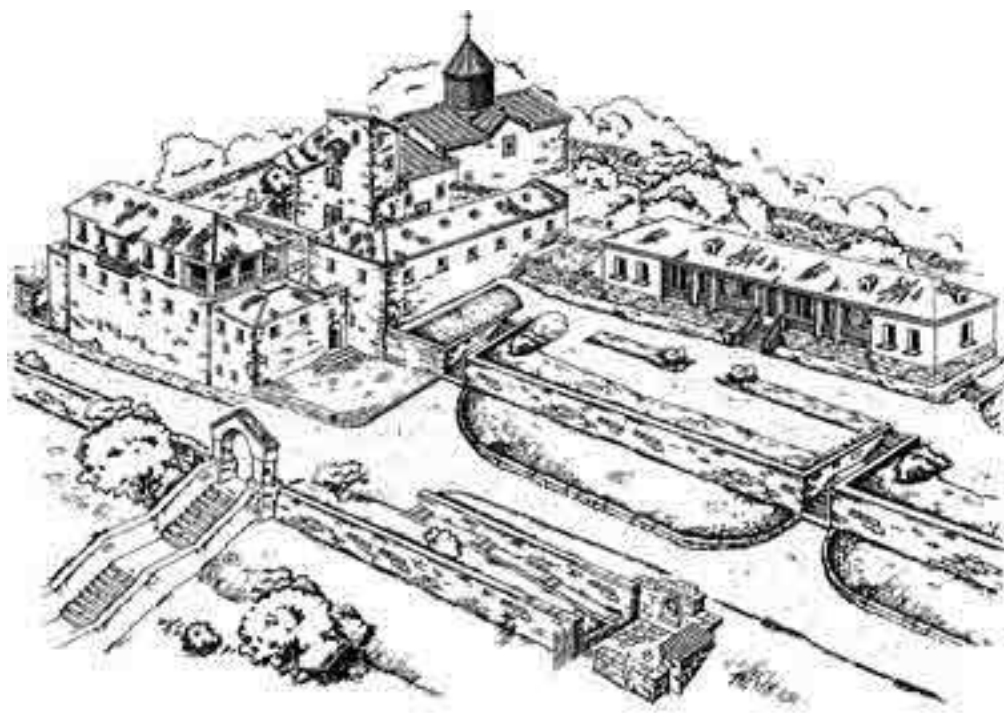
² Автор имеет в виду замок генеалогических в цитадели и саму цитадель, впоследствии занятые турецкой администрацией.

³ Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из столицы Ани (на арм. яз.). – Венеция, 1830. – С. 344.

Но вернемся в прошлое...

Вклад армян в поступательное развитие в Крыму ремесел, земледелия, торговых сношений трудно переоценить. А их интеллектуальные навыки, блестяще примененные при строительстве храмов, монастырей, фортификационных сооружений, проведении

Монастырь Сурб Хач. Вид с юго-запада.

Реконструкция (авт. – М. В. Петросян и Ю. С. Воронин).

гидро-инженерных систем, выполнении орнаментальной резьбы и сюжетных рельефов на камне и дереве, равно как и тиражировании и художественном оформлении рукописных книг, оказали сильнейшее влияние на формирование самобытного колорита полуострова, его культурного ландшафта. В своих начинаниях армяне руководствовались собственным многовековым опытом, мастерством и изысканным вкусом, привнесенными в крымскую среду из разных уголков Исторической Армении. Одним из выдающихся творений крымских армян стал монастырь Сурб Хач – уникальный памят-

Западный фасад трапезной монастыря Сурб Хач, обращенный в сторону дороги. Фото 80-х годов XX века.

ник истории и зодчества XIV–XX веков. В течение нескольких столетий он служил для армян региона престольной святыней, где восседали наместники католикоса Армянской церкви, как правило архиепископы. Прошлое монастыря является неотъемлемой частью истории Крыма, равно как и армянского народа в целом.

Монастырь Сурб Хач, название которого переводится с армянского как «Святой Крест», находится на склоне горы Карасан-Оба, именуемой также Грыця, — одном из северо-восточных отрогов Главной гряды Крымских гор. В прошлом по склонам этого живописного массива, известного также как «гора монастыря Святого Креста»¹, тянулась древняя дорога, связывавшая степные и предгорные поселения с приморьем. Начинаясь от тракта у подножия, она проходила через лесные чащи мимо армянских монастырей Сурб Хач, Сурб Степанос (Святого Стефана), Отуза и Кизилташа² и выходила в сторону Судака (в прошлом — Сухта, Сугда, Сурож, Сугдея, Солдая). Другая ветвь, отделившись у монастыря Отуза, вела к Феодосии, также минуя несколько армянских монастырей. Глубокая колея, образовавшаяся от колес арб³ в плотной горной породе на отрезке дороги между монастырями Кизилташа и Сурб Хач, прослеживается и по сей день⁴.

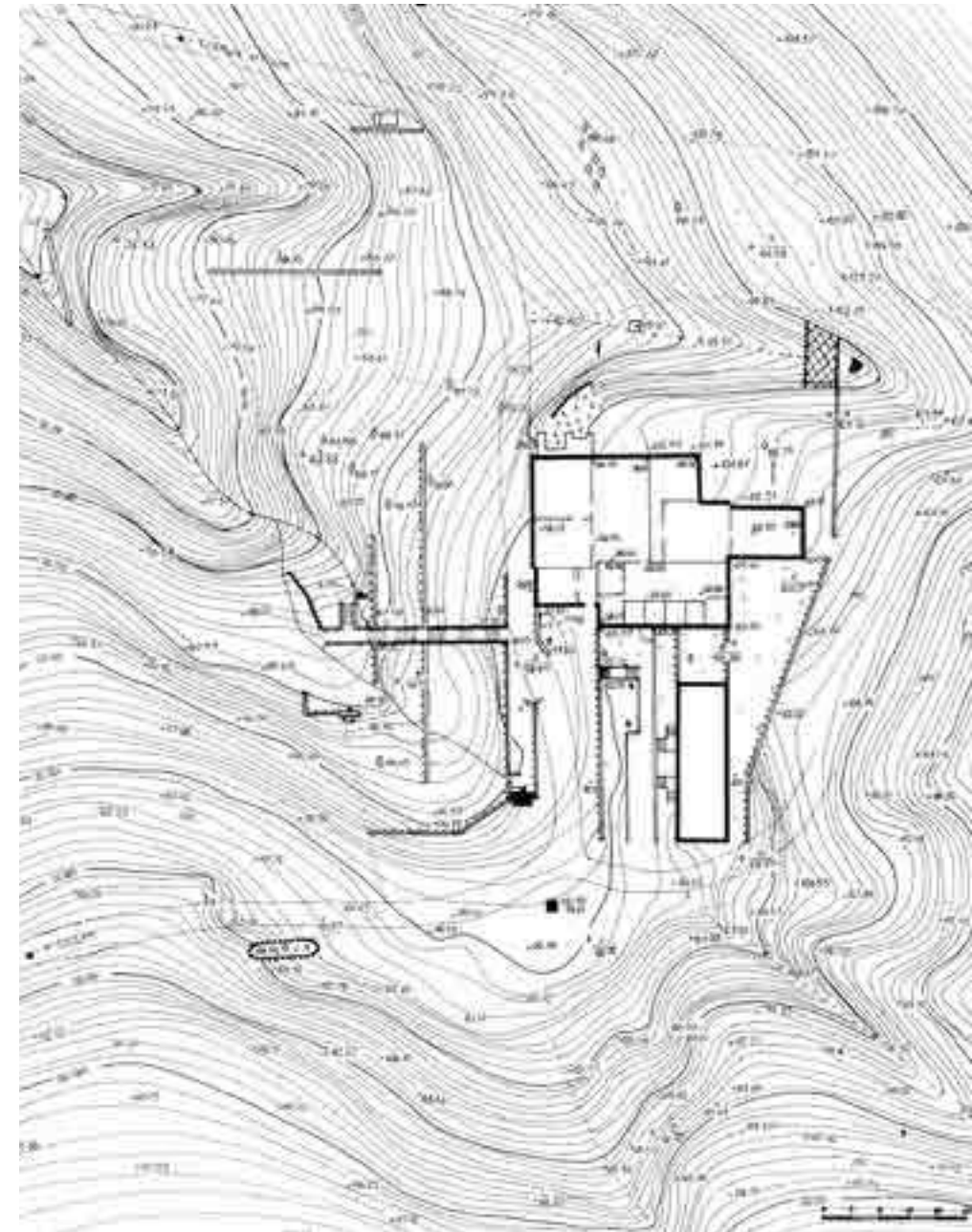
Ближайшее к Сурб Хачу поселение, город Старый Крым, расположено в трех километрах к северо-востоку. С конца XIII до начала XV века оно являлось одним из известных городов полуострова, административным центром Крымского улуса Золотой Орды, важным узлом транзитной торговли Восток-Запад.

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 323. Извлечения из труда М. Бжишкяна на русском языке см.: Армянские древности Таврического полуострова / Пер. с арм. священника Херувима Кушнерева, настоятеля феодосийской армяно-католической церкви // ЗООИД. — Т. X. — Одесса, 1877. — С. 441–451.

² Последние два названия указывают на урочища вблизи с. Щебетовка, где находились эти монастыри.

³ Повозка или телега, как правило двухколесная.

⁴ Тур В. Г. Крымские православные монастыри XIX — начала XX века. История. Правовое положение. — Симферополь, 1998. — С. 98; Тур В. Г. Православные монастыри Крыма. — Киев, 2006. — С. 146.

Монастырь Сурб Хач.
Топографическая съемка местности.
Составлена экспедицией В. Н. Дублянского в 1996 году.

Известно, что в середине XIII века на территории нынешней старокрымской долины, рядом с поселением Сурхат, которое, по мнению ряда авторов, было основано и населено армянами¹, утвердилась ставка золотоордынского эмира – Крым, где проживали кипчаки, русские, аланы². Представлены были также сельджуки, арабы, персы³. В окрестностях размещался иудаистский поселок⁴.

Сурхат был одним из давних мест обитания армян в Крыму. Здесь, согласно источникам XIV века, функционировало более шести армянских церквей. Подавляющее большинство их находилось на территории армянского квартала, именуемого Չերիւ հողետներ⁵ – «Верхние земляные жилища»⁶. М. Бжишкян в 20-х годах XIX века также упоминает о существовавших в Старом Крыму остатках шести армянских церквей⁷, что позволяет

¹ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – С. 184; Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. – Т. VIII. – 1956. – С. 168; Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. – Ереван, 1992. – С. 8; Поркшеян Х. А. Когда происходило переселение армян в Крым? (на арм. яз.) // ИФЖ АН Арм. ССР. – № 2. – Ереван, 1962. – С. 115.

² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. I / Извлечения из сочинений арабских, собранные В. Г. Тизенгаузенном. – СПб, 1884. – С. 63, 280.

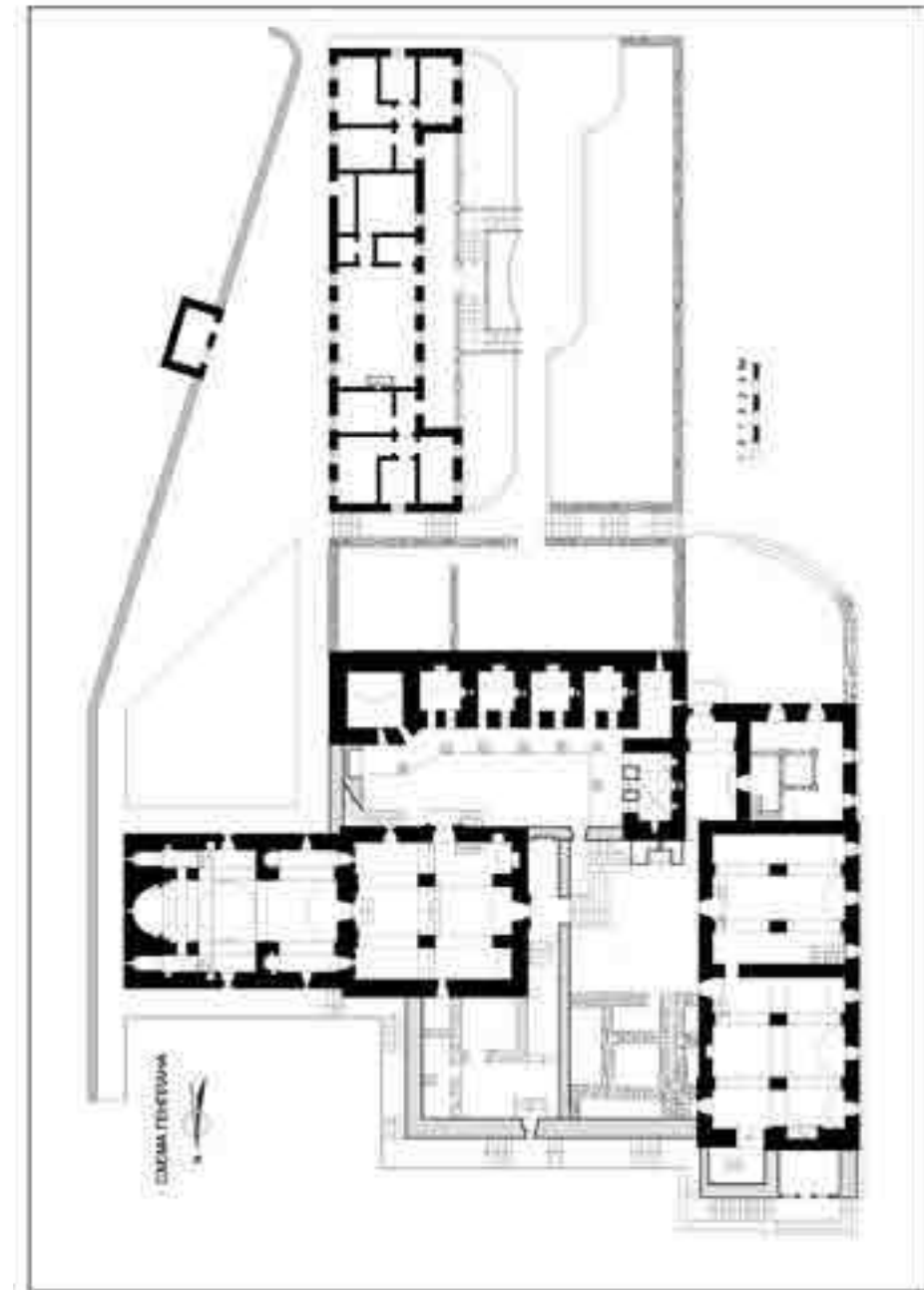
³ Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. – Т. I. – Симферополь, 1927. – С. 5–10; Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XII–XIII вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 153.

⁴ Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XII–XIII вв. – С. 147, 153.

⁵ Слово հողետներ (*hoghetner*) буквально означает «земляные дома». Оно подразумевает не только землянки различного уровня, но и старого типа застройку на наклонном рельефе, где плоские земляные кровли жилищ нижнего яруса служат террасами для вышестоящих.

⁶ См.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – Записи 14, 25, 27, 29, 65, 71, 77, 89, 93.

⁷ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... – С. 322–323.

Монастырь Сурб Хач.
Общий план (авт. – М. В. Петросян).

локализовать бывший армянский квартал «Верхний»¹. Ныне на этом участке об армянах напоминает лишь неоднократно реконструированная небольшая церковь в полуразрушенном состоянии.

По мнению ряда ученых, название «Сурхат» и его многочисленные видоизменения, приводимые в разноязычных источниках, произошли от армянского словосочетания «Сурб Хач» и имеют отношение к одноименной армянской святыне². По этому поводу уместно обратить внимание на справедливое замечание Э. Корхмазян и Ф. Бабаян о том, что в ряде случаев, в особенности в некоторых армянских диалектах, слово «сурб» (святой) приобретает формы «сур», «сор»³. Другие исследователи, рассматривая формы «Солхат» или «Солкат» как продукт тюрко-татарской языковой среды, предлагают толкования с этой позиции, но пока не могут обоснованно связать их с историческим прошлым или же географическим положением местности⁴.

Быстрое экономическое развитие и территориальное расширение Сурхата и Крыма, связанные с активизацией торговых отношений в Восточном Крыму, равно как и появление здесь латинского квартала с преобладанием генуэзцев (так называемый

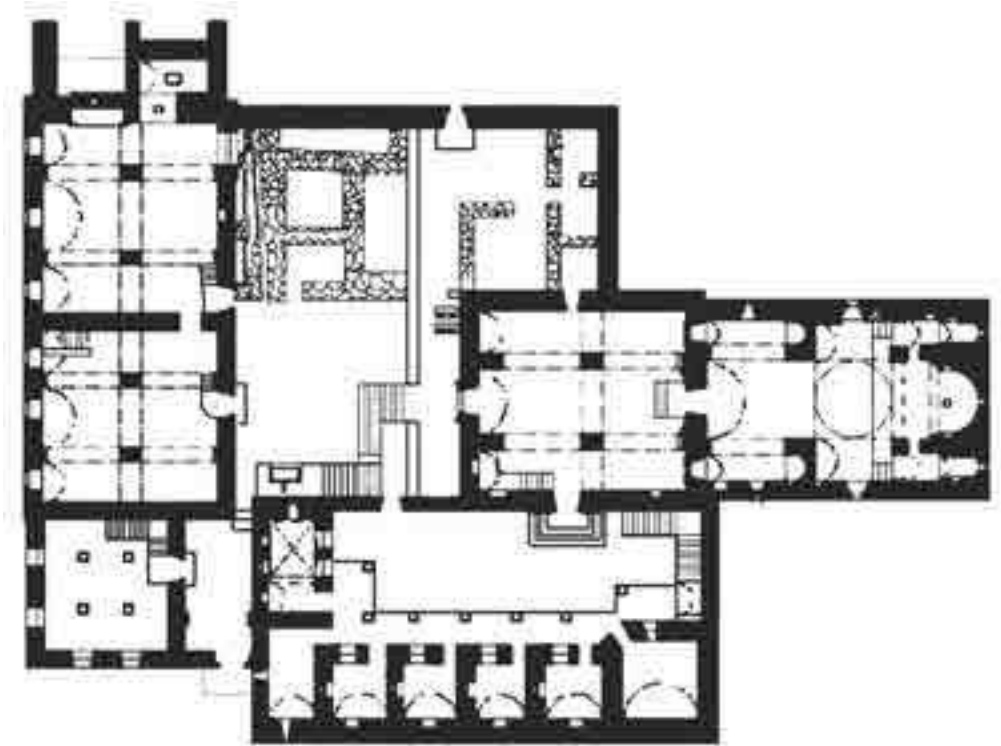
¹ Саргсян Т. Армяне средневекового Сурхата и их церкви (на арм. яз.) // ИФЖ НАН РА. — № 1. — Ереван, 2000. — С. 107–123; Кирилко В. П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. — Симферополь, 2008. — С. 37–43.

² Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // ЗВОИРАО. — Т. I. — Вып. IV. — С. 287; Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XV вв. — С. 7; Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. — С. 168; Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. — С. 8; Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма (на арм. яз.). — Венеция, 1895. — С. 107; Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма (на арм. яз.) // Упцрд (Murch). — № 6. — Тифлис, 1904. — С. 71.

³ Бабаян Ф., Корхмазян Э. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. — Ереван, 2000. — С. 10.

⁴ См.: Гаркави А. О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // ИРГО. — СПб, 1875. — С. 55; Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — № 57. — Симферополь, 1920. — С. 99; Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XII–XIII вв. — С. 143.

«генуэзский Солгат»), приводят к слиянию не только этих двух крупных поселений, но и близлежащих более мелких. Сформировавшийся таким образом город-агломерация в источниках XIII–XIV веков фигурирует под названиями двух основных час-

Укрепленная часть монастыря Сурб Хач
(авт. схематического плана — М. В. Петросян).

тей — «Крым» и «Сурхат», включая и близкие к ним формы написания¹. Причем, как увидим далее, эти названия нередко указывают не только собственно на город, но и на окружающие его земли, как на некую условную страну. Со временем название «Крым», обозначавшее собой господствовавшую административную часть города, механически распространяется на всю агломерацию и как своего рода официальное наименование выдерживает испытания временем, между тем как название

¹ Саргсян Т. Армяне средневекового Сурхата и их церкви. — С. 107–123.

«Сурхат» постепенно выходит из употребления. В более поздних источниках уже пришедший в упадок город фигурирует под названиями «Крым», «Хрим», «Эски Крым», «Старый Крым».

Согласно армянским источникам XIV века, в непосредственной близости от Сурхата существовало несколько армянских селений, также имевших свои церкви или монастыри. В их числе были Кимчак (Камчак, Гамчак, Кемчак), Казарат, Шахшах, Тапарахл. Некоторые из перечисленных топонимов, по всей вероятности, произошли от этнонимов и указывают на народности, населявшие эти территории в более ранние времена¹. В окрестностях Сурхата, в лесных чащах, действовало около пяти армянских монастырей, среди которых наиболее известной была престольная обитель Сурб Хач.

Систематического археологического изучения армянских памятников в окрестностях Старого Крыма, в том числе и на горе монастыря Святого Креста, не проводилось. Но даже поверхностное обследование этой местности выявило такие интересные средневековые армянские поселения, как Эски-Юрт и Алан-Тепе². Безусловно, исследование всего комплекса армянских древностей этой местности представляется весьма перспективным. Многоплановые научные изыскания во многом позволяют «определить место и роль данных памятников в историческом процессе культурного, этнического и хозяйственного становления и развития средневековой армянской колонии Крыма»³. Добавим только, что с учетом уровня наиболее обстоятельно изученных армянских объектов здесь — монастырей Сурб Хач и Сурб Степанос⁴ — значение таких исследований может оказаться гораздо шире и важнее.

¹ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. — С. 168; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. — С. 8; **Саргсян Т.** Об Аветике Хотачараке и монастыре Кимчак св. Богородицы (на арм. яз.) // ИФЖ НАН РА. — № 1. — Ереван, 2001. — С. 133.

² **Байбуртский А. М., Тимиргазин А. Д.** Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму. — Симферополь, 2008. — С. 82–91.

³ Там же. — С. 92.

⁴ Находится в трех километрах к югу от монастыря Сурб Хач, в лесной чаще.

Монастырь Сурб Хач занимает особое место в средневековом историко-архитектурном наследии полуострова. Это единственный из действовавших в XIV–XV столетиях свыше двадцати крупных монашеских скитов крымских армян, который дошел до нас относительно сохранившимся. При этом следует учесть, что в течение своей многовековой истории монастырь постоянно обновлялся, перестраивался, изменялся. Ныне существующие здесь постройки воздвигнуты в разное время, и каждая из них, естественно, отражает строительные и декоративные традиции породившей ее исторической эпохи. В то же время в архитектуре Сурб Хача заметен некий особый тип преемственности, четко демонстрирующий заботу представителей каждого из последующих поколений о композиционной, функциональной и эстетической целостности унаследованного¹.

Основные монастырские сооружения расположены по периметру замкнутой ломаной. Мощные наружные стены этих построек, а также дополняющие их на некоторых участках высокие каменные стены образуют единую закрытую оборонительную систему, вследствие чего монастырь снаружи «представляет вид более грозной крепости, нежели мирной обители»². К наиболее раннему периоду относятся центральные сооружения — церковь и гавит (притвор) с дозорной башней, занимающие высокую восточную часть комплекса. Возведение крестово-купольной церкви Сурб Ншан (Святого Знамения), согласно строительной надписи, начато в 1358 году. Гавит же, пристроенный к церкви с запада, был сооружен вскоре после нее — в последней четверти XIV века. Он стоит на паперти, которая поддерживается подпорной стеной, идущей по всей длине атриума — внутреннего парадного двора. Последний отделяет центральные сооружения монастыря от трапезной. На территории атриума, а также выше, по северной стороне гавита,

¹ **Домбровский О. И., Махнева О. А., Сидоренко В. А.** Отчет об археологических исследованиях средневекового монастыря Сурб-Хач в окрестностях города Старый Крым за 1973 и 1976 гг. (машинопись) / Ин-т археологии АН УССР, отдел археологии Крыма. — Симферополь, 1977. — Л. 28.

² **Спасский Г.** Старый Крым // ЗООИД. — Т. IV. — Одесса, 1877. — С. 101.

когда-то существовали сооружения, которые впоследствии в ходе многократных перестроек были снесены. О них сегодня можно судить как по результатам археологических исследований, так и по следам, заметным на полу атриума и на северной стене гавита снаружи¹.

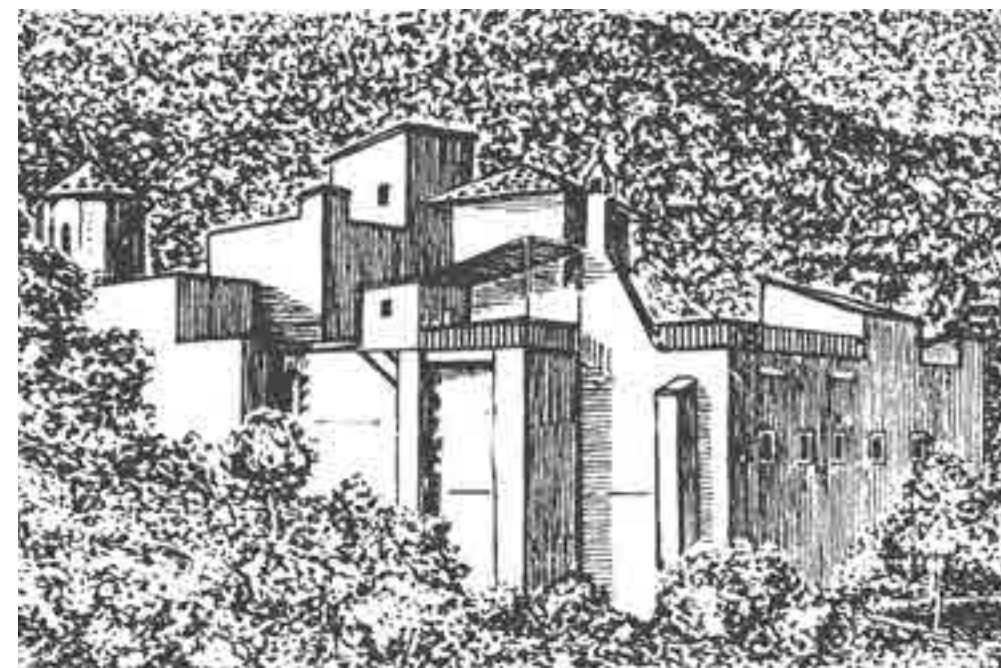
Монастырь Сурб Хач.
Атриум и разрез трапезной (авт. — М. В. Петросян).

В южной части комплекса, чуть ниже гавита, расположена обитель. Она состоит из малого внутреннего дворика и огибающего его с юга и запада двухэтажного Г-образного здания, разделенного на кельи. С востока дворик огражден высокой каменной стеной. Такой же стеной он обведен на небольшом участке, граничащем с атриумом. Согласно армянской литографии в верхней части портала, который устроен в этой стене и связывает атриум с малым двориком, обитель построена в 1694 году².

¹ См.: Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. — Симферополь, 1978. — С. 95–98.

² Приведенные даты и надписи подробно прокомментированы в разделах «История сооружения и служители», а также «Памятники живописи и эпиграфики».

Трапезная монастыря Сурб Хач, судя по конструкции и декору, возведена в начале XV века. Она состоит из двух залов и занимает почти все западное крыло ансамбля. С юга к ней примыкает небольшое подсобное строение, скорее всего привратническая и хлев (конюшня) в одном помещении. Проход, расположенный

Монастырь Сурб Хач с гравюры начала XIX века.
Вид с северо-запада. Автор рисунка — В. А. Сидоренко
(из книги «Солхат и Сурб-Хач»).

между этим строением и западным крылом здания келий, связывает главный вход монастыря с атриумом. Эти две замыкающие ансамбль постройки, то есть подсобка и проход в юго-западном углу комплекса, сооружались в последней четверти XVII века. Ориентиром в этом вопросе служит надпись над главными воротами монастыря, датирующая их установку 1686 годом.

Еще одно маленькое помещение хозяйственного назначения примыкает к трапезной с севера. Оно частично занимает пространство между центральным и восточным контрфорсами, снаружи поддерживающими высокую северную стену трапезной. Крайний западный из контрфорсов стоит свободно.

К подсобным помещениям трапезной относится и удлиненный подвал, расположенный под западными половинами ее залов. Сюда спускаются по каменной лестнице, вход на которую устроен в южном зале, в северо-западном углу.

Надстройка трапезной, поначалу состоявшая из более чем десяти маленьких келий, видимо, появилась в XVIII столетии. На гравюре начала XIX века она уже представлена несколькими маленькими помещениями и обширной террасой, обведенной парапетом. Сюда ведет размещенная в атриуме каменная лестница, которая прилегает к северному ограждению обителю. Под ней, в подпорке, размещены каменная ниша внутреннего фонтана (не действует), построенного в 1836 году, и арочный проем, ведущий к центральным воротам.

Западнее и юго-западнее укрепленной части ансамбля, на склонах небольшого оврага, разбитых на террасы, некогда располагались монастырские сады и огороды. Здесь, на верхней и нижней террасах, сохранились два памятных фонтана с кристально чистой горной водой. Верхний фонтан находится на гребне косогора, а к нижнему, расположенному под садовыми террасами, ведет каменная лестница в пять маршей с символическими арочными воротами на верхней лестничной площадке. От этих врат ныне сохранились лишь две полуразрушенные тумбы. Не уцелело и последнее по времени сооружение монастыря Сурб Хач — заезжий дом, построенный в 1906 году для паломников и гостей. Он располагался южнее основных монастырских зданий, вне замкнутого комплекса. На этом месте ныне находится другое здание гостиничного назначения, построенное в 1976 году по образу предыдущего.

Монастырь Сурб Хач в источниках и литературе

Наиболее раннее и относительно подробное описание монастыря Сурб Хач дает М. Бжишкян, долгие годы являвшийся викарием крымских католиков¹. Его сообщения относятся к 20-м годам XIX столетия и в основном соответствуют представленному выше описанию. А значит, ситуационный план монастыря в XIX—XX веках не претерпел существенных изменений. Поми-

мо описания, М. Бжишкян в своей книге «Путешествие в Польшу...» приводит ряд разновременных армянских литографий из Сурб Хача¹. Впоследствии с довольно обстоятельными сведениями по интересующему нас памятнику выступают Г. Спасский, О. Тэр-Абраамян, В. Смирнов, Хр. Кушнерян, жители Старого Крыма Гр. Петросян, А. Сурхатян и другие².

Интересные сообщения о Сурб Хаче содержит книга «Монастырь Сурб Хач Крыма» Хорена Степанэ, который с 1887 года до начала XX века был настоятелем здесь. Он, а впоследствии и преподаватель московского Лазаревского института восточных языков Христофор Кучук-Иоаннесов, следуя примеру М. Бжишкяна, в своих работах публикуют большое количество литографий из монастыря Сурб Хач³. Некоторые из них очень ценны, так как сами памятники утрачены.

Первое научное исследование, посвященное Сурб Хачу, было подготовлено А. Л. Якобсоном. В статье «Армянская средневековая архитектура в Крыму» и в книге «Средневековый Крым» он подробнейшим образом описал монастырские сооружения, проанализировал их орнаментику и декор⁴. В дальнейшем историче-

¹ См.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... — С. 324—326. См. также: Армянские древности Таврического полуострова. — С. 448—451.

² **Спасский Г.** Старый Крым. — С. 100—102; **Тэр-Абраамян О.** История Крыма (на арм. яз.) — Феодосия, 1865. — Ч. 2. — С. 152—157; **Смирнов В. Д.** Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года. — С. 286—288; **Кушнерян Хр.** Путешествие из Феодосии в Нор-Нахиджеван. Монастырь Сурб Хач (на арм. яз.) // *Բաշմաք* (*Bazmaşer*) — Т. 45. — Прак 3 (июль, август, сентябрь). — Венеция, 1887. — С. 195—196; **Петросян Гр.** Письмо из Старого Крыма (на арм. яз.) // *Մշակ* (*Mshak*). — № 32 (20 марта). — Тифлис, 1890. — С. 2; **Сурхатян А.** Армянский монастырь Крыма. — С. 68—76; Монастырь Сурб Хач Крыма (на арм. яз.) // *Նոր լիար* (*Nor dar*). — № 127. — Тифлис, 1890.

³ **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма (на арм. яз.). — СПб, 1891; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму // Древности восточные: Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. — Т. 2. — Вып. 3. — М., 1903.

⁴ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. — С. 173—181; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. — С. 12—19. **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым. — С. 116.

¹ Армянские древности Таврического полуострова. — С. 441.

скую значимость этого духовного центра неоднократно отмечал в своих монографиях академик В. А. Микаелян¹. К росписям Сурб Хача обращались О. И. Домбровский и Э. М. Корхмазян², а его подробный архитектурный анализ составляли О. Х. Халпахчян, Ю. А. Таманян³. Архитектурное строение комплекса рассматривали также М. М. Асратян, А. Ш. Мнацаканян, С. К. Килессо, Е. В. Крикун, авторы различных путеводителей и книг-справочников⁴. Литографии монастырских сооружений были прочтены, расшифрованы и опубликованы Гр. Григоряном, С. Сагумяном, А. Енгояном⁵. В своих фотоальбомах монастырь Сурб Хач в раз-

¹ Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. — С. 321–322; Микаелян В. А. История крымских армян. — С. 124–125.

² Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. — Киев, 1966. — С. 74–76; Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма. — Ереван, 1978. — С. 107.

³ Халпахчян О. Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. — Ереван, 1957. — С. 21–22; Халпахчян О. Х. Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму // Сурб-Хач (журнал Крымского армянского общества). — № 1. — Симферополь, 1996. — С. 5–12 и 38–44. Продолжение: там же. — № 2. — Симферополь, 1996. — С. 11–16; Таманян Ю. А. Монастырь Сурб Хач Крыма (на арм. яз.) // Эчмиадзин. — № 7–8. — Первопрестольный Св. Эчмиадзин, 1969. — С. 59–64.

⁴ Асратян М. Монастырь Сурб Хач (на арм. яз.) // Армянская советская энциклопедия. — Т. 11. — Ереван, 1985. — С. 203. Асратян М. Монастырь Сурб Хач Сурхата (на арм. яз.) // Энциклопедия «Христианская Армения». — Ереван, 2002. — С. 944–945; Асратян М. Монастырь Сурб Хач в Крыму (на арм. яз.) // Армянская краткая энциклопедия. — Т. 4. — Ереван, 2003. — С. 543. Мнацаканян А. Ш. Незабываемые памятники (на арм. яз.) // Չրվիւմի րէրր (Grakan tert). — Ереван, 1968 (за 15 ноября); Килессо С. К. Архитектура Крыма. — Киев, 1983. — С. 16–17; Крикун Е. В. Архитектурные памятники Крыма. — Симферополь, 1977. — С. 20–22; Памятники истории и культуры Украинской ССР: каталог-справочник. — Киев, 1987. — С. 290; Памятники градостроительства и архитектуры Укр. ССР. — Т. 2. — Киев, 1985. — С. 331–332.

⁵ Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа // ИФЖ АН Арм. ССР. — № 3. — Ереван, 1970. — С. 298–299; Григорян Гр. Историографическое значение армянских лапидарных надписей Крыма // МАИЭТ. — Вып. III. — Симферополь, 1993. — С. 286–288; Свод армянских надписей. — Вып. VII (Украина, Молдова) / Сост. Гр. Григорян. — Ереван, 1996. — С. 101–111;

ное время изображали М. Г. Пештмалджян, Р. Т. Папикьян и В. И. Тимофеев¹.

В 1973, 1976, 1978–1980 годах в Сурб Хаче проводились комплексные археологические раскопки с участием известных крымских исследователей О. Домбровского, В. Сидоренко, О. Махневой, В. Даниленко, А. Герцена. Описания выполненных работ и их итоги нашли отражение в многотомных отчетах и опубликованной в 1978 году книге «Солхат и Сурб-Хач»². Далее мы неоднократно будем обращаться к исследованиям перечисленных авторов с учетом их крайней важности в деле изучения истории и строительных этапов рассматриваемого памятника. Несколько позднее археологические изыскания в Сурб Хаче продолжила Ф. Бабаян, которая сообщила о результатах в нескольких публикациях³.

Сагумян С. Крптограммы и вязи в армянских литографиях (на арм. яз.) // ВОН АН Арм. ССР. — № 9. — Ереван, 1979. — С. 63; Сагумян С. Т., Енгоян А. М. Эпиграфические уточнения (на арм. яз.) // ВОН Арм. ССР. — № 10. — Ереван, 1973. — С. 74–80.

¹ Пештмалджян М. Г. Памятники армянских поселений. — Ереван, 1987; Крым. Архитектура, памятники: фотоальбом / Авт. фото Р. Т. Папикьян, авт. текста В. И. Тимофеев. — Киев, 1991.

² См.: Домбровский О. И., Махнева О. А., Сидоренко В. А. Отчет об археологических исследованиях средневекового монастыря Сурб-Хач в окрестностях г. Старый Крым за 1973 и 1976 гг.; Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. — С. 69–108; Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб Хач (машинопись) / Ин-т археологии АН УССР, отдел археологии Крыма. — Симферополь, 1979; Сидоренко В. А. Отчет о раскопках памятников архитектуры монастыря Сурб-Хач и церкви в селе Богатом в Юго-Восточном Крыму в 1979 г. (машинопись) / Ин-т археологии АН УССР, отдел археологии Крыма. — Симферополь, 1980; Сидоренко В. А., Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях армянского монастыря Сурб-Хач в 1980 г. (машинопись) / Ин-т археологии АН УССР, отдел археологии Крыма. — Симферополь, 1981.

³ Бабаян Ф. С. Раскопки монастыря «Сурб-Хач» // АИК. 1993 год. — Симферополь, 1994. — С. 33–36; Бабаян Ф. С. Об археологических исследованиях средневековых монастырей Сурб Хач и Сурб Стефанос // АИК. 1994 год. — Симферополь, 1997. — С. 36–37; Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Археологические изыскания монастырей Сурб Хач и Сурб Стефанос близ города Старый Крым // ИФЖ НАН РА. — № 1. — Ереван, 1999. — С. 275–289; Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Стефаноса близ города Старый Крым.

Все вышеперечисленные работы при их бесспорной научной ценности многое теряют из-за крайне недостаточного обращения к источникам. Рассматривая те или иные вопросы, их авторы зачастую оказываются наедине с собственными предположениями, не всегда согласующимися с имеющимися сведениями соответствующего периода. Так объективно складывались обстоятельства: из базы источников, известных на сегодняшний день, русскоязычному исследователю были доступны лишь переводы (не всегда точные) нескольких строительных надписей, высеченных на разных участках монастырских сооружений. Между тем, помимо литографий, важные сведения об историческом прошлом монастыря Сурб Хач содержат книжные источники, например хвалебные поэмы XVII века, «Хроника» автора того же столетия Хачатура Кафаеци, «История» Манвела Гюмушханеци, относящаяся к XIX веку, и, конечно же, памятные записи, или колофоны, XIV–XVIII веков, внесенные в созданные в Крыму армянские рукописные книги¹. Именно последние, написанные на древнеармянском языке «грабар», и содержат важнейшие сведения по истории монастыря Сурб Хач, равно как и крымских армян и Крыма в целом. Причем эти сообщения, рассредоточенные по десяткам манускриптов, не являются пересказом информации, а написаны непосредственными свидетелями происходившего. Исследователям-армянам указанные источники, разумеется, были доступны, особенно после публикации свода-многотомника памятных записей XIV–XVII веков². Однако в этом случае уже необходимы были систематиза-

¹ Как правило, перенимая книгу (списав текст, внетекстовые записи, скопировав оформление и миниатюры), писец оставлял собственное обращение к читателю, в котором сообщал место и время ее создания, название содействовавшего этому предприятию духовного центра, указывал имена светских и духовных правителей данного периода, называл свое имя и имя того, кто предоставил образец книги, имена заказчика, помощника, художника-миниатюриста, переплетчика и других. Это небольшое сообщение, в котором нередко описывались и происходившие вокруг события, принято называть памятной записью, или колофоном (colophon). Памятные записи в основном помещались на последних страницах книги. Помимо них, встречаются и пометки на полях, которые обычно очень лаконичны.

² См.: Памятные записи армянских рукописей XIV века (на арм. яз.) / Сост. Л. Хачикян. — Ереван, 1950; Памятные записи армянских руко-

ция и правильное осмысление всего корпуса сообщений на основе исторического, топографического и исследовательского материала по кривоведению.

Рассмотрение прошлого монастыря Сурб Хач с использованием комплекса сведений разнovidных и разноязычных источников, прежде всего армянских памятных записей XIV–XVII веков, впервые проведено Т. Саргсян в 1998 и 1999 годах. Ею же было опубликовано около десятка литографий из церкви и гавита, выявленных в ходе реставрации монастыря в 90-х годах XX века¹. Основные положения и заключения проведенных исследований прошли апробацию в Институте истории НАН Республики Армения². В 2000 году Ф. Бабаян в своей монографии, выпущенной в соавторстве с Э. Корхмазян, воспользовалась сведениями памятных записей, поднятых Т. Саргсян, однако без каких-либо ссылок на публикации исследовательницы³. Занятая ею тенденциозная позиция выразилась и в последней по времени работе 2008 года, также выпущенной в соавторстве с Э. Корхмазян, в которой разработанные Т. Саргсян и М. Петросяном положения и выводы вновь использованы без единой ссылки на работы этих авторов⁴.

В 1992–2001 и 2015–2017 годах в монастыре Сурб Хач проводились систематические реставрационные работы, которыми руководил архитектор М. Петросян. Он неоднократно обращался к

писей XV века. — Ч. 1, 2, 3 (на арм. яз.) / Сост. Л. Хачикян. — Ереван, 1955, 1958, 1967; Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Т. 1, 2, 3 (на арм. яз.) / Сост. В. Аюбян, А. Иоаннисян. — Ереван, 1974, 1978, 1984.

¹ См.: Саргсян Т. Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи (на арм. яз.) // ИФЖ НАН РА. — № 2–3. — Ереван, 1999. — С. 311–323; Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач (на арм. и рус. яз.). — Симферополь, 1998. — С. 10–19, 66–70.

² Саргсян Т. Э. Армянские духовно-культурные центры в Восточном Крыму (XIV–XV вв.): Дисс. канд. ист. наук (на арм. яз.) // Архив Ин-та истории НАН РА. — Ереван, 2004. — С. 103–119.

³ См.: Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. — С. 16–18.

⁴ См.: Бабаян Ф., Корхмазян Э. Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. — Симферополь–Ереван, 2008. — С. 10, 17–18, 39.

строению и восстановлению памятника, обстоятельно описав как его архитектурный облик, так и ход реставрационных работ¹.

В 2008 году, в связи с празднованием 650-летия основания церкви Святого Знамения — главной постройки монастыря Сурб Хач, опубликован ряд интересных исследований, посвященных культурному наследию крымских армян. Среди них немало работ, в которых анализируются различные вопросы, касающиеся самой уникальной древности. В их числе имеются и специальные монографии², и небольшие статьи³, и важные источники⁴.

Целью данного издания является рассмотрение истории монастыря Сурб Хач на основании известных, а также новоявленных источников, пересмотр некоторых ранее сделанных заключений и выводов. При этом наша публикация не претендует стать итоговым словом в освещении этого интереснейшего памятника истории, зодчества и духовной культуры крымских армян. Несомненно, еще есть касающиеся его неизвестные и доселе не использованные источники, которые необходимо вводить в научный оборот и вовлечь в исследовательский процесс.

¹ **Петросян М. В.** Монастырь Сурб Хач и его реставрация в 1992–2001 годах // ИНК. — № 19. — Симферополь, 2007. — С. 25–44; **Петросян М.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его реставрация в 1992–2001 годах (на арм. яз.) // Материалы круглого стола «Охрана армянского культурного наследия в Армении и за рубежом (Ереван–Ошакан, 2–6 декабря, 2008)». — Ереван, 2008. — С. 177–185; **Петросян М.** Монастырь Сурб Хач Крыма и восстановительные работы 1993–2001 гг. (на арм. яз.) // Ушардзан. Ежегодник. — Вып. 4–5. — Ереван, 2008. — С. 19–42.

² **Корхмазян Э. М.** Крымская армянская миниатюра. — Симферополь, 2008; **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым: монастырь Сурб Хач. — Симферополь, 2008; **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму; **Байбуртский А. М., Тимиргазин А. Д.** Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму.

³ Армянские поэты Крыма XV–XX вв. (на арм. и рус. яз.). — Симферополь–Ереван, 2008. — 42–45.

⁴ **Пипоян Л.** Архитектура монастыря Сурб Хач в Старом Крыму // Архитектура и строительство. — № 6–7 (28–29). — Ереван, 2008. — С. 48–54; **Бабаян Ф. С.** Еще раз об археологических изысканиях на территории монастыря Сурб Хач // Исследования по арменистике в Украине. — Симферополь, 2008. — С. 117–119.

ИСТОРИЯ СООРУЖЕНИЯ И СЛУЖИТЕЛИ

Строительная деятельность Ованэса Себасти и его последователей (середина XIV — начало XV веков)

Когда был основан монастырь Сурб Хач, неизвестно. Постройки, ныне входящие в его состав, датируются XIV–XX веками. Наиболее древней среди них является главная святыня — церковь Сурб Ншан (**Սուրբ Նշան**), название которой переводится с армянского как «Святое Знамение». Возведение ее началось в 1358 году при поддержке инок Ованэса и его братьев, о чем сообщает литография на армянском языке. Эта однострочная надпись, обегаящая барабан купола под карнизом, является наиважнейшим и наиболее ранним свидетельством, проливающим свет на основополагающие вопросы строительства и истории церкви Святого Знамения:

ХРАМ СЛАВЫ БОЖЬЕЙ,
ЗЕМНОЙ РАЙ У ДРЕВА ЖИЗНИ,
КОТОРЫЙ ОТНОСИТСЯ К¹ ГОРНЕМУ НЕБУ
И ОБИТАЛИЩУ ТРИЛИЧНОГО,
ОТ РОЖДЕНИЯ ВО ПЛОТИ СПАСИТЕЛЯ
В ТЫСЯЧА И ТРЕХСОТОМ
ПЯТЬДЕСЯТ И ВОСЬМОМ ГОДУ НАЧАТЫЙ,
ВОЗДВИГНУТ ВО ИМЯ СВЯТОГО ЗНАМЕНΙΑ,
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ СЛУЖИТЕЛЯ СВОЕГО
ОВАНЭСА ИНОКА,
И РОДНЫХ БРАТЬЕВ ЕГО,
И ВСЕХ СЫНОВ ПО ДУХУ².

¹ По нашему убеждению, как здесь, так и в надписи 1702 года о восстановлении церкви Сурб Урбат (Святой Пятницы, Святой Параскевы) в селе Тополевка (бывшее Топты, Топлы) Белогорского района Республики Крым, выражение «է ցաւակեր» использовано в значении «относится», «суть собственность» (см.: **Саргсян Т. Э.** Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // Вестник арменоведения. — № 2. — Ереван, 2015. — С. 101).

² Русский перевод надписи составлен Т. Э. Саргсян. Оригинальный текст и комментарии см. в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 1.

Книжные источники, по времени близкие к приведенной надписи, также содержат сведения о храме Святого Знамени и его донаторах. В первую очередь речь идет о памятных записях, или колофонах, армянских рукописных книг, имеющих отношение к Крыму. Так, в Матенадаране им. Месропа Маштоца (Институт древних рукописей) в Ереване хранится Библия (Рукопись 2705), написание которой было завершено в 1368 году в городе Крыме. В своей довольно обширной памятной записи к этой книге переписчик Степанос, сын известного книжного мастера Натера, пишет: «<...> *Итак, муж Господний, по достоинству преисполненный многощедрых даров Божьих, святейший и добродетельный, высокоумный и гениальный, преразумный и рассудительный, святолюбивый иночествующий священник тэр¹ Ованэс, при местоблюстителском осмотре [= инспекции] Северной страны² получил эту книгу богословов-пророков и писаний новозаветных, (вобравших) в один короб Христом изреченные благовещения, и святых апостолов деяния и проповеди, и явление грозного видения святому евангелисту Иоанну, [и] многими и разными затратами украсив (ее)³ сакральными изображениями в златосияющих и многокрасочных цветах, (положил) в утешение и в отраду себе самому, и в память о душе (здесь), затем — в вечности. И настолько заботился о себе, и любил, и страстно обожал слово Божье, что не дал сна глазам или дремоты веждам, пока не прочел святые писания и (не) изучил глубинные смыслы, что таятся в них. И он [= Ованэс], даром Божьим будучи сведущ всецело в смыслах священных писаний, уверенными устами раздавал сердцам и душам слушателей свет слов Божьих, кои нёбу познающего кажутся слаще, нежели мед во рту; и он собирал писания многих толкователей, святыми отцами изъясненные, — толкова-*

¹ Слово «тэр» (владыка, Господь) по традиции Армянской церкви ставится перед именами священнослужителей.

² Очевидно, что этим названием, условным в геополитическом смысле, обозначалась одна из епархий Армянской церкви. Помимо армян Крыма в нее входили армяне Приазовья и, возможно, даже низовий Днепра.

³ Слова и выражения в круглых скобках не присутствуют в подлиннике, но подразумеваются.

ния всех богодухновенных писаний, и поскольку, будучи книгочеем, получил все написанное, [то] и с неутолимим вожделием читал, обучался и обучал не только словом, но и вкладывая достаток в дело, увековечивал выученное из святых писаний. Притом среди множества полезного, что совершил, основательно воздвиг в монастыре своем и храм дивный, нарядный, арочный, с куполом из тесаных камней, с позолоченной лепотой, в местности непостижимой и при стане непорочных волей Божьих и жертвеннике Агнца бессмертного¹, назвав его Святое Знамение — с пятью хоранами², девятью ступенями по образу Верхнего Сиона³, утвердив в нем служителей, серафимам подобных, безбрачных и пречистых, ангельских красавцев светлоликих, несмолкаемыми устами и непрестанной речью служащих нескончаемым прославлением Создателю всех тварей — Богу-Отцу, и Иисусу Христу, и Духу Истинному — Которому слава⁴.

Итак, любовью во Христе молю (вас), после придущих наших братьев, кои повстречаете эту душевную книгу и соприкоснетесь (с ней), так или иначе пользуясь: помяните во Христе Иисусе, Господе нашем и Боге, заслужившего поминания блаженного инока тэр Ованэса⁵ — получателя книги, ибо

¹ Под символическим образом Агнца подразумевался Иисус Христос. Намек на «жертвенник Агнца бессмертного» связан с тем, что в храме хранилась частица древа креста, на котором был распят Христос.

² Алтарь, апсида, углубление.

³ Названия «Новый Сион», или «Верхний Сион», означают Небесное царствие. О возвращении в Сион праведных пишет пророк Исаия: «И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему <...>. И возвратятся избавленные Господом, придут в Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся» (Ис. 35: 8–10).

⁴ Примечательно, что в своей статье «Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму» О. Халпахчян вскользь упоминает приведенный источник, но никоим образом не обращается к его сведениям (см.: Сурб-Хач. — № 1. — 1996. — С. 5).

⁵ В записи использованы отличные друг от друга формы написания одного и того же имени «Ованэс», точное указание которых не принципиально для нашего исследования.

(он) премногими трудами и разными заботами старался над завершением писания [и] потратил много имения, пока, придя к концу, исполнилась (она), которой да позволит Господь Бог насладиться (ему), аминь.

Помяните и родителей его [= тэр Ованэса], отошедших ко Христу господина Пароншаха и Тыкин, [а] в особенности родного брата тэр Ованэса — любимого и всеотважного Гхазара¹ помяните во Христе, который в этом году преставился ко Господу, оставив скорбь великую любящим родственникам своим, а более всего уныния оставил безутешному тэр Ованэсу, ибо брат был исполнителем воли его и всех благих дел сожалателем — как жезл опорный и как посох в руке, как город крепкий и как твердое царство; и по Давиду подобающим было совместное жительство их², ибо сам Гхазар, также бывший мужем с истинной верой, полюбил одиночество — последовав призыву Христа (и) водрузив на плечо крест Господний, всегда заботился о Господнем, а не о мирском³, был единой душой, привязанной к Господу; быв лет пятидесяти, последовавши в миру благостному образу жития, (он) отошел ко счастливым сводам первенцев⁴, (что) над блаженными; и было упокоено почтенное тело его под сенью нововозведенного светлого храма Святого Знаменья, в котором много трудился тот же Гхазар при строительстве нового храма.

Лишь затем, если пожелаете, помяните во Христе и меня, негодного писца — священника Степаноса, поскольку и я поработал над этой (Библией), по распоряжению тэр Ованэса написав часть ее: Новый Завет полностью, кроме Явления [= Апокалипсиса], и Псалтырь, и была завершена (она) рукой моей — многогрешного⁵. В самом конце записи Степанос

¹ В подлиннике — Ղազար. Начальная буква звучит как заднеязычный звонкий «х». Соответствует имени «Лазарь».

² Имеется в виду дружба Давида и Ионафана, старшего сына царя Саула (см.: 1 Цар. 18, 19, 23).

³ Мф. 16:24; Мк. 8:34.

⁴ Выражение взято из армянского гимна «Благословение Святого Ефрема Хури Ассирийского».

⁵ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 485–487 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 2705. —

сообщает, что книга была начата в стране Франков, то есть в Италии, в городе Болонье, неким иеромонахом Аракемом, который перенял первую часть — Ветхий Завет¹.

Таким образом выясняется, что основатель церкви Святого Знаменья инок Ованэс в 60-х годах XIV столетия являлся представителем всеармянского католикоса в Крыму и граничащих с ним землях, о чем свидетельствует проведенный им «местоблюстительский осмотр Северной страны». Известными становятся и имена его родителей — Шахншаха и Тыкин, равно как и брата — Гхазара, который также был безбрачным священнослужителем. Гхазар умер в пятьдесят лет в том же 1368 году и был похоронен под сенью церкви Святого Знаменья, над возведением которой трудился в числе остальных.

Инока Ованэса упоминают свыше двадцати армянских памятных записей XIV века. Во многих из них он именуется Ованэс Себастици (Себастикийский), что указывает на его происхождение из города Себастии² в исторической Малой Армении. Авторы записей характеризуют Себастици как влиятельного духовного деятеля, сведущего в богословии, как ревностного хранителя идей и традиций Армянской церкви, который наводил страх на еретиков и распутных. Писцы возвеличивают его как гениального изыскателя и толкователя, искусного оратора и преразумного учительского главу. Впервые имя инока Ованэса встречается в двух памятных записях 1346 года. Автор первой из них, знаменитый мастер книжного дела Натер, пишет: «Итак, написано это (Евангелие) в северном краю, что называется Хрим, в городе, что зовется Сурхат, в миродержавие хана Джанибека, при местоблюстителе тэр Степаносе и (его) наместнике иноке Ованэсе»³. Во второй записи тот же Натер

Л. 486 об. — 487). Эта и последующие памятные записи на русский язык переведены Т. Э. Саргсян.

¹ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 487.

² Известен также как Кабира, Диополис, Севаст. Ныне — Сивас, или Сваз, в одноименном вилайете Турции.

³ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). — С. 80 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7636. — Л. 275 об.).

сообщает: «В год 795 [= 1346]¹ Армянского летоисчисления было завершено написание богодухновенной книги [= Библии] рукой грешного Натера <...> в краю северном, в столице Крыме, и великолепном, и в знаменитом многолюдном месте, что называется Сурхат², в предводительство владыки Степаноса, наделенного полномочиями посланника³, и местничество гениального оратора иеромонаха Ованэса, в миродержавие хана Джанибека и в градоначальство Раматана⁴,

¹ В текстах-подлинниках цифровые обозначения даны армянскими буквенными символами в соответствии с принятой системой. Даты (годы) приведены по Армянскому большому летоисчислению, которое отстает от нашей эры на 551 год.

² Натер очень скрупулезно относился к своим сообщениям и всегда находился в поиске точных формулировок. С учетом того, что город Крым, где располагалась ставка золотоордынского эмира, расширил свои границы и вобрал в себя более древний Сурхат, Натер представил последний как часть или место в столице Крыме.

³ Эта фраза в подлиннике представлена так: *առաջնորդութեան առաքելական իշխանութեան տեան Ստեփաննոսի*. И хотя слова *առաքելական* и *առաքելաշնորհ* часто переводятся как «апостольская» и «по-апостольски одаренный», мы уверены, что в случаях, подобных нашему, они подразумевают статус посланника католикоса. Кандидат на пост местоблюстителя, как правило, отправлялся к католикосу и получал от него кондак, или послание, о своем назначении.

⁴ Речь идет о Зейн-эд-Дине Рамазане, которого упоминают Ал-Калькашанди и Эль-Муhibби (см.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. I. — С. 350, 413). Неизвестный автор другой армянской памятной записи, датируемой уже 1350 годом, характеризует Раматана как мудрого судью (Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам. — С. 109). Поводом для упоминания армянскими писцами Раматана в таких возвышенных тонах, скорее всего, послужили его справедливые действия по отношению к самим армянам. Возможно, писцы имеют в виду инцидент, произошедший с армянскими купцами в Азахе (Тана, Танаис). В ходе торгового соперничества генуэзцев и венецианцев в Азахе, находившемся под контролем венецианцев, были арестованы товары армянских купцов, привозимые на генуэзских кораблях. Раматан (Рамазан) — глава местной татарской администрации — обратился с письмом к дожу Венеции и потребовал вернуть корабли и товары татароподданным армянам. В свое время этим армянам помогла мать

который ныне заслуживает упоминания за правоустановление на границах по законам политики <...>¹.

Такая последовательность при упоминании имен духовных правителей армян Крыма и региона сохраняется до 1365 года. То есть памятные записи с 1346 по 1365 годы называют инок Ованэса

Монастырь Сурб Хач в конце XIX века. Вид с севера.

хана Джанибека — Тайдула-хатун, предоставив взаимы сумму, равную половине стоимости конфискованных товаров. Видимо, часть груза принадлежала татарам, потому они и приняли действенные меры по его освобождению (см.: **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. — С. 94–95). Раматан в своем письме к дожу установил также новые таможенные таксы и предоставил в распоряжение венецианцев новые порты в Крыму. Но описанные выше события В. Гейд, а вслед за ним и другие авторы относят к 1355–1356 годам (см.: История торговли Востока в средние века. — С. 53–55), между тем как наши записи, сохранившиеся лишь в публикациях, датируются 1346 и 1350 годами, поэтому пока оставим этот вопрос открытым.

¹ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). — С. 85.

наместником, или «вторым», архиепископа тэр Степаноса — духовного предстоятеля местных армян. Согласно источникам, последний, в свою очередь, являлся местоблюстителем католикоса Армянской церкви в «Северной стране» или «всех Северных сторонах». Кроме прямых заверений об этом свидетельствует и расположение его имени сразу после имени католикоса, причем повсеместно — во всех крымских и приазовских памятных записях означенного периода. И несмотря на довольно частое упоминание архиепископа Степаноса в письменных источниках XIV века, границы подвластной его духовному правлению епархии, именуемой теми же источниками «Северной страной», пока не выявлены в точности. Конечно, название это лишено геополитического наполнения, но совершенно очевидно, что для Армянской церкви оно обозначало епархию, объединявшую внутри единого епископата как минимум армян Крыма и Приазовья. Во всяком случае, присутствие наместника (или «второго») у архиепископа Степаноса, каковым был инок Ованэс Себасти, наталкивает на мысль, что духовная власть его распространялась на довольно обширные территории с внушительным количеством армянского населения. Еще более расплывчато понятие «Северные стороны». Когда оно указывает на географическое положение по отношению к Армении и включает Северное Причерноморье и Северное Прикаспие, естественно, вопросов не возникает. Сложность появляется в тех случаях, когда название это используется для обозначения той же епархии «Северная страна»¹.

Когда был учрежден епископат «Северной страны», неизвестно, однако армянский епископ в Крыму упоминается уже с начала XIV века. Известно, что одна из статей Устава города Кафы 1316 года узаконивала неприкосновенность водопровода, проложенного «высокочтимым епископом армян»². Духовных предстоятелей местных армян упоминают и папские энциклики: главы Католической церкви держали их в центре внимания в

¹ Саргсян Т. Э. Из истории Армянской Церкви в Крыму (по памятным записям XIV — XV вв.) // ИНК. — № 18. — Симферополь, 2007. — С. 16–19.

² Микаелян В. А. История крымских армян. — С. 14 (основывается на: *Impositio Officii Gazariae // Historiae Patriae Monumenta*. — Tomus 2. — Torino, 1838. — P. 380).

надежде склонить на свою сторону. В первом из этих посланий, датированном 1318 годом, папа Иоанн XXII обращается к «почтенному брату <...> архиепископу армян, и его возлюбленным сынам — всем священникам учрежденной в Кафе епархии» (*Venerabili fratri <...> archiepiscopo Armenorum et dilectis filiis universis presbyteris per Caphensem dioecesim constitutis*), напомнив о данной ими клятве придерживаться католического вероучения¹. Как уже говорилось, подобного рода клятва могла быть дана армянским духовенством в соответствии с официальной линией киликийского двора и католикосата, которые из политических соображений вынуждены были идти на уступки католикам и признать верховенство папы. Со временем пролатинская ориентация, крайне усложнившая положение внутри и вокруг Киликии, выявила свою несостоятельность, и в 1361 году решения, принятые в начале века в угоду католикам, были аннулированы. В течение же первой половины XIV века «вооруженное» этими решениями папство активно действовало в отдаленных от метрополии армянских колониях. Привилегированное положение итальянцев в Крыму добавляло настойчивости католическим клирикам, но и здесь они сталкивались с жестким отпором приверженцев национальной церкви.

Что касается «архиепископа армян», упомянутого в Уставе и в папском послании, то его звали Аракел. Папа Иоанн XXII указывает его имя уже в следующей своей энциклике, датированной 1321 годом. Он обращается к «архиепископу армян Аракелу и ко всем священникам в переселенческих очагах Казарии» (*Arachieli archiepiscopo Armenorum et universis presbyteris in partibus degentibus Cazariae*)². Таким образом, уже в 1321 году формулировка «всем священникам учрежденной в Кафе епархии» папе представляется слишком ограниченной, чтобы в полной мере охватить адресатов послания — армянских священнослужителей, и он прибегает к названию «Казария», подразумевавшему более обширную территорию. Архиепископа Аракела упоминают и ар-

¹ *Acta Iohannis PP. XXII (1317–1334) // Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis (CICO) / ed. A. L. Tăutu. — Fontes, Series III. — Vol. VII. — T. 2. — Nr. 10.*

² Там же. — Nr. 49.

мянские источники: имя его встречаем в памятных записях 1316 и 1324 годов¹. Преемником Аракела становится известный нам архиепископ Степанос, которого папа Бенедикт XII своей энцикликой от 1340 года приглашает в Авиньон, чтобы рассеять возникшие у того сомнения относительно католического вероучения. Примечательно, что в этом послании папа называет Степаноса «*архиепископом Солхата*»: «*Stephano, archiepiscopo Solcaten[si]*»².

Приведенные источники позволяют заключить, что папство несколько десятилетий подряд не теряло надежды склонить армян Крыма и региона к католичеству. Те же источники дают основание полагать, что резиденция архиепископа крымских армян поначалу находилась в Кафе, но затем, очевидно еще в период правления архиепископа Аракела, была перемещена в Сурхат или его окрестности. Как бы то ни было, можем с уверенностью констатировать, что архиепископская кафедра армян «Северной страны» была учреждена гораздо раньше кафедры польско-молдавских армян с центром во Львове. Достоверно известно, что последняя была основана в 1364 году католикосом Месропом Артазеци³.

Возможно даже, что кафедра «Северной страны» учреждена раньше, нежели аналогичный институт в Сарае — ордынской столице хана Батыя. Возникновение армянского переселенческого очага здесь, как уже говорилось, связывается с перемещением жителей столицы Ани незадолго после нашествия Чармагана в 1236 году⁴. О существовании армянского епископата в Сарае свидетельствуют те же папские энциклики. В одной из них, относящейся к 1321 году, папа Иоанн XXII обращается к «*Степаносу, епископу Сарая*» (*Stephano, episcopo Saraicensi*)⁵.

¹ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). — С. 59–60, 66.

² Acta Benedicti PP XII (1334–1342) // Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis (CICO) / ed. A. L. Tăutu. — Fontes, Series III. — Vol. VIII. — Citta del Vaticano, 1958. — Nr. 51.

³ См.: **Алишан Г.** Каменец. Летопись армян Польши и Румынии (на арм. яз.). — Венеция, 1896. — С. 5–8.

⁴ Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7442. — Л. 281.

⁵ Acta Iohannis PP. XXII (1317–1334) // Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis (CICO). — Fontes, Series III. — Vol. VII. — Т. 2. — Nr. 50.

В другой, датированной тем же годом, — к «*возлюбленным сынам армянского народа из епархии, учрежденной в городе Сарая*» (*Dilectis filiis populo Armenorum per Saraicensem civitatem et dioecesim constitutis*)¹. Третья энциклика того же папы от 1329 года адресована «*возлюбленному во Христе брату Павлу [= Погхосу], епископу армян в татарской империи Узбека*» (*Dilecto in Christo fratris Paulo episcopo Armenorum in imperio Tartarorum Iusbeck*)². Архиепископа Погхоса упоминает и армянская памятная запись, составленная в 1319 году в Сарае, которая характеризует его как достопочтенного и доброго пастыря-начальника³. Примечательно, что автор этой записи имя главы агванкского католикоса ставит перед именем киликийского католикоса: «*И писалось сие (Евангелие) <...> во времена богочитающего и духовного владыки Степаноса — восточного католикоса армянского, и владыки Костандина — киликийского католикоса, и в царствование армянского (короля) Ошина*»⁴. Под восточным католикосом подразумевается глава зависящего от Армянской церкви Агванкского (Агванк, Агуанк — Кавказская Албания) католикосата. В конце XIV века престол его утвердился в Гандзасарском монастыре (в области Арцах Большой Армении, Нагорный Карабах, ныне — Республика Арцах), в связи с чем католикосат стал именоваться Гандзасарским. В период, когда верховный патриарший престол Армянской церкви находился в далекой Киликии, в городе Сисе (1293–1441 годы), связи армян северо-восточных переселенческих очагов с ближайшим Агванкским католикосатом были более тесными. Именно поэтому автор записи 1319 года, написанной в Сарае, сначала упоминает восточного армянского католикоса и только после — киликийского.

Хотя имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить о кафедрах северных армянских переселенческих очагов лишь с начала XIV века, это не значит, что до означен-

¹ Там же. — Nr. 51.

² Там же. — Nr. 112.

³ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). — С. 61.

⁴ Там же.

ного времени у них не было предстоятелей. Во главе колоний, по сути, всегда стояли лица духовные и очень высокого сана. Однако из-за отсутствия централизованной системы правления они не были подконтрольными метрополии. Об этом четко свидетельствует кондак (послание) католикоса Месропа Артазеци от 1364 года, адресованный армянам Польского королевства и Молдавского княжества. Он пишет, что беспокоится за своих соотечественников, которые живут среди других христиан, лишённые мудрого пастыря, «*ибо те, кои без одобрения метрополии распорядились их духовными делами, не имели правомочий и являлись самозванцами*»¹.

Памятная запись 1341 года, составленная в городе Азахе под покровительством церкви Святого Григора Просветителя, позволяет сделать вывод, что архиепископ Северной страны Степанос происходил из армян Судака. Последний в армянских источниках XIII–XIV веков именуется «Сухта» или «Сутах»: «*Написана книга в стране наибогословенного хана Узбека и доброславного сына его Динибека, в городе Азахе, у врат (церкви) Святого Григора Просветителя, в архиепископство тэр Степаноса – сына священника Григора Сухтаци [= Григора родом из Сухты], и в протоиерейство тэр Саргиса – сына священника Мануиела*»².

Таким образом, архиепископ Степанос был из числа местных армян, а некоторые сообщения о том, что он являлся предстоятелем, посланным католикосом, свидетельствуют о его поездке в Сис для получения одобрения и кондака католикоса. По данным источников, в частности многочисленных посланий католикосов к армянам Польской, или Львовской, епархии, этот общепринятый в Армянской церкви порядок с XIV века стал распространяться и на удалённые от метрополии северные епископаты³. При этом, согласно косвенным сведениям тех же патриарших посланий и генуэзских документов середины XV века, прежде чем получить

¹ Алишан Г. Каменец. – С. 5–8.

² Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 73 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 8030. – Л. 327 об. – 328).

³ См.: Алишан Г. Каменец. – С. 5–8, 9–13, 225–227.

одобрение верховного церковного главы, претендент на пост архиепископа должен был заручиться поддержкой своей будущей паствы и ее духовенства¹.

Последняя памятная запись, автор которой упоминает архиепископа Степаноса, относится к 1365 году². Далее имя этого предстоятеля перестает фигурировать в записях, несомненно, по причине его кончины: армянские источники, в том числе и свидетельства крымского происхождения, дают основание заключить, что священнослужители, назначенные на предводительские должности, занимали их пожизненно.

Место архиепископа Степаноса занял инок Ованэс Себастици. Крымские колофоны 1368–1377 годов, к которым относится и приведенная выше пространная запись 1368 года, уже говорят о нем как о предстоятеле армян «Северной страны», или «всех Северных сторон», и ставят его имя сразу после имени католикоса³. С учетом повышения по служебной лестнице логичным и уместным представляется и местоблюстительская поездка инока Ованэса по Северной стране. Новый предстоятель не имел наместника и совмещал две должности. Один из писцов по этому поводу пишет: «*Завершена сия (Праздничная Минея) <...> в лето Армянское восемьсот двадцать третьье [= 1374], мая месяца 31-го, при входе в июнь, в патриаршество владыки Костандина*⁴, в епископство и в наместничество тэр Ованэса инока Себастици <...>»⁵. Интересно, что епископского сана у последнего не было – источники называют его «монахом», «иеромонахом» или же «иноком», однако пост, который он занимал в

¹ См.: там же. – С. 225–227; Колли Л. П. Падение Каффы // ИТУАК. – № 54. – Симферополь, 1918. – С. 164–166; Продолжение: ИТУАК. – № 55. – Симферополь, 1918. – С. 164–165.

² См.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 158 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 4656. – Л. 506).

³ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 485, 494, 496, 504, 514, 518, 524. Подробнее об этом см.: Саргсян Т. Э. Из истории Армянской Церкви в Крыму. – С. 16–20.

⁴ Католикос Костандин Сисеци правил Армянской церковью в 1372–1374 годах.

⁵ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 514.

течение почти 15 лет, как можно заметить, был архиепископским по статусу, что писец в данном случае и имеет в виду.

Более поздние записи, датированные 1381–1384 годами, вновь представляют инок Ованэса наместником, а архиепископом «Северных сторон» называют «Степаноса, юношеского возраста»¹. Весьма показательна одна из них: «<...> *Завершен (Лекционарий) в лето 833 [= 1384] <...> в патриаршество владыки Тэодороса² и епископство тэр Степаноса, юношеского возраста, и наместничество тэр Ованэса Себастаца, премудрого и рассудительного, (а) в царстве нашем Господь да воцарится и бережет (его)³, и в мироправление тачикского хана Тохтамиша (из) рода Апу, в краю Гуннов, в стране Крыма, в великолепной и прославленной столице, что называется Кафа, у берега моря, (в) княжение латинян, под сенью (церкви) Святого Акоба – патриарха Мцбина⁴»⁵.*

Таким образом, с приходом к власти молодого архиепископа Степаноса инок Ованэс, доживший до преклонного возраста, вновь возвращается на должность наместника (заместителя архиепископа). Последняя по времени запись, в которой он упоминается, относится к 1384 году⁶.

Обратим внимание на довольно долгое пребывание инок Ованэса на постах духовного главы армян «Северной страны» и

¹ Там же. – С. 538, 548.

² Католикос Тэодорос II Киликеци возглавлял Армянскую церковь в 1382–1392 годах.

³ В 1375 году Армянское царство Киликии прекратило существование. Отсутствие царя писец восполнил надеждой на Господа.

⁴ Упомянутая армянская церковь в Кафе была воздвигнута во имя Акоба Мцбнаца (Мцбинского) – известного деятеля Сирийской и Армянской церквей первой половины IV века. Будучи ассирийцем по национальности и епископом Мцбина (Северное Междуречье), он поддерживал тесные связи с Арменией. Одним из первых предпринял восхождение на гору Арарат с целью найти Ноев ковчег или его остатки (см.: Фавстос Бузанд. История Армении. – С. 81–84). Канонизирован Армянской церковью.

⁵ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 186–187 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7402. – Л. 517 об.).

⁶ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 548.

его наместника – с 1346 по 1384 годы. Причем мы получили этот временной интервал, опираясь на сведения лишь сохранившихся и известных нам памятных записей, поэтому не исключено, что его реальные границы даже немного шире.

Познакомившись с системой духовного правления армян-поселенцев «Северной страны» и эпизодами из биографий некоторых священнослужителей, осуществлявших это правление в XIV веке, продолжим рассмотрение записи 1368 года. В ней писец Степанос сообщает, что в числе прочих дел инок Ованэс построил «храм», которому дал название «Сурб Ншан» («Святое Знамение»). Помимо имени донатора церкви, а также названия самой церкви, тождественность упомянутого в источнике духовного сооружения и главной постройки монастыря Сурб Хач подтверждает также их архитектурное сходство. В памятной записи Степаноса возведенное иноком Ованэсом строение описывается как «*храм дивный, нарядный, арочный, с куполом из тесаных камней <...> с пятью хоранами, девятью ступенями <...>*». Отметим, что церковь монастыря Сурб Хач полностью соответствует приведенному описанию. Это купольное сооружение арочно-сводчатой конструкции, внутри которого действительно насчитывается пять апсид: центральная апсида и четыре угловых помещения, оформленные наподобие апсид – полукружиями на восточной стороне. Само здание построено из бута, а подпружные арки, стрельчатые своды и установленный над средокрестием барабана купола, в соответствии с приведенным источником, – из тесаного камня.

Запись Степаноса свидетельствует также, что у инок Ованэса был брат по имени Гхазар, который принимал активное участие во всех его начинаниях, в том числе и в возведении церкви. Согласно Степаносу, Гхазар умер в пятидесятилетнем возрасте в том же 1368 году и был похоронен под сенью нововозведенного храма Святого Знамения. Причина смерти Гхазара не указывается. Но, по сообщениям источников, вторая половина 60-х годов XIV века выдалась очень тяжелой для жителей города Сурхат-Крыма и окрестностей. В 1363 году из-за междоусобицы в Орде, начавшейся еще в 1359 году, после смерти хана Бердибека, начальник города окружил свое местопребы-

вание рвом, разрушив при этом много домов: «И в сие время [= 1363 году] бушует смута возмущения из-за плотских мироправителей, ибо не существует главы-царя, кто установит мир (и) по Господнему слову не допустит разделения царства¹, из-за чего и начальник этого города [= Сурхат-Крым] режет яму, роет ров вокруг города, и много домов с основ разваливает, и разруха — нечислимая <...>»². Кстати, это единственный известный на сегодня источник, освещающий обстоятельство сооружения рва вокруг города Сурхат-Крым.

Однако в 1365 году, содрогнувшись перед нападением Мамая, тот же начальник сбегает, оставив на произвол судьбы как население города, так и искавших в нем убежище жителей из других городов и селений полуострова³. Еще через некоторое время, в 1368 году, по свидетельству писца Степаноса, в городе настает

¹ Автор подразумевает евангельское изречение «*Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит*» (Мф. 12:25; Лк. 11:17).

² Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). — С. 152 (Британский Музей. Add. 19, 732). Публикацию оригинала см.: A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum / By Frederick C. Conybeare. — London, 1913. — P. 248 (100); Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 460. Русский перевод ср.: **Хечумян В.** Книга книг. — Москва, 1984. — С. 142; **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. — С. 60; Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян / Рус. пер., предисл. и коммент. Т. Э. Саргсян // ИНК. — № 8. — Симферополь, 2004. — С. 152.

³ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). — С. 158–159 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 4656. — Л. 506, 260 об.). Публикацию оригинального текста см.: Памятные записи армянских рукописей XIV века — С. 467–468. Русский перевод ср.: **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. — С. 60; Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян. — С. 153. Подробнее об этом см.: Армяно-католические отношения и деятельность армян-католиков в Крыму по памятным записям XIV–XV веков / Сост., рус. пер. памятных записей, предисл. и прим. Т. Э. Саргсян // ИНК. — № 16. — Симферополь, 2006. — С. 24–25.

«жуткий голод» и погибает «бесчисленное и несметное число душ, что и писать невозможно»¹.

Другая запись, датированная 1362 годом, в перечне родственников инока Ованэса сохранила имя его второго брата — го-

Монастырь Сурб Хач. Вид с юго-запада.
Рисунок 1885 года (авт. — Н. И. Калинин).

сподина Акоба, который, будучи купцом, видимо, оказывал материальную поддержку строительству церкви: «Итак, кто повстречает сию свет раздающую святую книгу (Дионисия Ариопагита), пусть помянет названного выше тэр Ованэса и родителей (его) по плоти — господина Пароншаха и Тыкин, отошедших ко Христу, и почтенных братьев его — мудрого купца господина Акоба и грамматика Гхазароса², и господина Авага, ставшего зятем им, также сестру и всех кровных близких, чтобы воздал им Господь жизнь двойную, (позволив) этой усладиться радостно, в неврежимости от напастей, а в

¹ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). — С. 162 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 2705. — Л. 487). Публикацию оригинального текста см.: Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 487.

² В подлиннике — Չազարոս գրամարտիկ. Определение «gramartik» или «грамматик» означает, что Гхазарос был просвещенной науками личностью.

*будущем уверенно вступить в (вечную) жизнь, как честные и многополезные слуги Господни <...>*¹.

Но вернемся к записи 1368 года. Она дает важнейшие сведения о единовременном возведении общего здания церкви и ее купола. Дело в том, что выстроенный из тесаного камня и декорированный резьбой двенадцатигранный купол определенным образом «противоречит» корпусу здания, выполненному из бутового камня. Это обстоятельство в свое время дало основание О. Домбровскому и В. Сидоренко считать их разновременными постройками². В своей интерпретации этой версии Ф. Бабаян и Э. Корхмазян считают, что иноком Ованэсом был построен лишь купол церкви, а само здание является более ранним сооружением³. Однако сообщения Степаноса исключают такую возможность. Заметим, что, согласно им, инок Ованэс «основательно воздвиг» в своем монастыре дивный храм, а далее «под сенью нововозведенного светлого храма Святого Знамения» был похоронен Гхазар, который много трудился «при строительстве нового храма». Ясно, что речь идет о сооружении всего церковного здания, включая и его купол, который уже тогда, в отличие от корпуса, был выстроен «из тесаных камней». Из них же были построены несущие конструкции (устои, пилястры, подпружные арки, нервюры), а также своды, оконные и дверные обрамления. В подобной строительной технике, применение которой было обусловлено дефицитом поддающихся обработке твердых пород, и воздвигались армянские купольные сооружения Восточного Крыма⁴. Примером могут служить церкви Святого Иоанна Предтечи (XIV век) и Святых Архангелов (1408 год) в Феодосии. Есть основания предполагать, что при этом основной корпус церковей снаружи покрывался штукатуркой.

¹ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). – С. 150–151 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 24. – Л. 271 об.). Публикацию оригинального текста см.: Памятные записи XIV века. – С. 456.

² Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. – С. 89.

³ Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Археологические изыскания монастырей Сурб Хач и Сурб Степанос близ города Старый Крым. – С. 286; Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. – С. 17.

⁴ Петросян М. В. Монастырь Сурб Хач и его реставрация в 1992–2001 годах. – С. 26.

Существует и другой спорный вопрос, на который, на наш взгляд, проливает свет данная запись. Дело в том, что те же авторы, Ф. Бабаян и Э. Корхмазян, основываясь на строительной литографии 1358 года, считают, что инициированные иноком Ованэсом строительные работы были не начаты в 1358 году, а завершены в его начале¹. Пассаж армянского оригинального текста допускает такое толкование. Однако в своей записи Степанос неоднократно подчеркивает, что в 1368 году храм представлял собой новостройку. Конечно, с исторической точки зрения, десятилетний период между 1358 и 1368 годами – всего лишь мгновение, но Степанос жил в это время, и 10 лет для него не могли быть чем-то незначительным. Следовательно, в 1368 году он мог характеризовать построенное в 1358 году сооружение «новым», но не акцентировал бы внимание, причем неоднократно, на том, что оно «нововозведенное». Вся запись 1368 года проникнута величайшим уважением и восторгом по отношению к богоугодному деянию Ованэса – сооружению храма Святого Знамения. Вряд ли через 10 лет после завершения его строительства эти настроения были бы столь свежи у Степаноса. Приведенные доводы и дали нам основание заключить, что строительные работы по возведению церкви Святого Знамения были начаты именно в 1358 году и завершены близко к 1368 году.

Собственно, и год 1358 нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что дата начала строительства церкви Святого Знамения в приведенной выше строительной надписи дана не по Армянскому, а по Христианскому летоисчислению, которое армяне Крыма применяли довольно часто. Но разные церкви и народы пользовались отличными друг от друга подсчетами Христианского летоисчисления, так как точку отсчета (год рождения Христа) вычисляли, ориентируясь на разные эпизоды, приводимые в Священном писании². К примеру, армянский счет отличался как от латинского, так и от греческого и сирийского. Если Христианское летоисчисление по латинскому счету совпадает с нашей эрой, то по армянскому – опережает

¹ Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Археологические изыскания монастырей Сурб Хач и Сурб Степанос близ города Старый Крым. – С. 285–286.

² См.: Калимишин И. А. Календарь и Хронология. – Москва, 1990. – С. 334–335.

ее на два года: армяне придерживались мнения, что Христос родился двумя годами раньше общепринятого сегодня I года нашей эры. Имеющиеся источники свидетельствуют, что инок Ованэс и его приближенные (к примеру, тот же Натер и его сыновья) пользовались христианским летоисчислением именно по армянскому счету, то есть с учетом двухгодичной поправки по отношению к латинскому¹. Таким образом, вполне возможно, что приведенный в надписи 1358 год дан по армянскому счету Христианского летоисчисления и соответствует 1356 году нашей эры. Принимая эту поправку как информацию к размышлению, в дальнейшем мы будем использовать данную в надписи дату, не изменяя ее.

Интересно, что построение церкви Святого Знамения Степанос ставит в один ряд с другими «полезными» делами инока Ованэса: *«Притом среди множества полезного, что совершил, основательно воздвиг в монастыре своем и храм дивный»*. Следует предположить, что под совершенными иноком Ованэсом другими «полезными» делами Степанос подразумевает аналогичные предприятия строительного характера. На эту мысль наводит выражение *«вкладывая достаток в дело, увековечивал² выученное из святых писаний»*.

О строительной деятельности Ованэса и его братьев конкретные сведения предоставляет известный писец и поэт XVII века Степанос Тохатеци. В памятной записи от 1607 года, которую он поместил в собственноручно скопированный Гимнарий³, читаем: *«Песнь о богоявлении, и рождении, и крещении Господа нашего Иисуса Христа, сказанная Ованэсом вардапетом [= богословом] Себастиа; они, трое братьев, приехали в Кафу в 830 году [= 1381] и построили (церкви) Святых Сороков и Святого Оксента, и монастырь Святого Знамения Крыма. Имя отца Ованэса — Северного предстоятеля — было Пароншах, а матери — Тыкин, братьев же — господин Акоб и Гхазар грамма-*

¹ См.: Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 369, 434, 496, 518, 505 и др.

² В подлиннике — *արդէաւորք ի գործ բերելի արձանագրուցանէր գրուիլիսի*.

³ Сборник духовных песнопений.

*тик»*¹. По ряду сведений, эта запись Степаноса Тохатеци является уникальным документом. Во-первых, она сообщает, что Ованэс Себастиа, который, согласно записи 1368 года, был книголюбом и сведущим в священных писаниях богословом, сам сочинял церковные песнопения. Один из этих гимнов дошел до нас именно

Рисунок монастыря Святого Знамения в Себастии.

благодаря тому, что Степанос Тохатеци записал его в свой сборник. Источник же, которым он пользовался, неизвестен. Во-вторых, Тохатеци сообщает, что до возведения *«Святого Знамения Крыма»*, иноком Ованэсом и его братьями в Кафе были построены церкви Святых Сорока мучеников себастийских и Святого Оксента. Значит, строительство этих культовых сооружений имело место приблизительно в 30–40-х годах XIV столетия, между тем как дошедшие до нас наиболее ранние их упоминания

¹ Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 2672. — Л. 37 об. Публикацию см.: Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Т. 1. — С. 253.

относятся лишь к 1438 году¹. Конечно, Степанос Тохатеци ошибается, считая 1381 год временем приезда семьи инока Ованэса в Крым. Скорее всего, ввиду ветхости неизвестной сегодня книги-образца, им была неверно прочтена и списана дата: видимо, 780 год армянского летоисчисления, что соответствует 1331 году, а возможно, даже 770 год, соответствующий 1321 году. Заметим, что Ованэс Себастиаци в качестве наместника архиепископа упоминается уже в записях 1346–1347 годов, а значит, ему понадобилось бы время, чтобы проявить себя среди соплеменников, завоевать уважение и стать достойным столь высокой должности. В этот промежуток времени, равно как и в формировавшую авторитет деятельность, укладывается возведение двух церквей в Кафе.

Еще раз обратимся к сообщениям писца Степаноса от 1368 года. Не менее интересным является его сведение о том, что инок Ованэс построил церковь Святого Знамения в своем монастыре, а значит, на территории уже существовавшего духовного центра, главой которого он являлся. На этом настаивает и автор поэмы 1653 года «[Песнь] о монастыре Сурб Хач, сказанная Габриелом». Он пишет, что когда-то двое братьев, обосновавшись в почтенной обители Сурб Хач, старательно и с большой любовью перестроили ее². О реконструкционных работах, проведенных Ованэсом Себастиаци, подчеркнуто говорится и в одной хвалебной поэме XVII века. Судьба ее подлинника неизвестна. Существует лишь несколько публикаций, первая из которых принадлежит М. Бжишкяну. В приписке к ней сообщается имя автора – Акоб Кафаеци, а также дата написания – 1694 год³:

¹ См.: Послание армянского духовенства и вельмож Кафы к католику Костандину Вагкаци по поводу участия во Флорентийском соборе 1438–1439 годов // Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах. – С. 32.

² Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 1636. – Л. 119 об. – 120.

³ В книге М. Бжишкяна дата написания поэмы указана по Армянскому летоисчислению – 1144 год, что соответствует 1695 году нашей эры. Рядом, в скобках, приведена дата по нашей эре – 1694 год (см.: Путешествие в Польшу... – С. 327). Видимо, во время печатания книги вместо 1143 ошибочно было набрано 1144, что в определенных случаях (потертость текста, недостаточная разборчивость почерка) возможно при указании цифр «3» и «4» армянскими буквенными символами.

*Волею Святого Духа некто ученый,
По имени Ованэс, в должности державной,
Выходец из великой страны Себастиийской,
С верой воздвиг монастырь (?) Сурб Ншан...
Имеv у себя древо Спасительское,
Пришел в страну великославную,
Чтоб заключить частицу берега Господнего,
Перестроил монастырь Сурб Ншан...¹.*

Таким образом, проведенные иноком Ованэсом перестроечные работы на территории уже существовавшего духовного центра подтверждаются несколькими не зависящими друг от друга источниками. Разъяснений требуют четвертая и восьмая строки приведенного отрывка, где сначала говорится о возведении, а затем о перестройке «монастыря Сурб Ншан». В армянском варианте в обоих случаях перед словосочетанием «Сурб Ншан» (Святое Знамение) стоит слово *վանք* (vanq), что в точном переводе означает «монастырь». Не исключено, что, помимо церкви, Ованэс Себастиаци возвел и какие-то другие монастырские сооружения, например гавит (притвор), и в результате не просто перестроил старый монастырь, а кардинально изменил его облик. Но возможно и другое объяснение: словом *վանք* нередко обозначается непосредственно культовое здание – храм или церковь. В таком случае можно предположить, что в четвертой строке речь идет о возведении церкви Сурб Ншан (Святого Знамения), а в восьмой – о перестройке монастыря Сурб Ншан в результате этого строительства. Заметим, что в поэме монастырь фигурирует под названием своей единственной церкви. И это вполне закономерно. Как правило, крупные армянские духовные центры носили имена стоявших в них главных святых, и в данном случае совершенно естественно, что рассматриваемому монастырю было дано название его единственной церкви – «Сурб Ншан», то есть «Святое Знамение». Под этим названием он фигурирует и в

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... – С. 327. См. также: **Кушнерян Хр.** Путешествие из Феодосии в Нор-Нахиджеван. – С. 195–196; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 13. Существует русский перевод поэмы, сделанный Хр. Кушнеряном (Армянские древности Таврического полуострова. – С. 450–451), но приведенный здесь перевод, выполненный Т. Э. Саргсян, ближе к оригиналу.

других поэмах, а также во многих памятных записях и литографиях XV–XVIII веков. На основании известных на сегодняшний день источников можно даже выяснить конкретную причину, по которой церковь была освящена в честь Святого Знамения, не взирая на широкую распространенность этого названия среди армянских культовых построек.

Итак, массовые или же групповые переселения, независимо от времени их совершения и национальности мигрировавших, имели общие характерные черты, наиболее заметной из которых было стремление переселявшихся воссоздать на новом месте тот микроклимат, который окружал их на родине. При поэтапном движении он воспроизводился на каждой из исторических стоянок и выражался в воссоздании быта и топонимики, равно как и освящении духовных центров названиями покинутых. В этом отношении крымские армяне не были исключением, и история этой колонии XIV века, ознаменовавшаяся беспрецедентным увеличением численности колонистов за счет миграции новых масс армян, — яркое тому подтверждение. Чаще всего переселенцы выезжали из родных мест целыми группами родственников и земляков-соседей и на новом месте теми же группами обосновывались, сохраняя атмосферу родной микросреды. Согласно этой же логике, они строили новые поселения и духовные центры в память об оставленных и давали им те же названия.

Источники свидетельствуют, что инок Ованэс и его братья прибыли в Крым из Себастии. А вблизи этого города существовал знаменитый монастырь Святого Знамения, сыгравший заметную роль в духовно-культурной жизни армянского народа в XI–XIX веках. Скорее всего, в этом монастыре в ранней молодости и служил инок Ованэс, один из любимцев монастырского настоятеля того времени — епископа Степаноса Себастиаки. По этому поводу сохранилось интересное сообщение, продиктованное последним. Согласно этому источнику, побывав в Сисе, в столице Киликии, епископ Степанос Себастиаки получил от короля Ошина¹ великолепное Евангелие — выдающийся образец книжного искусства, в котором, однако, были оставлены свободные места для нескольких миниатюр. Он дал дополнить недос-

¹ Ошин — король Киликийской Армении в 1308–1320 годах.

тающие картины известному художнику Саргису Пицаку, и тот завершил иллюстрирование книги в 1320 году. Об этом своем благодеянии епископ Степанос велел сделать запись там же — в полученном в подарок Евангелии, где упомянул и своих преданных учеников из себастийского монастыря Святого Знамения: *«И духовного сына моего тэр Симэона (помяните), которому в этом году был присвоен благородный сан епископа, и душою родного мне инока Ованэса, и писца Айрапета, и всю общину духовных братьев, которые сладостным ярмом службы пребывают в святом ските, что во имя богоумелого Святого Знамения [в Себастии]»*¹.

Впоследствии притесненный «иноземцами» епископ Степанос Себастиаки вынужден был взять книгу и бежать в Кафу². Он мечтал о возвращении в свой исконный себастийский монастырь, однако, скорее всего, закончил жизненный путь в Крыму. Во всяком случае, в течение нескольких веков его Евангелие не покидало полуостров. Согласно сохранившейся в нем другой памятной записи, сделанной в Кафе в 1621 году, уже обветшалую рукопись обновил, укрепил и заново переплел епископ Хачатур Зейтунци³. Думается, что, в случае отъезда из Крыма, епископ Степанос непременно забрал бы Евангелие с собой и в 1621 году оно не оказалось бы в Кафе. При этом мы не встречаем имени беглого епископа в числе высшего армянского духовенства Крыма первой половины XIV века. Точнее, его имени мы больше нигде не встречаем⁴. Не считаем также возможным отождест-

¹ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.). — С. 63–64 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7651. — Л. 269–270 об.). Публикацию текста оригинала см.: Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 162–163.

² В тех же местах.

³ Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Т. 2 (1621–1640 гг.) / Сост. В. Акобян, А. Иоаннисян. — Ереван, 1978. — С. 23.

⁴ История армянской церкви XIV века знает и другого Степаноса — епископа Себастии. Тот в 1387 году был обвинен в заговоре против султана Бурхана ад-Дина и предан мученической смерти (см.: **Аракел Даврижеци**. Книга историй. Памятники письменности Востока. — XXXVII / Пер. с арм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. — Москва, 1973. — С. 481–482, 563).

влять этого епископа Степаноса с неоднократно упомянутым выше духовным предстоятелем «Северной страны», или «всех Северных сторон», хотя бы потому, что тот происходил из армян Судака и не имел отношения к Себастии. Ни одна из памятных записей не связывает его с Себастией, между тем как в случае с иноком Ованэсом автор каждой второй записи подчеркивает его себастьянское происхождение.

Таким образом, вполне возможно, что инок Ованэс, который служил в себастьянском монастыре Святого Знамения и которого упоминает епископ Степанос в своей записи 1320 года, и есть основатель церкви Святого Знамения крымского монастыря Сурб Хач. Он мог отправиться в Крым вслед за своим наставником или даже по его зову. Это предположение укладывается во временные рамки. Вспомним, что брат инока Ованэса — Гхазар скончался в 1368 году в пятидесятилетнем возрасте. А тот был моложе инока Ованэса и, судя по благоговейному, почти отцовскому отношению последнего к Гхазару, намного моложе. Если предположить, что инок Ованэс родился в начале XIV века, то во время составления записи епископа Степаноса (1320 год) ему было лет 15–20. Скончался же он, очевидно, где-то в середине 80-х годов XIV века в возрасте 80–85 лет. Следует отметить, что инок Ованэс также был похоронен под сенью нововозведенного храма Святого Знамения, рядом с братом Гхазаром. Молва об этом шла в течение веков вплоть до XIX столетия. По этому поводу М. Бжишкян, ссылаясь на хранившуюся в Матжарах¹ одну армянскую рукопись, отмечает, что «*инок Ованэс и его брат Георг*» инициировали строительные работы в Сурб Хаче, где впоследствии и были похоронены. Он даже сообщает, что украшенные резными жезлами надгробия на их могилах еще «*существуют там*»². Разумеется, Бжишкян заблуждается в том, что брата инока Ованэса звали

¹ Поселение Матжар, или Маджары, вблизи современного Ставрополя. По сведениям М. Бжишкяна, относящимся к 20-м годам XIX века, в нем проживало 60 армянских семейств, которые имели свою деревянную церковь. В окрестностях было видно много старых развалин (Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 409; Армянские древности Таврического полуострова. — С. 448).

² Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 325; Армянские древности Таврического полуострова. — С. 448.

Георг. Откуда появилась эта ошибочная информация в рукописи из Матжар и где сама рукопись, неизвестно. Но вполне вероятно, что именно эта ошибка легла в основу названия «Георгиевский монастырь», которым Сурб Хач по недоразумению именуется во многих документах российского периода: труднопроизносимое для русскоязычного человека имя главного донатора «Ованэс» могло быть отодвинуто, а понятное и доступное имя «Георг» — удержано и распространено на весь монастырь.

Весьма интересен и тот факт, что церковь Святого Знамения крымского монастыря по архитектурной композиции довольно близка к одноименной церкви себастьянского духовного очага¹. Описание последней находим в письмах архитектора Тороса Тораманяна — непревзойденного знатока средневекового армянского зодчества. По его словам, церковь Святого Знамения себастьянского монастыря представляла собой купольный зал с одной парой свободно стоящих колонн. По обе стороны ориентированной на восток центральной апсиды размещались двухэтажные апсидоподобные приделы². Добавим к этому информацию сохранившихся фотографий, согласно которым купол себастьянской церкви перекрывался усеченной полусферой и слегка сплюснутым шатром. Таким образом, в обоих случаях находим купольный зал с парой выраженных колонн (вторая пара скрыта в составе

¹ Армянские средневековые источники свидетельствуют, что монастырь Святого Знамения в Себастии был основан в XI веке царевичем Атомом — сыном Сенекерима-Ованэса Арцруни. Последний был правителем царства Васпуракана, находившегося южнее и юго-западнее озера Ван (ныне в составе Турции). В 1021 году, теснимый сельджуками и Византией, Сенекерим-Ованэс поменял свое царство на обширные владения в глубине империи. Полученная им во владение Себастиа вместе с сопредельными землями в более глубоком прошлом входила в состав Малой Армении.

Помимо храма Святого Знамения в себастьянском монастыре были и другие культовые постройки — церкви Святой Богородицы и Святого Иоанна Предтечи. В конце XIX — начале XX веков все они еще существовали. Монастырь прекратил деятельность после организованного турецким правительством истребления и депортации армян в 1915–1920 годах.

² Тораманян Т. Письма / Сост. Н. Тораманян. — Ереван, 1968. — С. 180–181.

межапсидных пилонов), трехапсидной конструкцией восточной части, апсидоподобными приделами, невысоким барабаном со сплюснутым шатром. По этому поводу весьма кстати оказывается характеристика церкви Святого Знамения монастыря

Интерьер армянской церкви Успения Пресвятой Богородицы во Львове.

Сурб Хач, данная А. Л. Якобсоном: «Храм в виде массивного куба с тремя алтарными полукружиями в толще стены и куполом на широком многогранном барабане, опоясанном лентой надписи — настолько близок по формам к собственно армянским, что кажется, будто он перенесен из Армении на почву Крыма, хотя и выстроен в типично крымской технике того времени — из бутового камня»¹. А строительная техника, как известно, всегда диктовалась местными условиями, в первую очередь имевшимся под рукой строительным материалом.

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — С. 116.

Примечательно, что тип купольного зала крымской церкви Святого Знамения вскоре был перемещен с полуострова в Польшу и использован при строительстве армянской церкви Успения Пресвятой Богородицы во Львове. По мнению архитектора А. Ю. Казаряна, возведенная в 1363 году львовская церковь во многом повторяет строение крымского храма Святого Знамения¹. И это не случайность, поскольку одним из заказчиков львовской церкви был выходец из Крыма — некий Акоб из Кафы. По этому поводу в завещании донаторов церкви Успения Пресвятой Богородицы, некогда хранившемся в архиве Армянского суда во Львове, говорилось: «Иисус Христос. Сие является записью нашего волеизъявления и заверения — Акоба, сына Шахшаха, родом из Кафы, и Фаноса, сына Аврана, родом из Гхазала², которые при свидетельстве Божьем и старейшин сим письменно заверяют, что дали обет по поводу (церкви) Пресвятой Богородицы и построили (ее) в городе Лов — армянского толка, по вероисповеданию Святого (Григора) Просветителя, подвластную католикосу и (местному) армянскому епископу, а также армянским старейшинам. <...> Составлена запись в Армянское лето 812 [= 1363], в день тридцатого августа»³.

Итак, получается, что инок Ованэс, служитель себастиийского монастыря Святого Знамения, в 20-х годах XIV века вместе с семьей последовал за своим духовным наставником в Кафу, где и построил церкви Святых Сорока мучеников и Святого Оксента. Причиной исхода, очевидно, была та же беспокойная обстановка, которая заставила епископа Степаноса оставить монастырь. В 40-х годах инок Ованэс был назначен наместником архиепископа «Северной страны», или «всех Северных сторон»,

¹ Казарян А. Ю. Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой: Материалы Международной научной конференции (Минск, 9–11 октября 2012). — Минск, 2013. — С. 116–126.

² Скорее всего, имеется в виду Галац (Галазион) — ныне жудец с одноименным центром в Румынии. Если наше предположение верно, то приведенный армянский источник 1363 года содержит известное на сегодняшний день наиболее раннее упоминание Галаца.

³ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 104–105.

и утвердил свой престол в существовавшем, возможно, уже тогда монастыре Сурб Хач, в котором позднее вместе с братьями и сподвижниками воздвиг храм Святого Знамения. Последний вместе с окружавшим его монастырем, вскоре получившим то же название — «Святое Знамение», призван был увековечить память об одноименном себастьском духовном центре.

Есть еще одно немаловажное обстоятельство, подтверждающее правильность сделанного заключения. Согласно многим источникам, в том числе и приведенному из поэмы 1694 года отрывку, прибывший в Крым инок Ованэс Себастици принес с собой некую реликвию, частицу оберега Господнего, и положил ее в перестроенный монастырь Сурб Хач: *«Имеv у себя древо Спасительское / Пришел в страну великославную <...>»*. На наш взгляд, речь идет о некоем священном предмете (складница? дароносица?), именуемом «Святое Знамение» и содержащем частицу Господнего креста. О нем упоминает и поэма 1676 года «[Песнь] о монастыре Сурб Хач Крыма, сказанная епископом Варданом». В ней говорится, что Ованэс Себастици принес Святое Знамение в Крым, в город Сурхат, и, построив церковь в межгорье, отдал его туда:

*Господь всех Иисус,
Кто просящим милость раздает,
Одарил учительского главу
По имени Ованэс Себастици.
И тот, взяв Святое Знамение,
Принес в страну Эски Крым,
Что Сурхат называется,
И южнее, в межгорье, возвел церковь!*

Вторая строка приведенной выше литографии 1358 года также намекает на наличие в монастыре реликвии: в ней церковь Святого Знамения характеризуется как *«Земной рай у древа жизни»*. Что касается записи 1368 года, то в ней говорится, что церковь Святого Знамения воздвигнута над *«жертвенником*

¹ Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 1636. — Л. 119–119 об. Русский перевод ср. с: **Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М.** Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. — С. 64.

Агнца бессмертного». Святой Агнец, или же Божий Агнец, символизировал Иисуса Христа, а его жертвенником был водруженный на Голгофе крест распятия, маленький фрагмент которого, как выясняется, хранился в церкви Святого Знамения в Крыму. В тесной связи со всем сказанным находится образ крестоносца Агнца, или Агнца с лабарумом¹. Барельефный медальон с его изображением размещен в трех важнейших точках крымской церкви Святого Знамения: над входом, в конхе центральной апсиды и в центре потолка купола. Этот символ, отвергнутый Восточной церковью и удержанный Западной, получил широкое распространение в Крыму после утверждения здесь геноуэцев. В свое время он чеканился и на монетах армянских королей Киликии², имевших тесные связи с папством, и встречается во многих армянских памятниках Крыма³.

Обычно фрагменты Господнего креста заключались в изготовленные из золота или серебра орнаментированные кресты, украшенные драгоценными камнями. Армяне их называли «Сурб Ншан» — Святое Знамение. К примеру, вардапет Саргис Кафаеци, глава побывавшей на Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439 годы) армянской делегации, получил в подарок от папы римского некое Святое Знамение и привез его в Кафу, в свой монастырь Святого Антона. Впоследствии он преподнес его приехавшему в Кафу епископу города Амида⁴ — Мкртычу Нагашу, видимо, желая умиловить его. Дело в том, что в свое время епископ выступил против присутствия армянской делегации на означенном соборе и заключения унии с Католической

¹ Лабарум — знамя с крестом на длинном древке.

² **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. — С. 178; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. — С. 16.

³ Резные медальоны, изображающие Агнца с лабарумом, сохранились в армянских церквях Святого Саргиса и Святых Архангелов Габриела и Микаела (ныне вставлен в щипец западного фасада) в Феодосии, в храме Спасителя (в конхе алтарной апсиды и на пересечении гурт в центре крестового свода) одноименного армянского монастыря близ села Богатое Белогорского района, на двух памятных фонтанах в Феодосии и так далее.

⁴ Ныне город Диярбакыр в одноименном вилайете Турции.

церковью¹. Согласно источникам, Мкртыч Нагаш был весьма польщен этим подарком и, вернувшись в Амид, отдал своему храму *«привезенное из Кафы великолепно и роскошно украшенное почтенное Святое Знамение Христа, что имеет частицу от древа Христоваго креста и исконного Святого Знамения между светозарными камнями, и в сердце креста прикреплен отлитый из золота Христос»*².

История Армянской церкви знает несколько Святых Знамений с частицей Господнего креста. Одно из них связывается с именем католикоса Петроса Гетадардза. По преданию, в 1052 году христиане различных конфессий собрались в Трапезунде, чтобы торжественно отметить у реки праздник Водокрещения. Несмотря на ухищрения греков, старавшихся показать превосходство своего вероучения, католикос Петрос, помолвившись, окунул крест с частицей древа жизни в воду и на час повернул реку вспять, тем самым показав чудодейственную силу армянского исповедания христианства³. И хотя католикос Петрос закончил свои дни в той же Себастии, нет достаточных оснований отождествлять имевшийся у него крест с реликвией, которую инок Ованэс привез в Крым. При этом вполне допустимо, что именно эта реликвия когда-то дала свое название себастиинскому монастырю, а впоследствии по очень веским причинам была вывезена оттуда. В этой связи думается, что довольно молодой инок Ованэс не мог самовольно взять ее и отправиться в Крым. Очевидно, он выполнял требование недавно прибывшего на полуостров епископа Степаноса. Последний из-за царящей в Себастии беспокойной ситуации не имел возможности вернуться и, видимо, опасался за оставленные там церковные ценности, в

¹ Католикос и его единомышленники, давшие согласие на участие армянской делегации в соборе, видели в объединении церквей не подчинение Армянской церкви религиозной идеологии и традициям латинян, а некую политическую унию, которая должна была противостоять нарастающей турецкой угрозе (см.: **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. — С. 231–237; **Микаелян В. А.** История крымских армян. — С. 69–72).

² Памятные записи армянских рукописей XV века. — Ч. 1. — С. 629–630.

³ **Матеос Урхаеци.** Хроника (на арм. яз.). — Вагаршапат, 1898. — С. 50; **Аракел Даврижеци.** Книга историй. — С. 477, 555, 556.

первую очередь за *«оберег Господний»*. Неизвестна также дальнейшая судьба этой реликвии. Вот только летописец XVII века Хачатур Кафаеци, известный под псевдонимом Хачгруз, в своей знаменитой «Хронике» оставил сведение, касающееся 1624 года, которое, возможно, имеет прямое отношение к интересующему нас предмету: *«Апреля 11, в воскресенье, урус Кашота истоптал Верхнюю маалу Хрима, и христиан заповолодил, и гордость христиан — Святое Знамение взял в плен, и погрузил во мрак монастырь тэр Мовсэса»*¹.

Под русскими Кашота, несомненно, подразумеваются казаки Касохии, или же Черкесии². Под «Верхней маалой Хрима» имеется в виду верхний участок (квартал) города Сурхат-Крым, который веками был населен армянами. Здесь же находилась большая часть армянских духовных центров города³. «Христиане» — это в первую очередь армяне, ибо именно они были жителями участка Верхний. Что касается тэр Мовсэса, то его имени не находим в колофонах среди представителей высшего армянского духовенства

¹ Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7709. — Л. 226–226 об. Публикацию оригинала см.: Летопись Хачатура Кафаеци (XVII век) // Мелкие хроники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аюбян. — Т. I. — Ереван, 1951. — С. 212.

² Н. Марр считал, что слово «казак» вообще произошло от этнонима «касхи» или «косоги», родственной черкесам (кабардинам, адыгеем) народности из яфетической семьи (см. его: Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП: Новая серия. — Ч. LVII. — Петроград, 1915 (июнь). — С. 285–286). С Кашотом, или Касохом, крымские армяне имели тесные связи. В Кафе (Феодосии) один из армянских кварталов даже назывался «Кашот» (Хроника Григора вардапета Камахеци или Даранагци (на арм. яз.). — Иерусалим, 1915. — С. 60–68), потому как его жители активно торговали в Черкесии, или Кашоте-Касохе (см.: Voyages du Sr. A. De La Motraye, en Europe. Asie & Afrique. — Т. II. — Ch. III. — A la Haye, MDCCXXVII. — P. 53–54; Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке // ИНК. — № 12–13. — Симферополь, 2006. — С. 198). Располагавшийся в этом квартале монастырь Святого Геворга (сохранились его церковь и остатки кладбища по улице Нахимова, 32) в армянских источниках XVII века именуется монастырем Кашота.

³ **Саргсян Т.** Армяне средневекового Сурхата и их церкви. — С. 107–123.

региона того времени. Лишь Хачгруз в своей «Хронике» отмечает, что при рукоположении в священники им было получено благословение от вардапета тэр Хачатура, архипастыря тэр Тороса и крымского тэр Мовсэса¹. По свидетельству самого автора, вардапет возглавлял армянское духовенство Кафы, архипастырь Торос восседал в Сурб Хаче, а значит, являлся патриаршим местоблюстителем. А вот «крымский» тэр Мовсэс, вероятно, начальствовал над церковнослужителями некогда величественного Сурхат-Крыма, к тому времени превратившегося в заурядное селение. Его присутствие и участие в благословении Хачатура Кафаеци рядом с первыми духовными лицами говорит о том, что он занимал некую церковно-руководящую должность в селении Крым и его окрестностях, следовательно, восседал в наиболее значимом армянском духовном центре участка Верхний. И если Святое Знамение, хранившееся у тэр Мовсэса, идентично привезенному в свое время Ованэсом Себастанци, то реликвия с частицей Господнего креста позднее была перенесена из монастыря Сурб Хач в город Сурхат-Крым, в его главный и наиболее посещаемый армянский духовный центр. Оттуда, согласно Кафаеци, Святое Знамение было похищено казаками Кашота. Дальнейшая его судьба неизвестна, но заметим, что панегирики 1676 и 1694 годов, в которых, как уже говорилось, упоминается привезенная иноком Ованэсом реликвия, написаны позже нападения 1624 года и в них ничего не сказано о ее утрате. Возможно, это было неактуально. Не исключено также, что армяне выкупили Святое Знамение и вернули его. Похищение книг и культовых раритетов с последующим их возвращением за выкуп часто практиковалось нападавшими и приносило им немалые доходы. Как бы то ни было, в источниках XVIII века монастырь начинает фигурировать в основном под названием «Сурб Хач», что, конечно, заставляет делать выводы.

Источники свидетельствуют, что рассматриваемый крымский монастырь имел два названия: «Сурб Ншан» (Святое Знамение) и «Сурб Хач» (Святой Крест). В относящихся к нему средневековых книжных источниках, а также многочисленных литографиях, высеченных на стенах монастырских сооружений, эти два названия параллельно применяются в равной мере. Появление названия «Святое Знамение» понятно: им была освящена главная

¹ Летопись Хачатура Кафаеци. — С. 212.

постройка монастыря — единственная церковь в нем. И это название, как уже говорилось, было заимствовано у одноименной реликвии, содержащей фрагмент Господнего креста, которая прежде хранилась в себастиийском монастыре.

А с чем связано появление названия «Сурб Хач» — «Святой Крест»?

В свое время этот вопрос интересовал А. Сурхатяна, и он решил его в пользу того, что в сущности Сурб Хач и Сурб Ншан (или же Святой Крест и Святое Знамение) символизируют один и тот же крест¹. Это верно отчасти, поскольку не всегда знамение подразумевает крест. Кроме того, духовному центру при освящении дается название, которое видоизменению не подлежит, если не происходит вторичное освящение. И тем не менее, с точкой зрения Сурхатяна можно было бы согласиться, решив, что название «Сурб Хач» указывает на тот же фрагмент Господнего креста, только в народном варианте именовании, если бы не сообщения XIX — начала XX веков.

Итак, согласно сведениям архиепископа российских армян О. Аргутяна-Долгорукого (Аргутинского), крымские армяне, оставившие полуостров в 1778 году, забрали с собой «огромные богатства»². Золотая, серебряная, медная церковная утварь, древние рукописи, облачения, ковры были уложены в большие деревянные ящики, размещены на телеги и увезены на новое место. Увезены были и священные реликвии — монастырские двери, наиболее почитаемые хачкары³, священные камни-стелы с резным крестом на лицевой стороне, древние изображения святых и так далее⁴. Согласно преданиям, некоторые из

¹ Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 70–71.

² Опись церковных сосудов, серебра и облачений, привезенных из Крыма (на арм. яз.) // Архив армянской истории. — Т. IX. — Тифлис, 1911. — Кол. 12.

³ Хачкар — мемориальная каменная плита с резным орнаментированным крестом на лицевой стороне.

⁴ Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана (на арм. яз.). — Тифлис, 1879. — С. 61–62; Патканян Г. Столетие города Нор Нахиджевана (на арм. яз., 1879 г.). — Нор Нахиджеван, 1917. — С. 21–22. Выражаем признательность доктору ист. наук, профессору С. С. Казарову (г. Ростов-на-Дону), который любезно предоставил этот редкий источник — книгу Г. Патканяна. Она написана в 1879 году, к столетию основания города Нор Нахиджеван, а была издана лишь в 1917 году.

Церковь Сурб Хач одноименного армянского монастыря в Ростове-на-Дону.

этих реликвий еще в период ранних переселений были привезены в Крым из Армении, в частности из бывшей столицы Багратидского царства — Ани¹. Обосновавшись на полупустынных берегах Дона в самом конце 1779 года, крымские армяне вблизи крепости Святого Дмитрия Ростовского со временем заложили город Нор Нахиджеван² и шесть селений в его округе. Архиепископ О. Аргутян-Долгорукий взял на себя обязательство взамен каждого оставленного в Крыму армянского духовного центра построить здесь новый и передать ему имущество покинутого³. И поскольку не было никакого упорядочения этого имущества, он составил несколько инвентарных списков с тем, чтобы в дальнейшем, в соответствии с ними, вернуть приходам их церковные ценности⁴. Естественно, этот замысел архиепископа Аргутяна-Долгорукого был осуществлен частично: в Нор Нахиджеване и его окрестностях было основано не более 20 армянских церквей, тогда как в Крыму осталось около 50⁵. Поэтому солидная часть церковного имущества держалась неиспользуемой⁶. Она десятилетиями хранилась в престольном храме Святого Григора Просветителя в городе Нор Нахиджеване — в четырех больших запломбированных ящиках. Естественно, при таком не соответствующем должному уровню хранении многие книги и облачения погибли. В 1867 году по приказу католикоса содержимое ящиков было перевезено в первопрестольный Святой Эчмиадзин⁷. Однако есть мнение, что солидная и наиболее ценная часть крымских сокровищ не инвентаризировалась а, перейдя в руки архимандрита Григора, приближенного к Аргутяну-Долгорукому, втайне была перевезена в Астрахань.

¹ Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана. — С. 61–62.

² Больше известен как «Нахичевань-на-Дону», «Новая Нахичевань» (ныне Пролетарский район города Ростов-на-Дону).

³ Опись церковных сосудов, серебра и облачений, привезенных из Крыма — Кол. 12.

⁴ Патканян Г. Столетие города Нор Нахиджевана. — С. 37.

⁵ Там же. — С. 58. Речь идет не вообще об армянских церковных зданиях в Крыму, а об армянских церквях, действовавших на полуострове в конце XVIII века.

⁶ Патканян Г. Столетие города Нор Нахиджевана. — С. 58.

⁷ Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана. — С. 61

Противники архиепископа не раз поднимали этот вопрос, пытаясь отыскать пропажу, но тщетно¹.

Стела Сурб Хач из одноименного крымского монастыря.

В числе основанных Аргутяном-Долгоруким святынь был и находящийся недалеко от города Нор Нахиджевана монастырь Сурб Хач, который, согласно сообщению Ер. Шахазиза, воздвигнут в память о крымском монастыре Сурб Хач². В другой своей работе Ер. Шахазиз пишет, что величайшей святыней нор-нахиджеванского монастыря Сурб Хач был большой камень с изображением креста. Он являлся «основанием для построения и именованья» монастыря и хранился под «позолоченной стеклянной рамой»³. Этот камень, именуемый «Сурб Хач», долгие века хранился в крымском монастыре Сурб Хач⁴.

Еще один священный камень с крестом, похожий на Сурб Хач, был вывезен крымскими армянами из монастыря Спасителя близ села Бахчи-Эли (ныне с. Богатое). Согласно приведенному М. Бжишкяном преданию, он был освящен апостолом Тадэосом (Фаддеем), проповедовавшим христианство в Армении⁵. Заметим, однако, что во времена М. Бжишкяна камня в монастыре Спасителя уже не было. Отец Минас рассказывает о нем,

основываясь на сообщениях местных жителей, и, несомненно, путает сведения о двух реликвиях. Дело в том, что камень из монастыря Спасителя первое время также хранился в Нор Нахиджеване, но впоследствии был увезен в Императорский музей Санкт-Петербурга¹. Разумеется, святыню, освящение которой связывалось с апостолом Тадэосом, армяне не отдали бы в музей, а посему, думается, предание об освящении апостолом Тадэосом касалось именно реликвии Сурб Хач из одноименного крымского монастыря. И действительно, сами жители Нор Нахиджевана подтверждают это: «В церкви Проветителя поставили камень Проветителя, в церкви Святого Никогаеса поставили Спасительский (колпачный)² камень, а в монастыре Сурб Хач поставили камень, освященный Тадэосом»³. Следует уточнить, что нор-нахиджеванский монастырь был «освящен в честь Сурб Хача и Пркчи», то есть Святого Креста и Спасителя⁴, и фактически призван увековечивать память об этих двух армянских духовных центрах Крыма. Но, как выясняется, ему была отдана только одна из святых реликвий — Сурб Хач. Та, что некогда принадлежала крымскому монастырю Спасителя, была установлена в церкви Святого Никогаеса (Николая), а впоследствии увезена в Санкт-Петербург. Видимо, держать сразу две священные реликвии в монастыре Сурб Хач посчитали нецелесообразным.

Авторы XIX–XX веков утверждают, что оба эти камня в свое время были привезены в Крым из Армении⁵. Отыскать в Санкт-Петербурге камень из монастыря Спасителя пока не удалось, но он известен из описания М. Бжишкяна. Отец Минас пишет, что рядом с большим рельефным изображением «Распятия», установленным в юго-восточной части храма Спасителя, находился пьедестал (база? крышка? колпак?) из черного камня. Этот пьедестал,

¹ Патканян Г. Столетие города Нор Нахиджевана. — С. 58–60.

² Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач Нор Нахиджевана (на арм. яз.). — Тифлис, 1901. — С. 7.

³ Шахазиз Е. Нор-Нахиджеван и нор-нахиджеванцы (на арм. яз.). — Тифлис, 1903. — С. 72.

⁴ Хачикян С. Хачкар Сурб Хач вновь в Сурб Хаче // Община. Намайнк. Историко-культурный журнал юга России. — Вып. № 6. — Пятигорск, 1997. — С. 28.

⁵ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 260.

¹ Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана. — С. 61–62.

² Смысл пока не уточнен.

³ Патканян Г. Столетие города Нор Нахиджевана. — С. 58.

⁴ Опись церковных сосудов, серебра и облачений, привезенных из Крыма. — Кол. 11; Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач Нор Нахиджевана. — С. 7.

⁵ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 260; Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана. — С. 61–62; Шахазиз Е. Нор-Нахиджеван и нор-нахиджеванцы. — С. 72.

Стела. V–VI века.
Село Верин
(Верхний) Талин,
Республика Армения.

на котором был высечен крест внутри круга, назывался «Спасительским камнем»¹.

Пищу для размышления дает выражение «черный камень». Значит, этот камень по своим внешним признакам был необычен для Крыма и привлекал внимание. К примеру, реликвия Сурб Хач – двухметровая стела с полукруглым верхом – выполнена из вулканического базальта, который действительно не характерен для Крыма. На ее лицевой стороне высечен большой продолговатый крест с расширяющимися крыльями. Над этим крестом, на округлом изголовье стелы, высечен взятый в кольцо равноконечный крест. Кончики крестовых крыльев, расширяясь от средокрестия, приближаются друг к другу и упираются в дугу кольца, образуя внутри него четырехлепестковый цветочный орнамент. Снизу, по обе стороны от круга, изображены простейшие растительные побеги, символизирующие древо жизни. Памятник до недавнего времени экспонировался в различных музеях, а в 2012 году возвращен на прежнее место – в монастырь Сурб Хач Ростова-на-Дону.

Необычен для Северного Причерноморья не только строительный материал реликвии Сурб Хач, но и архаичность ее композиции и техники исполнения. Мы не беремся определить возраст и происхождение этого памятника, но заметим, что по стилю и композиционному строению он находит аналоги в декоративно-мемориальном искусстве Армении VI–VII веков².

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... – С. 260.

² К примеру, можно сравнить с каменным крестом VII века из села Дитак и мемориальной стелой V–VI веков из села Верин Талина.

Подобного рода памятники, получившие в арменоведении название *ձոցհաբարձ խաչ* (*dzoghabardz khatch*), подразумевают равноконечный крест, «водруженный» на длинную основу, и принадлежат к числу наиболее ранних образцов хачкарного искусства¹.

Видимо, из базальта была сделана и святыня монастыря Спасителя. Надо полагать, она когда-то имела функциональное предназначение (пьедестал? крышка?), которое еще предстоит определить. Что касается вывезенной из Крыма третьей реликвии, то судьба ее также неизвестна. Однако, судя по тому, что она была установлена в главной армянской церкви Нор Нахиджевана, ее освящение приписывалось Григору Просветителю. История армянского народа знает несколько памятников подобного рода, связываемых с деятельностью Просветителя². С большой долей вероятности можно предположить, что в Крыму эта реликвия хранилась в одном из армянских монастырей, посвященных Святому Просветителю, скорее всего в Кафе.

Крест с надписью. VII век. Село Дитак,
Республика Армения.

¹ Петросян Г. Хачкар. Происхождение, функции, иконография, теория познания (на арм. яз.). – Ереван, 2008. – С. 47.

² Там же. – С. 48–49.

Нет сомнения, что из Крыма на Дон были увезены три сакральных, безмерно почитаемых камня-святыни, те реликвии, история которых связывалась с Арменией и оставленными там духовными центрами. Многовековая народная память облакала эти святыни преданиями, которые частично соответствовали исторической действительности, а частично были надуманы. Между тем существовали и подобия почитаемых святынь, своего рода копии, которые были оставлены на полуострове. Скажем несколько слов о них.

Почитался именно верхний, взятый в круг крест (солярный знак), мотив которого встречается не только в крымском монастыре Сурб Хач (на замковом камне над входом в трапезную, на подпружной арке в самой трапезной, на деревянных дверях, хранящихся ныне в Феодосийском музее древностей), но и в других армянских памятниках Крыма. К примеру, его находим по обе стороны купели того же храма Спасителя близ села Богатое, в церкви Святой Пятницы (Параскевы) села Тополевка. А в южную стену церкви Сурб Саргис (Святого Сергия) в селе Тополевка вставлена стела с округлым изголовьем, по размерам, форме и композиции в целом схожая с памятником Сурб Хач. Такая же стела с равноконечным крестом вверху существовала на территории бывшей армянской церкви Святой Богородицы в селе Грушевка (бывшее с. Салы)¹.

Но вернемся к нор-нахиджеванскому монастырю Сурб Хач. Он получил свое название как в честь реликвии Сурб Хач, так и в па-

¹ В XIX веке в селе обосновались русские. Они реконструировали армянскую церковь, оставив нетронутой восточную часть. Здесь, на алтарной апсиде и прилегающих участках, сохранились армянские памятные кресты и хачкары. Росписи с армянскими надписями внутри апсиды после ремонта 2007–2010 годов остались под штукатуркой. Что касается стелы, то в 2009 году она была вывезена из Крыма и ныне хранится в армянской церкви Святой Богородицы в селе Большие Салы Мясниковского района Ростовской области. На верхнем равноконечном кресте читается поверхностная надпись: на вертикальных крыльях — «IC» «XC», на горизонтальных — «NI» «KA» (Иисус Христос побеждает). Техника резьбы и нехарактерное расположение криптограмм свидетельствуют, что надпись не аутентична стеле и появилась позже, скорее всего, в XIX веке.

мять об одноименном крымском духовном очаге, где эта реликвия хранилась веками. Следовательно, еще раньше стела Сурб Хач должна была дать свое название крымскому духовному центру. Ведь приведенные свидетельства говорят об особом отношении армян-переселенцев к этому раритету, значимость которого сложно

Надгробные плиты в гавите.

переоценить. В тяжелейших условиях средневековой миграции они взяли с собой эту нелегкую ношу, внушительных размеров каменную глыбу, и понесли через горы, равнины и моря, а затем, поселившись на полуострове, постарались в своих церквях и монастырях воспроизвести ее целиком или фрагментарно. Позднее, с такими же трудностями переместив стелу Сурб Хач в прибрежные степи Дона, бывшие крымские армяне установили ее в одноименном монастыре и заключили в позолоченную стеклянную раму.

Еще одно наблюдение. В гавите (притворе) крымского монастыря Сурб Хач по древней армянской традиции имелось много захоронений. От них сегодня сохранились лишь старые каменные надгробия на полу. Они представлены блоками-параллелепипедами, украшенными по поверхности резными орнамен-

тами и изображениями священнических посохов. На одном из этих надгробий, у самого подножия, выточено круглое отверстие, гнездо, диаметром 30 сантиметров, которое засыпано землей и когда-то закрывалось крышкой. Единственный автор, который дает о нем сведения, — Х. Степанэ. Оказывается, в его времена, в конце XIX века, считалось, что земля из этой ямы обладает чудодейственным целебным свойством. Заболевший брал ее, накладывал на больное место, выздоравливал, а затем обязательно возвращал на прежнее место¹. С чем это связано? Что послужило причиной для возникновения этих представлений?

Мы полагаем, что над означенным надгробием когда-то и была установлена стела Сурб Хач и именно в этом гнезде фиксировалось ее корневище². Священна реликвия, священно и место, где она стояла, священна и земля, что лежала там. Открытым остается вопрос о том, на чьей могиле было установлено это надгробие и какое отношение усопший имел к реликвии Сурб Хач³. Неизвестно также, где изначально находилось надгробие с

¹ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 11.

² В XX веке корневище памятника было удалено, а спинка — безжалостно выбита, видимо, с целью облегчить его массу для удобной транспортировки.

³ Вертикально стоящие на пьедестале или в земле высокие хачкары — редкость в мемориальной традиции крымских армян, что также связано с дефицитом подходящего строительного материала. Тем не менее таковые существовали. М. Бжишкян, описывая преклонившуюся армянскую церковь Святого Воскресения в Кафе, отмечает, что некогда вокруг нее было несколько больших хачкаров высотой с человеческий рост. Они стояли на пьедесталах и были снабжены армянскими литографиями. После вхождения Крыма в состав России (1783 год) большинство этих хачкаров было перевезено в Санкт-Петербург (Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 333–334). Не исключено, что из оставшихся на полуострове памятников этой серии два сохранились до наших дней и ныне украшают западный фасад церкви Святого Саргиса в Феодосии. Сделанные из ракушечника, они сегодня активно выветриваются и погибают. Наличие больших хачкаров у церкви Святого Воскресения подтверждает и одна поэма XVIII века: «У крепости — Воскресение Святое, / Хачкаров количество — весьма большое: / Десять алтарей в окружении стоят / Все они ярко блестят» (перевод Т. Э. Саргсян; публикацию армянского оригинала см.: Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма. — С. 140).

гнездом, поскольку в XX веке пол в гавите вместе с могильными плитами неоднократно снимался и перекладывался.

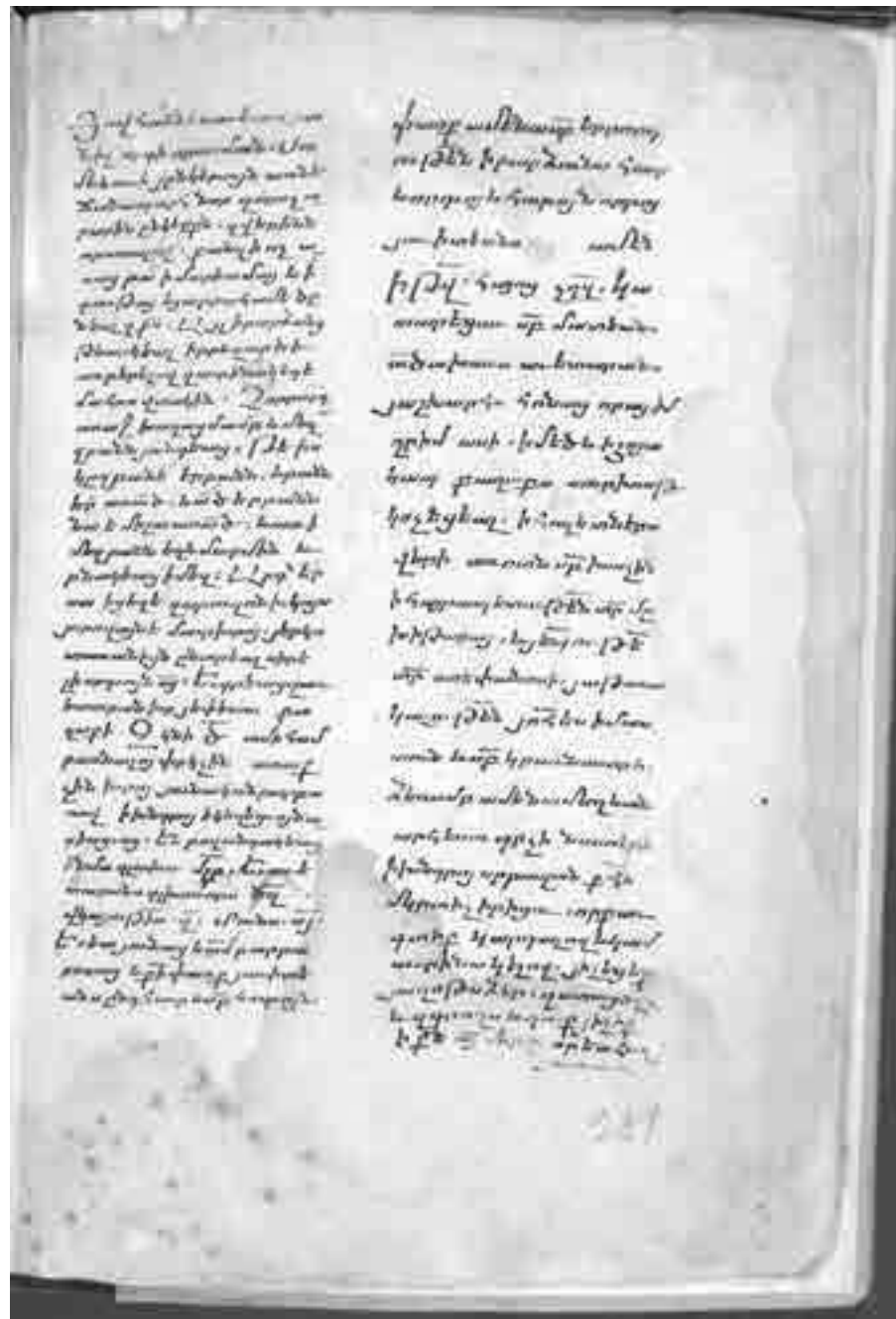
Итак, два названия монастыря и две разные по форме символики, связанные с крестом. Но если прежнее местонахождение Святого Знамени и приблизительное время его появления в Крыму известны, то в случае с реликвией Сурб Хач большая часть вопросов пока остается без ответа. Откуда и когда она была привезена в Крым? Почему именно ее освящение связывалось с апостолом Тадэосом? Где хранилась до того, как оказалась в одноименном монастыре? Может быть, в самом Сурхате и именно с ней связано название этого поселения? Заметим, что при исследовании топонимики местностей с многонациональным составом населения первоочередную роль следует отвести фактору иноплеменных соседей, которые замечали, выделяли и ярко характеризовали необычные для себя явления. Такие соседи могли увидеть в армянском поселении тех, кто привез святыню Сурб Хач и поклонялся ей, веруя в чудодейственную силу. Авторы XIX века солидарны в одном: эта большая стела, высотой в человеческий рост, очень древняя и привезена армянскими поселенцами из столицы Багратидской Армении Ани¹.

По этому поводу следует вспомнить, что известны две крупномасштабные миграции жителей Ани. Первая началась с третьей четверти XI века вследствие падения города (1045 год) под военно-политическим натиском Византии и последовавших вскоре за этим нашествий турок-сельджуков (1048–1071 годы). Вторая волна миграции пришла на XIII век и была вызвана установлением монгольского господства. Как при первой миграции, так и во время второй армянские поселенцы большими группами попадали в Таврику-Крым и обосновывались здесь². Впрочем, приведя эти общеизвестные исторические факты, мы лишь пытаемся ориентировочно установить время прибытия реликвии Сурб Хач на полуостров и не претендуем на окончательное заключение: миграционные потоки той или иной силы шли как до, так и после указанных событий...

¹ Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана. — С. 61–62; Шахазиз Е. Нор-Нахиджеван и нор-нахиджеванцы. — С. 72.

² Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. — С. 30–46, 69–71; Микаелян В. А. История крымских армян. — С. 9–17.

Запись Натера 1347 года.

Как бы то ни было, очевидно, что камень Сурб Хач оказался в Таврике-Крыму намного раньше, нежели Святое Знамение с фрагментом Господнего креста. Анализ средневековых источников позволяет настаивать на этом заключении: в них название святыни «Сурб Хач» предшествует «Святому Знамению».

Как выяснилось, инок Ованэс воздвиг церковь Святого Знамения в уже существовавшем духовном центре, «в своем монастыре», тем самым перестроив его. Значит, по крайней мере в период с 1346 по 1358 годы (т. е. со времени появления в источниках имени инок Ованэса и до начала строительства храма) сам духовный центр уже действовал и даже являлся местопребыванием наместника архиепископа. Что касается его именованья, то очень возможно, что в тот период он был известен под своим исконным названием «Сурб Хач». На это намекают две памятные записи 1347 и 1348 годов: «<...> В год Армянский 796 [= 1347] завершилось (создание) святой богоречащей книги (Евангелии, писавшейся) в краю Гуннов, что ныне называется Крым, в большом и великоленном городе, именуемом Сурхат, в Земляных жилищах верхних у ног Святого Креста, в патриаршество тэр Мхитара¹, и епископство тэр Степаноса, (и) наместничество Ованэса, мудрого и святого инок, рукой нагрешного и неумелого писца Натера, по просьбе пречистого священника церея Мкртыча...»². Во второй записи писец Аветис, сын Натера, пишет: «<...> В год летоисчисления <...> Господа нашего Иисуса Христа <...> 1350 и Армянское лето 797 [= 1348] настало завершение святого Евангелия, писавшегося рукой дьякона Аветиса, низменного и последнего писца, (в) краю Гуннов, что ныне Крым называется, в прославленном и великоленном городе, что зовется Сурхат, в Земляных жилищах верхних, что Чхбнис именуется, у ног Святого Креста, в патриаршество тэр Мхитара и епископство в сей области владыки Степаноса – архиепископа всех Северных сторон, и при вторым его – Ованэсе иноке, прозорливом софисте и весьма православном, по просьбе боголюбивого и благочестивого мужа

¹ Католикос Мхитар Грнерци правил Армянской церковью в 1341–1355 годах.

² Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 358 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7742. – Л. 25).

Погхоса, при поддержке священника Вардана, в неизгладимую память о Ованэсе, кто суть сын (этого) Погхоса <...>»¹.

Две приведенные памятные записи дают ряд ценнейших сведений. Во-первых, выясняется, что топонимами «край Гуннов» (или «Гуннов мир»²) и «Крым» армяне обозначали одну и ту же географическую единицу — Таврический полуостров или его часть. Причем, исходя из контекстов представленных записей, можно заключить, что «край Гуннов» сравнительно недавно стал именоваться «Крымом». Во-вторых, в этих записях встречаются наиболее ранние упоминания одного из армянских участков города Сурхат-Крым, который в источниках XIV века фигурирует под названиями «Верхние земляные жилища», «Верхний, армянами населенный участок», «Верхний участок с землекрытыми жилищами» и так далее. Запись 1348 года — единственный известный источник, в котором сохранилось и другое название этого участка — «Ջրիւի» (*Чхбнис*)³. По данным средневековых армянских авторов, только в участке Верхний и его ближайших окрестностях находилось шесть армянских духовных центров, в том числе и часто упоминаемые в источниках XIV века церкви Святой Богородицы и Святого Саргиса⁴. И наконец, в-третьих, авторами упоминается некая святыня «Сурб Хач», «у ног» которой и были созданы рукописи, заключающие в себе эти колофоны. Что эта была за святыня? Монастырь? Тот же оберег с частицей Господнего креста? Или сакральная стела с изображением креста? И если подразумевается последняя, то где она находилась — в Сурхате или в одноименном монастыре на горном склоне?

¹ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 369–370. (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7857. — Л. 288 об.—289).

² В подлиннике — «Հնուսց յաշխարհ», «Յաշխարհու Հնուսց» (*Honats ashkhar*).

³ Возможно, название «Чхбнис» состоит из армянских корней «чивх» (ветвь) и «бнивс» (жилища) и намекает на разветвленную структуру средневекового армянского участка. Но возможно, что оно имеет более древнюю историю и связано с этнонимом «чихб», или «чилб». Так называлось одно из кавказских горных племен, которое упоминает автор VII века Мовсес Каланкатуаци (см. его: История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., пред. и коммент. Ш. В. Смбатяна. — Ереван, 1984. — С. 38, 178).

⁴ Саргсян Т. Армяне средневекового Сурхата и их церкви. — С. 110–111.

Обычно в «метрических» данных рукописи писцы упоминают ту ближайшую святыню, как правило церковь или монастырь, которая покровительствовала ее написанию. В последних двух случаях Натер и его сын Аветис создали свои книги под покровительством некоего Сурб Хача, который являлся выдающейся и общеизвестной святыней, потому как авторы не дают о ней никаких дополнительных сведений. Отсутствие конкретизации, очевидно, свидетельствует также о том, что речь идет о культовом сооружении, а не о другом виде святыни. Можно предположить, что упомянутый в записях 1347 и 1348 годов Сурб Хач находился непосредственно в Сурхате, на участке Верхний и, возможно, представлял собой одну из армянских церквей. В таком случае следует признать, что эти два упоминания являются единственными свидетельствами о существовании этого духовного очага: дошедшая до нас довольно богатая коллекция армянских памятных записей XIV века не содержит других упоминаний сурхатской церкви Сурб Хач. Ее не называет и писец Хосров, который в своей записи 1356 года попросту перечисляет существовавшие на тот момент армянские церкви участка Верхний и его окружения: «*Исполнена сия (Праздничная минея) в лето Армянское 805 [= 1356], в январе 22 <...> в прославленном городе Сурхате, (что) в области Крым, у ног Святого Степаноса, и Святой Богородицы, и Святого Просветителя, и Святого Георга, и Святого Саргиса <...>»¹.*

Но возможно ли, чтобы трудившиеся в Сурхате писцы в качестве покровительствовавшей святыни упоминали бы духовный центр, расположенный на расстоянии трех с лишним километров, на горном склоне, когда в самом армянском участке Верхний в то время функционировало несколько церквей? Да, возможно, если духовный центр вносил вклад в создание книги или же пользовался особой, общепризнанной известностью. Для авторов записей 1347 и 1348 годов значимость Сурб Хача могла быть обусловлена тем, что там восседал наместник архиепископа и

¹ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 418–419. Судьба подлинника рукописи неизвестна. Список (копия) ее записи содержится в рукописном каталоге, составленном Г. Пиргаламяном (см.: Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 6273. — Л. 153–154). Согласно составителю, содержащая запись Праздничная Минея в свое время хранилась в церкви Святого Просветителя в Галатии (предместье Стамбула).

хранились две почитаемые реликвии. Что касается вклада, то семья Натера была в очень близких отношениях с Ованэсом Себастаци. И хотя в записях ясно указаны заказчики книг, возглавляемый иноком Ованэсом духовный центр мог принимать определенное участие в этих двух предприятиях.

Есть еще два упоминания некоего Сурб Хача, но также без каких-либо разъяснений. В памятной записи 1359 года, помещенной в Сборник грамматических сочинений, говорится: *«Армянскими учеными Рстакисом и Георгом сложены [содержащиеся в Сборнике] сочинения по искусству грамматики письма – в назидание познающим и в усмирение бесстыдных и беспутных писцов и (всех) пренебрегающих светозарной наукой [грамматики] из-за нежелания изучать ее. Также [в Сборнике] святыми переводчиками истолкованы слова из всех книг. И написан он, означенный (Сборник), рукой неразумного иерея Антона в год 800-й и 8-й Армянского летоисчисления [= 1359] в городе Сулхате [sic], под сенью живоносного Креста Христова, в усладу дьяку Магакии и в память о родителях его»*¹.

Второе упоминание датировано 1374 годом: *«Завершена сия (Праздничная минея) <...> в лето Армянское восемьсот двадцать третье [= 1374], мае месяце 31-го, при входе в июнь, в прославленном городе, называемом Сурхат, (что) в области Крым, в замке, именуемом Пичанлык² <...> у ног святого, на жердь водруженного³ животворящего креста Христова»*⁴.

¹ Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба. Том 5 / Сост. Н. Погареан. – Иерусалим, 1971. – С. 543. (Иерусалим. Книгохранилище монастыря Святого Акоба. – Рукопись 1682. – Л. 455.).

² В подлиннике – «դղխլ» (*dgheak*), что подразумевает укрепленное сооружение светского характера. В нашем случае, полагаем, речь идет о караван-сараях Сурхат-Крыма, грандиозные остатки которого еще существуют. Примечательно, что в армянском источнике сохранилось его название, которое, возможно, является видоизменением тюркского «пиченлик», означающего «место покоса травы». Очевидно, так называлась местность, где находится караван-сарай. Открытым остается вопрос о том, почему житель полуострова писец Маркос, автор ряда крымских рукописей, создавал свою книгу там.

³ В подлиннике – «ձոցհաբարձ» (*dzoghabardz*).

⁴ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 513–514. (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7438. – Л. 469 об.).

Судя по формулировкам двух последних записей, речь уже идет не о церкви или о монастыре, а о «живоносном» или «животворящем» кресте Христа, очевидно, о частице креста Распятия, заключенной в композицию некоего изделия богослужебного назначения. Ясно то, что крест, упомянутый писцами Антоном и Маркосом, представлял собой общеизвестную и безмерно почитаемую святыню раз уж именно под ее покровительством завершена рукопись в Сурхате.

«Сурб Хач» в безоговорочном значении названия монастыря встречается в одной записи 1418 года, когда уже несколько десятилетий существовала и действовала церковь Святого Знамения и когда за монастырем также успело закрепиться это название. Значит, изначально все-таки существовала разница в названиях собственно монастыря и его церкви, и сила давней привычки еще продолжала действовать у местных жителей и в первую очередь среди писцов: *«<...> Итак, настал конец написания (книги «Жития отцов») в лето Армянское 867 [= 1418¹], в краю Гуннов, что ныне зовется Крым, в монастыре во имя Святого Креста, который близок к / / ², в патриаршество владыки Погхоса и архиепископство всех Северных сторон тэр Кюрегха, рукой Акоба-грешника, недостойно и незаслуженно величаемого иноком»*³.

К сожалению, слово, с помощью которого конкретизируется местонахождение монастыря, в рукописи утрачено. Тем не менее не стоит сомневаться в том, что речь идет о рассматриваемом духовном центре: ни один из известных источников не упоминает другого одноименного армянского монастыря в Крыму. Функционировала армянская церковь Святого Креста, которая находилась в Кафе, внутри городского оборонительного пояса.

¹ Л. Хачикян прочел дату как 865 год и получил 1416 год (Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 1. – С. 190–191). Но упомянутый в записи католикос Погхос II Гарнеци правил в 1418–1430 годах и в 1416 году не мог быть католикосом.

² Запись в целом читается с трудом, а одно слово, состоящее из 6–7 букв, не читается вовсе.

³ Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 1. – С. 190–191 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 4921. – Л. 248 об.).

Но если бы автор записи имел в виду ее, то при указании местонахождения обязательно упомянул бы Кафу, да и необходимость в разъяснении «*близок к ...*», скорее всего, отпала бы.

Мало что известно о предшествовавшем возведению церкви Сурб Ншан периоде истории монастыря Сурб Хач, а имеющиеся сведения, как правило, спорные и нуждаются в уточнении. По сообщениям Г. Спасского, сами армяне основание своего монастыря относили к 1283 году¹. Несомненно, для этого они имели определенные документальные свидетельства, которые ныне неизвестны. Есть сообщение, относящееся к 60-м годам XIX века, о том, что в монастыре существовал древний мраморный хачкар 1311 года. В его надписи заступничеством святых знамений, то есть присутствовавших в композиции хачкара напоминальных крестов, просилась Божья милость для Хачика-Папака, его родителей — Шахипа и Паша-хатун, а также детей². Правда, еще раньше, в 20-х годах XIX века, М. Бжишкян увидел этот же хачкар в армянской церкви Святых Архангелов в Феодосии и расшифровал дату надписи как «1511 год»³. Есть и другие авторы второй половины XIX века, локализовавшие хачкар в монастыре Сурб Хач, — Х. Степанэ и Хр. Кучук-Иоаннесов. Относительно даты, по сложившейся традиции, они повторили версию М. Бжишкяна — «1511 год»⁴. Можно заключить, что хачкар с означенной надписью был перевезен в Сурб Хач к середине XIX века, вероятно, с целью возвращения в изначальное место, и просуществовал здесь вплоть до начала XX века.

Еще одна спорная по датировке надпись связана с хачкаром, вмурованным в восточный щипец церкви. По мнению В. Сидоренко и А. Герцена, указанная в ней дата — «1547 год»⁵. Между тем,

¹ Спасский Г. Старый Крым. — С. 100.

² Армянские надписи, находящиеся на юге России. — С. 324–325. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 37.

³ Бжишкян М. Путешествие в Польшу — С. 350.

⁴ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 11; Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму. — С. 41.

⁵ Сидоренко В. А., Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях армянского монастыря Сурб-Хач в 1980 г. — Прилож. 4. — С. 1.

близкий осмотр позволяет читать ее как «1349 год»¹. Уникально для Крыма и убранство хачкара с гранатовыми мотивами.

Интересные сведения о сравнительно ранней истории монастыря предоставляют археологические исследования гавита (притвора). Обнаруженная на его стенах наиболее ранняя литография является собой поминальную надпись, датированную 1401 годом². Приобщим к этому факту и запись Степаноса от 1368 года, где довольно подробно описан храм Святого Знамения, но ничего не сказано о гавите. Следовательно, последний тогда еще не существовал и был сооружен позднее, между 1368 и 1401 годами, скорее всего сразу после возведения церкви Святого Знамения. Впрочем, нередко авторы словом «храм» обозначают церковь в совокупности с гавитом. К примеру, Х. Степанэ пишет: «*Храм состоит из двух частей — гавита и самой церкви*»³. Поэтому нельзя исключать возможности строительства гавита в тех же 60-х годах XIV века.

Как бы то ни было, согласно результатам археологических исследований, гавит монастыря Сурб Хач с северной стороны укрывает остатки какого-то строения, естественно, более раннего, нежели он сам⁴. В то же время раскопки на этом участке и внутри гавита показали, что данное строение не могло иметь больших размеров⁵ и в архитектурном отношении, скорее

¹ Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. — С. 102–103. Подробнее см. в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 21.

² Надпись была открыта в 1979 году археологической экспедицией В. Сидоренко (Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб Хач. — С. 8). Подробнее см. в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 30.

³ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 10.

⁴ Домбровский О. Сидоренко В. Солхат и Сурб-Хач. — С. 94, 98. Об этом неоднократно говорится и в отчетах 1973 и 1976 годов (см.: Домбровский О. И., Махнева О. А., Сидоренко В. А. Отчет об археологических исследованиях средневекового монастыря Сурб-Хач в окрестностях г. Старый Крым за 1973 и 1976 гг. — С. 7, 19).

⁵ Раскоп, открытый внутри гавита, у северо-западного угла, не обнаружил остатков строений. Здесь были найдены четыре захоронения в два яруса и российские медные монеты 1817–1823 годов (см.: Сидоренко В. А. Отчет о раскопках памятников архитектуры монастыря Сурб-Хач и церкви в селе Богатом в Юго-Восточном Крыму в 1979 г. — С. 10–11).

всего, являлось довольно скромным. Досадно, но многократные строительные работы, проведенные здесь в дальнейшем, нарушили стратиграфию, что не позволило получить более подробных сведений¹. Позднее, очевидно единовременно с гавитом, на месте неизвестного строения была возведена постройка с арочно-сводчатой конструкцией. Как уже неоднократно отмечалось, ее следы (закопченные контуры свода и основание арки с импостом) еще заметны на северной стене гавита. Позже здесь появились прямоугольные в плане клетушки, стены которых сохранились по сей день.

Исходя из всего сказанного, приходим к следующему заключению. В 40-х годах XIV века наместник архиепископа крымских армян инок Ованэс, бывший служитель монастыря Святого Знамения в Себастии, обосновался в уже существовавшем монастыре Сурб Хач, который получил свое название от хранящегося в нем одноименного культового раритета — каменной стелы, привезенной в Крым ранними армянскими поселенцами. Изначально монастырь представлял собой довольно скромную обитель, надо полагать, с одной маленькой церквушкой. Впоследствии, в 1358 году инок Ованэс вместе со своими братьями и приближенными основал в нем церковь Святого Знамения, возведение которой завершилось близко к 1368 году. Это выдающееся по крымским меркам сооружение, повторившее некоторые архитектурные формы одноименного себастиийского храма и призванное увековечить память о нем, должно было стать достойным местопребыванием наместника, а также подобающим и надежным хранилищем для привезенного иноком Ованэсом Святого Знамения — предмета обрядовой утвари, содержавшего частицу Господнего креста. Сразу после церкви был возведен величественный гавит, занявший место какого-то более раннего сооружения. Он стал важным дополнением к церкви, подчеркнув ее доминирующую роль в ансамбле и гармонично привязав

¹ Домбровский О. И., Махнева О. А., Сидоренко В. А. Отчет об археологических исследованиях средневекового монастыря Сурб-Хач в окрестностях г. Старый Крым за 1973 и 1976 гг. — С. 16; Сидоренко В. А. Отчет о раскопках памятников архитектуры монастыря Сурб-Хач и церкви в селе Богатом в Юго-Восточном Крыму в 1979 г. — С. 11.

к окружающему архитектурному и природному ландшафтам. Судьба привезенного в Крым Святого Знамения, содержащего частицу Господнего креста, неизвестна: сведения о нем теряются в глубине веков. А стела Сурб Хач сохранилась. В 1778 году она была увезена с полуострова в придонские степи и установлена в построенном вблизи Нор Нахиджевана монастыре Сурб Хач, который, в свою очередь, служит памятью об одноименном крымском монастыре.

Таким образом, история монастыря Сурб Хач выявляет преемственность трех знаменитых армянских духовных центров — себастиийского, крымского и нор-нахиджеванского монастыря Сурб Хач — Спасителя.

Крымский монастырь Сурб Хач был не только известным духовным центром, но и выдающимся культурно-просветительским очагом. Памятная запись Степаноса от 1368 года ясно свидетельствует, что Ованэс Себастиа был большим книголюбом, собирал рукописи и, скорее всего, создал библиотеку в монастыре Сурб Хач. Во время местоблюстительской поездки по «Северной стране» он получил дорогой своему сердцу подарок — богато украшенную Библию, которая, однако, не была завершена. Ветхий завет в ней был исполнен в Болонье, а Новый Завет инок Ованэс повелел дописать жившему в Сурхате Степаносу — сыну Натера. Согласно колофону этого же Степаноса, инок Ованэс *«собирал писания многих толкователей, святыми отцами изъясненные, — толкования всех богодухновенных писаний»* и, *«будучи книгоцеем, получил все написанное и с неутолемым вожделением прочел»*¹. Среди полученных книг был и Сборник, написанный тем же писцом Степаносом в 1363 году: *«По исчислению лет Армянским календарем 812 [= 1363 году] настало завершение почтенной книги, (писавшейся) по повелению тэр Ованэса Себастиа — трудолюбивого инока и православного оратора <...>. Помяните получателя сего (Сборника) — тэр Ованэса, и родителей его — господина Пароншаха и Тыкин, и братьев — господина Акоба и Гхазара грамматика / / / и*

¹ Памятные записи армянских рукописей XIV века — С. 486. (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 2705. — Л. 487).

сестер (его) и всех близких <...>. В самом конце и обо мне, недостойном священнике Степаносе, пусть будет поминание от вас – любезных <...>, а также о породившем меня во плоти и обучавшем этому (ремеслу) писце Натере, и братьях, и сестрах <...>»¹. Брат писца Степаноса Аветис, старший сын Натера, в записи 1362 года сообщает, что, сопровождая своего младшего брата Григора в столицу Сис для получения епископского сана, увидел книгу Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии», которую давно искал в Крыму и не находил. Переписав книгу, Аветис привез ее с собой, чем весьма порадовал Ованэса Себастаци: «Итак, поскольку не находил образца сей (книги) в городах и в монастырях (здешних, то) и томление хотения стесняло меня, дескать, почему же не нахожу сего почтенного писания, покуда не довелось мне отправиться в страну Армянскую, в царский город Сис, не только ради книги, но и ради младшего брата моего Григора, (чтобы) получить (ему) епископство области Хахтык². И найдя образец сей (книги в Сисе), списал с превеликим вожделением и, принеся (в Крым), поменялся с владыкой моим тэр Ованэсом, который очень обрадовался прибытию образца сего и много любезностей оказал нам»³.

¹ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 460; A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum / By Frederick C. Conybeare. London, 1913. – P. 248 (Британский музей. 100 (Add. 19, 732). Фрагментарные публикации на русском языке (ср.: **Хечумян В.** Книга книг. – С. 142; **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. – С. 60; Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян. – С. 152).

² Хахтык – провинция у юго-восточного берега Черного моря, соответствует территории Лазистана в бассейне реки Чорох (ныне в составе Турции). Граничивший с Арменией Хахтык имел солидное число жителей-армян.

³ Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 456–457 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 24. – Л. 272–272 об.). Отрывки записи опубликованы на русском языке (ср.: **Корхмазян Э. М.** Армянская миниатюра Крыма. – С. 28; **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. – С. 59–60).

Памятная запись инок Ованэса
от 1372 года.

Выявленные источники позволяют заключить, что инок Ованэс не только основывал культовые сооружения, собирал книги, сочинял гимны и сам копировал рукописи, но и занимался преподавательской деятельностью. К примеру, писец Степанос в своей записи 1368 года пишет, что Себастаци «даром Божиим будучи сведущ всецело в смыслах священных писаний, уверенными устами раздавал сердцам и душам слушателей свет слов Божьих, кои нёбу познающего кажутся слаще, нежели мед во рту» или же «обучался и обучал не только словом, но и вкладывая достаток в дело, увековечивал выученное из священных писаний»¹. Во многих памятных записях Себастаци характеризуется как «вардапет», «рабун», «рабунапет» (богослов, учитель, учительский глава), а также «красноречивый оратор»², что, на наш взгляд, является прямым указанием на его преподавательскую деятельность и существование духовной школы или семинарии в монастыре Сурб Хач в XIV веке.

Себастаци уделял большое внимание не только своему монастырю, но и другим армянским духовным центрам, видя в их неуклонной деятельности залог самосохранения армянства как такового среди пестрого по национальному составу и верованию населения региона. Он всячески поощрял основание новых культовых очагов, развитие и обогащение уже существовавших церквей и монастырей, тем более что этому способствовали относительно благоприятные политические и социально-экономические условия. Ярким подтверждением сказанного является небывалое процветание в тот период армянских духовных центров Крыма (как городских и сельских приходских церквей, так и отдаленных монастырей и скитов), функционирование множества духовных школ и семинарий, создание сотен рукописных книг. До нас дошло интереснейшее сообщение о том, что в 1372 году Ованэс Себастаци подарил большую Праздничную mineю церкви Святого Георгия в селении Шахншах, расположенном «в области города Крым». Об этом он оставил в книге собственноручно начертанную

¹ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 486 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 2705. — Л. 487).

² См.: там же. — С. 401, 442, 460 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7443. — Л. 608 об.; Рукопись 4137. — Л. 343 об.; Британский музей. 100 (Add. 19, 732).

запись, закрепленную печатью: «Сия запись суть о духовном повелении и утверждении низменного иночества священника Ованэса, слуги Иисуса Христа — Бога нашего, по его же соблаговолению и милости — местоблюстителя Северных сторон.

Печать инок Ованэса с криптограммой.

Согласно которой [= записи], книгу сию божественную, что содержит отрывки священных писаний Ветхого и Нового заветов (и указатель) всех дней праздников Господних и вообще всех святых, за подписями достоверных и разнородных свидетелей (из числа) священников и народников, утвердив, определили в храме Святого Георгия — быстроходного страстотерпца, смелого и храброго мученика Христа-Бога, надежды нашего, — в селении, что называется именем Шахншаха, в области города Крым»¹. В конце записи стоит печать (5 x 5 см), на которой изображена криптограмма «Ованэс инок». Подписи свидетелей отсутствуют, хотя место для них оставлено².

¹ Там же. — С. 504–505 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7432. — Л. 278 об.)

² Расшифрована Л. Хачикяном (см.: Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 505).

Несмотря на политическое господство монголо-татар и широкие возможности мусульман как представителей титулованной религии, в крымской действительности XIV века исламизация грозила армянам в значительно меньшей степени, нежели насаждение католической веры. Представители разных орденов, в первую очередь доминиканского, старались укоренить свое толкование христианства в многоконфессиональной христианской среде Крыма, консолидировать армян и греков под знаменем папства, обеспечив последнему политическое и экономическое влияние в регионе. Однако армянское духовенство полуострова, знакомое с методами папских клириков, долгое время практиковавшимся в Киликии, да и в самой Армении, противостояло этому. Мало того, оно проявляло завидную последовательность, не присущую даже действиям католикосата Армянской церкви, обремененного и стесненного задачами государственного значения, разрешение которых связывалось с папством. Движущей силой армянского духовенства Крыма в этот период выступала не столько его собственническая, феодальная сущность, сколько приверженность многовековым традициям национального вероисповедания. С начала XV века в этом своем стремлении оно стало находить поддержку в идеях выдающихся представителей Гладзорского, а затем Татевского университетов¹. Написанные в этих крупных духовно-просветительских центрах сочинения, в которых ярко отстаиваются идеи национального вероисповедания, довольно быстро проникали из Армении в Крым и распространялись здесь². Но это было позже. А в XIV веке, согласно памятным записям, в течение нескольких десятилетий идейную борьбу крымского армянского духовенства за незыблемость основ национальной церкви возглавлял именно духовный предстоятель Ованэс Себастици — «*муж избранный*

¹ См.: **Абрамян А.** Гладзорский университет (на арм. яз.). — Ереван, 1983.

² Первые крымские списки сочинений Ована Воротнеци и Григора Татеваци (конец XIV — начало XV века) датируются первыми десятилетиями XV века.

и хвалимый в законах Божьих¹» и «*православный оратор*»². Писец Карапет в своей записи 1363 года, приписанной к «Толкованию Евангелия от Иоанна», характеризует Себастици с восточным красноречием: «*<...> Итак, написана <...> богодуховенная книга в <...> наместничество тэр Ованэса — преразумного вардапета и духовного мудролюбя, еретиков преследующего и на распутных страха наводящего, кто ныне блещит внутри церкви, как столп светочи, и (кто) подобен круговидной крепости с высоким ограждением, и мы с мольбами просим у Господа, чтобы пожаловал долгие лета сему образцу безупречности <...>*»³. Но, видимо, еретиосы, или еретики, не были одиноки в своем стремлении пошатнуть духовные устои крымских армян. Об этом свидетельствует запись писца Овсэпа от 1359 года, в которой, помимо еретиосов, упоминаются и некие ариосы: «*<...> Написана святая книга у подножия столицы Хрим, под сенью святой пустыни, что зовется Святого Григора, в предводительство в святой обители владыки Ованэса⁴, который учительским жезлом и высокопрестольной властью правит нашим народом (и который суть) побеждающий воитель против ариосов и еретиосов; да хранит и укрепит его Господь-Бог в воле своей, аминь*»⁵. Анализ армянских памятных записей XIV—XV веков дает основание заключить, что действовавшие в Крыму служители Армянской апостольской церкви «*еретиосами*», или

¹ Православие Ованэса Себастици заключалось в его приверженности вероучению Армянской церкви.

² См. соответственно: Памятные записи армянских рукописей XIV века. С. 401, 460 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7443. — Л. 608 об.; Британский музей 100 (Add. 19, 732).

³ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 461 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 2611. — Л. 132 об.).

⁴ В 1359 году шли работы по возведению церкви Святого Знамения, поэтому, видимо, инок Ованэс временно переместился в пустынь Святого Григора, находившуюся вблизи города Крым, по дороге к монастырю Сурб Хач.

⁵ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 442 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 4137. — Л. 343 об.).

«еретиками», называли католиков, с происками которых периодически сталкивались¹. Более затруднительна идентификация «ариосов», или «арианцев». Дело в том, что взгляды последних сформировались в далеких III–IV веках на основе учения александрийского пресвитера Ария, утверждавшего, что Христос не извечен, так как сотворен Богом-отцом, следовательно, ниже отца и не равен, а только подобен ему. Ересь была осуждена Никейским Вселенским собором 325 года², но долгое время еще продолжала волновать ортодоксальную церковь. Рассматривая вопрос в таврико-крымском контексте, необходимо отметить, что на полуострове сохранились свидетельства о прямых последователях учения Ария – готах, обосновавшихся здесь в период раннего средневековья. Отличаясь от греко-православных догматами вероучения, они составляли особую епархию, епископы которой нередко назывались «арианцами». Впоследствии малочисленные готы-арианцы растворились в греко-православной среде, оставив свой этноним на территории, известной как Готия³. Возможно, в приведенном отрывке записи звучат отголоски тех давних событий, которые позволили армянам называть крымских греков или, по крайней мере, проживавшую в Готии их часть «ариосами». Как бы то ни было, данное сообщение лишнее раз не только подтверждает наличие среди крымских армян приверженцев католицизма и греко-православия, но и позволяет думать о возможных последователях ересей. Ведь не мог же инок Ованэс бороться с Католической и Греко-православной церквями или же ересями. Он мог лишь противостоять

¹ См.: Армяно-католические отношения и деятельность армян-католиков в Крыму по памятным записям XIV–XV веков. – С. 14–15, 20, 22–24.

² Последователи Ария, признававшие во Христе лишь человеческое начало, сформировали одну из ветвей монофиситства. Распространение их взглядов и разгоревшийся по этому поводу спор грозили Церкви расколом. Поэтому император Константин, которому в качестве надежной союзницы нужна была единая Церковь, в 325 году в городе Никее созвал Первый Вселенский собор, который выработал обязательный для всех христиан Символ Веры, утверждавший единую сущность Христа и Бога-Отца.

³ Хартахай Ф. Христианство в Крыму. – Москва, 2003. – С. 18.

их представителям из числа армян и проникновению через них чуждых взглядов в свою паству¹.

Но, несмотря на сказанное, конфессиональная пестрота армян Крыма и окрестных земель, характерная для XIV–XV веков, отнюдь не была существенной ввиду сильной централизованной власти Армянской церкви здесь, активной деятельности принадлежавших ей десятков духовных центров и несравнимо более многочисленной паствы. Взять под свой контроль армян этих мест не удалось даже католикам. Участие армянской делегации во Флорентийском соборе (1438–1439 годы) и заключение унии с католической церковью не привели к сколько-нибудь значимому для папства результату. Наоборот, жалобы армянской и греческой делегаций были услышаны и нашли свое отражение в Уставе Кафы 1449 года, одна из статей которого запретила католическому епископу города вмешиваться в дела других христиан².

Сурб Хач, за исключением небольших периодов затишья, оставался выдающимся духовно-просветительским центром и в последующие века. В известных нам книжных источниках XV века он упоминается лишь дважды: в записи 1418 года, которая приведена выше, и в послании армян Крыма, в частности Кафы, к католику Костандину Вагкаци. В этом послании, датированном 1438 годом, представители армянского духовенства и мирской знати оповещают католика о своем намерении участвовать во Флорентийском соборе и заключить политическую унию с папством. В числе подписавшихся под документом есть и некий «Зоранет, иерей Сурхада»³. Надо полагать, здесь название монастыря «Сурб Хач» представлено в видоизмененном варианте – «Сурхад». Дело в том, что рядом с именем каждого из 19-ти священнослужителей, подписавшихся под этим документом, стоит название именно духовного центра, который тот представлял. Впрочем, не исключено, что в этом единичном

¹ По этому поводу см.: Саргсян Т. Э. Из истории Армянской церкви в Крыму. – С. 15–16, 19.

² Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году / Предисл. В. Юргевича // ЗООИД. – Т. V. – Одесса, 1863. – С. 730–731.

³ См.: Армяно-итальянские связи. – С. 32.

случае иерей Зорапет выражал коллективное мнение армян Сурхат-Крыма и окрестностей.

Помимо двух упомянутых источников историю Сурб Хача XV века в определенной степени освещают и несколько литографий, сохранившихся исключительно на стенах церкви Святого Знамениа и гавита. Содержание надписей разное. В них сообщается об Акобе Кафаеци (из Кафы), пришедшем в 1452 году «на поклонение Святому Знамению», об Ованэсе, побывавшем в Сурб Хаче в 1460 году¹. Есть и памятки с просьбами о заступничестве за монаха Симэона и его родителей (1401 год), князя Унда (1406 год), Ишхана и его супруги Шнофор (1427 год), Ованэса вардапета (1487 год) и других².

Скудность сведений XV века, касающихся монастыря Сурб Хач, во многом обусловлена тем, что в этом столетии он не являлся престольным духовным центром. Да и вообще в XIV–XV веках духовные предстоятели Северных сторон и их наместники не имели каких-либо постоянных престольных монастырей-резиденций. Престольным становился тот духовный центр, глава которого провозглашался духовным правителем. Так, в одной памятной записи, датированной 1434 годом, резиденцией предстоятеля «всех Северных сторон» архиепископа тэр Карапета назван монастырь Святого Минаса в Кафе³, а в другой записи, относящейся уже к 1467 году, в качестве местопребывания «архиепископа всех Северных сторон» тэр Магакии назван монастырь Святой Анны в той же Кафе⁴.

С середины XV века в политической жизни региона стали происходить серьезные перемены. Они были связаны с постепенным

¹ Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. — С. 94–95, 98–99. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 8, 15.

² Там же. — С. 100–101, 104–405, 106–107; Свод армянских надписей. Вып. VII. — С. 106, 107. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 17, 20, 25, 30.

³ См.: Памятные записи армянских рукописей XV века. — Ч. 1. — С. 444 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 3508. — Л. 191 об.).

⁴ Памятные записи армянских рукописей XV века. — Ч. 2. — С. 268 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7433. — Л. 441 об.).

Напоминальные кресты на колоннах в гавите.

распадом Золотой Орды и образованием отдельных ханств, ввиду чего армянское население некогда единых золотоордынских владений оказалось разделенным по государственному признаку. Для этого периода уже можно конкретно установить границы епархии «Северная страна», определив их внутри Крымского Ханства. Единственным и постоянным стал и духовный центр, являвшийся местопребыванием главы епархии. Эпиграфические надписи и многочисленные памятные записи утверждают, что таким центром был избран монастырь Сурб Хач. И хотя означенные источники относятся к XVII–XVIII векам, надо полагать, что правители «всех Северных сторон» окончательно обосновались в Сурб Хаче начиная уже с XVI века.

Что касается наместников духовных предстоятелей, то в XV веке они также восседали в Кафе. Во второй четверти столетия этот пост занимал вардапет тэр Саргис — настоятель расположенного вблизи города монастыря Святого Антона, а с 1448 года его сменил тэр Тома¹. После окончательного формирования Крымского Ханства, а вскоре и его вассального подчинения Порте необходимость в должности наместника отпала. Но посты общегородских церковных глав, к примеру вардапета Кафы или же архиеерея города Крым и окрестностей, продолжали существовать².

Монастырь Сурб Хач в период турецкого господства (1475–1774 годы)

С установлением турецкого господства в 1475 году армянская колония Крыма понесла тяжелые человеческие, экономические и культурные потери. Резко сократилось число армян: знатные купцы, банкиры, владельцы ремесленных мастерских были вырезаны, мастеровые — переселены в Малую Азию, юноши и девушки — проданы в рабство, спасшиеся массово покинули по-

¹ См. крымские памятные записи соответствующего периода: Памятные записи армянских рукописей XV века. — Ч. 1 и 2; Саргсян Т. Э. Из истории Армянской Церкви в Крыму (по памятным записям XIV–XV вв.). — С. 23–24.

² Летопись Хачатура Кафаеци (XVII век). — С. 212, 217–219; Памятные записи армянских рукописей XV века. — Ч. 3. — С. 249, 541.

луостров¹. Опустели крупные монастыри и школы, городские и сельские приходские церкви пришли в упадок. Поэтому неудивительно, что до нас дошло крайне мало источников, освещающих историю монастыря Сурб Хач в XVI веке. Наиболее значительной среди них является «Песнь об иноке тэр Аветыке, убитом татарами-лучниками в области Крыма, по дороге к монастырю Святого Знаменья, который построен Ованэсом Себастиаци и есть до сих пор в помощь и во спасение нам». Эту песнь, или поэму, находим в Песеннике, списанном в 1622 году в Тохате (г. Токат в Турции). Крымская тематика в нем представлена довольно широко — в нескольких поэмах², из чего можно заключить, что образец, который лег в основу рукописи, имел крымское происхождение. Он мог быть перевезен в Тохат в период активных сношений местных армян с Крымом в начале XVII века.

Поэма об Аветыке как нельзя лучше характеризует положение христиан на полуострове в XVI веке. В ней восхваляется пречистый и многоталантливый молодой инок Аветык, который был из знатной семьи и обладал красивой внешностью. Он получил хорошее образование, искусно разбирался в богословии, имел способности к живописи и песнопению. Согласно поэме, убийство Аветыка произошло в 1509 году (11 декабря, среда)³ недалеко от монастыря Сурб Хач: встретившись по дороге с ханскими воинами, он был пронзен мечом. Причина убийства не сообщается, но поскольку народ стал почитать его как святого мученика, то она заключена в его религиозной принадлежности. Похоронен был Аветык в «селении Аракела», вероятно, в окрестностях города Крым. Веками существует поверье, что место, где он погиб, обладает исцеляющей силой⁴. До сих пор здесь, по дороге к монастырю Сурб Хач, можно встретить группу рядом стоящих деревьев, увешанных платочками и лоскутками одежды, которые паломники оставляют с надеждой на благополучие.

¹ См.: Нерсэс. Плач по столице Кафа (XV в.) // Армянские поэты Крыма XV–XX вв. — С. 30–33.

² Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 1636.

³ Армянские поэты Крыма XV–XX вв. — С. 42–45 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 1636. — Л. 210 об. — 212 об).

⁴ Там же. См. также: Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 324.

Остальные сведения по XVI веку представлены несколькими литографиями. Две из них содержат только даты — 1521 и 1541 годы¹. Правда, ко второй приписано еще имя «Петрос». Четыре надписи XVI века оставлены различными лицами, пришедшими на поклонение к монастырю Сурб Хач: дьякон Симэон из Львова (1546 год), некие Хачкод и Леон (1546 и 1564 годы), а также Дэмир — слуга креста (1557 год)². Открывшаяся в 2008 году двухстрочная надпись упоминает также иерея Ераноса, пришедшего поклониться монастырю Сурб Хач в 1576 году³. Есть и две надписи напоминального характера, которые приписаны к резным крестам, призванным предстательствовать, а точнее, «замолвить доброе слово» о Сатат(е), вардапете Григоре, их родителях (1527 год) и о господине Аваге (1582 год)⁴. В свое время в монастыре существовали и другие надписи напоминального характера, которые ныне утрачены. Так, в надписи 1551 года у святых знамений (резных крестов) просилось заступничество для Пала, в надписи 1528 года — для Пулгхуна и его супруги Манушак, а в надписи 1587 года — для Мехришах⁵.

Зато XVII век изобилует разного вида источниками, относящимися к монастырю Сурб Хач. Заметно изменилась жизнь на полуострове. Называть ее спокойной и благоприятной не приходится, но вполне можно охарактеризовать как устоявшуюся. В самом начале века Крым даже стал убежищем для части армян-беженцев, мигрировавших из Западной (Турецкой) Армении вследствие набегов и погромов, учиненных грабителями движения «джелали»⁶. Побыв-

¹ Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. — С. 94–95, 98–99, 104–105. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 5, 26.

² Там же. — С. 96–97, 100–101. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 10, 14, 18, 19.

³ См. здесь: первая надпись в разделе «Памятники живописи и эпиграфики».

⁴ Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. — С. 98–99. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 12, 13.

⁵ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 325; Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 26; Армянские надписи, находящиеся на юге России. — С. 328. Подробнее см. в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 39, 40, 42.

⁶ Хроника Григора вардапета Камахеци или Даранагци. — С. 51; Аракел Даврижеци. Книга историй. — С. 95; Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. — С. 278–281.

вав в Крыму в 1605 году, известный армянский историк и церковный деятель Григор Даранагци изумленно отмечает, что в Кафе «из всей нашей страны» жители были, о чем «мы и не ведали»¹. Последствия этого переселения были столь ощутимы для Оттоманской Порты, что в 1610 году султан вынужденно отдал приказ о возвращении «каждого человека» на прежнее место жительства².

Памятные записи начала XVII века свидетельствуют, что, в отличие от большинства армянских уединенных монастырей Крыма, опустевших после установления османского господства, Сурб Хач продолжал действовать, причем как престольный духовный центр. Продолжала пополняться и коллекция монастырского книгохранилища. Для него создавались новые образцы книг, равно как и приобретались (покупались) готовые манускрипты с многовековой историей. Последние, как правило, обновлялись и закреплялись. Так, в 1602 году на средства некоей Ханипики приобретено и обновлено Евангелие «для пользования в монастыре Святого Знамения Крыма»³. В 1615 году книга Քահանայատաղ (Qahanayatagh)⁴ была преподнесена в дар монастырю «Святого Знамения Крыма»⁵.

Продолжало функционировать и духовное училище. В начале XVII века о нем косвенно свидетельствует писец и поэт Степанос Тохатеци⁶, имя которого упоминалось выше в связи с сообщением о строительной деятельности Ованэса Себастици в Кафе. Бежав в Крым от джалалиев, Тохатеци с семьей обосновался в Кафе, затем на некоторое время поселился в монастыре Сурб Хач. Здесь он создал ряд своих поэм, в том числе и стихотворение «Жалоба по поводу комаров». В этом сочинении, написанном в 1614 году, автор упоминает писцов-дьяков и уча-

¹ Хроника Григора вардапета Камахеци или Даранагци. — С. 60.

² Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 1. — С. 375 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7377. — Л. 627 об.).

³ Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 1. — С. 56–57.

⁴ Руководство по обряду похорон священников.

⁵ Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 1. — С. 553 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7784. — Л. 93).

⁶ Первая крымская запись Степаноса, оставившего родной Тохат, относится к 1604 году (см.: Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7744. — Л. 180 об.).

щихся монастыря Сурб Хач, что, безусловно, свидетельствует о деятельности в тот период духовного училища и создании книг:

*В год тысяча и шестидесятый
И еще три года вдобавок [= 1614],
В Сурб Хач Крыма пришел (я)
И стихотворные речи написал.*

<...>.

*Комаров много в этом месте,
И обитают (они) в щелях стен,
Учащихся тревожат
И писцов беспокоят.*

<...>¹.

В начале XVII века монастырь Сурб Хач упоминается также в двух записях писца Закарии, где фигурирует в качестве ориентира, причем довольно значимого. Так, в колофоне 1611 года иеромонах Закария пишет, что составил его «*у врат (монастыря) Святого Креста*»². Следующая запись Закарии, датированная 1612 годом, уточняет, где именно он служил: «<...> *Написан (Сборник) у врат Святого Знамени Крыма, под покровительством (монастыря) Святого Проветителя*»³. Конкретное местонахождение последнего не сообщается, но, думается, речь идет о духовном центре с таким названием, расположенном на окраине города Сурхат-Крым, у дороги, ведущей к Сурб Хачу⁴. Об этой «*святой пустыни*» у «*подножия столицы Хрим*» сообщает и приведенный выше источник 1359 года⁵.

¹ Акинян Н. Пять странствующих поэтов (на арм. яз.). — Вена, 1921. — С. 126.

² Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 1. — С. 416 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7707. — Л. 271 об.).

³ Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба. — Том 5 / Сост. Н. Погареан. — Иерусалим, 1971. — Кол. 59 (Иерусалим. Книгохранилище монастыря Святого Акоба. — Рукопись 1404. — Л. 475). Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 1. — С. 470–471.

⁴ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 350, 418–419; Саргсян Т. Армяне средневекового Сурхата и их церкви. — С. 119.

⁵ Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 442 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 4137. — Л. 343 об.).

Колофон 1694 года свидетельствует, что «*у врат прославленного монастыря Сурб Хач в Крыму*» завершено копирование книги «Жития Отцов»¹, однако точное место ее создания и имя писца не сообщаются.

Записи означенного периода, относящиеся к монастырю Сурб Хач, изобилуют сообщениями о духовных предстоятелях крымских армян. С 30-х годов XVII века этот пост занимал архиепископ тэр Хачатур. Упомянутый выше поэт и хронограф Хачгруз, Хачатур Кафаеци, называет его *սարնստէր (paronter)*, что можно перевести как «господин-владыка», «архипастырь». В июле 1630 года Хачгруз сообщает, что «*новопосвященный паронтэр тэр Хачатур вернулся из Эчмиадзина: два вардапета и один архипастырь вместе прибыли в (церковь) Святого Проветителя (в Кафе), и все трое — тэр Хачатур*»². Первый, вардапет тэр Хачатур, являлся церковным главой Кафы. Вторым, также вардапет тэр Хачатур, был нунцием, недавно прибывшим из Эчмиадзина для сбора пожертвований, а третий, архипастырь тэр Хачатур, — новопосвященным архиепископом, восседавшим в Сурб Хаче³. Последний, очевидно, был назначен на эту должность в том же 1630 году и возвращался из Эчмиадзина после того, как был одобрен и посвящен католикосом⁴. О его местопребывании в Сурб Хаче сообщают авторы памятных записей. Один из них в 1635 году пишет: «<...> *Написана сия (Книга духовных песнопений) <...> при нашем архипастыре <...> архиепископе тэр Хачатуре. Престол его утвержден в монастыре Святого Знамени города Крыма, (откуда он) и властвует повсеместно*»⁵. Другой в 1641 году рассказывает: «*Итак, начало и завершение богоречащей книги были в столице Кафа <...> при*

¹ Catalogo dei manoscritti Armeni delle biblioteche d'Italia / A cura di Gabriella Uluhogian. — Roma, 2010. — P. 311 (Библиотека Казанате в Риме. — Рукопись 1981. — Л. 164 об.).

² Летопись Хачатура Кафаеци (XVII век). — С. 218 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7709. — Л. 234).

³ Там же. — С. 224.

⁴ В 1441 году католикосат Армянской церкви был возвращен в Эчмиадзин.

⁵ Национальная библиотека Франции. — Рукопись 83. — Л. 323а; Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 2. — С. 857–858.

католикосе <...> владыке Филипосе¹, который (восседает) на главенствующем и прославленном престоле Эчмиадзина, и при надзирателе города епископе тэр Хачатуре, который (пробывает) в Сурб Хаче Крыма <...>»².

Интересно, что многие памятные записи 20–60-х годов XVII столетия называют восседавших в монастыре Сурб Хач архиепископов-местоблюстителей предводителями «всех Северных сторон»³. Некоторые из этих записей приведены ниже. Примечательно также, что источники XVIII века к епархии «Северные стороны» причисляют и армян Южной Бессарабии.

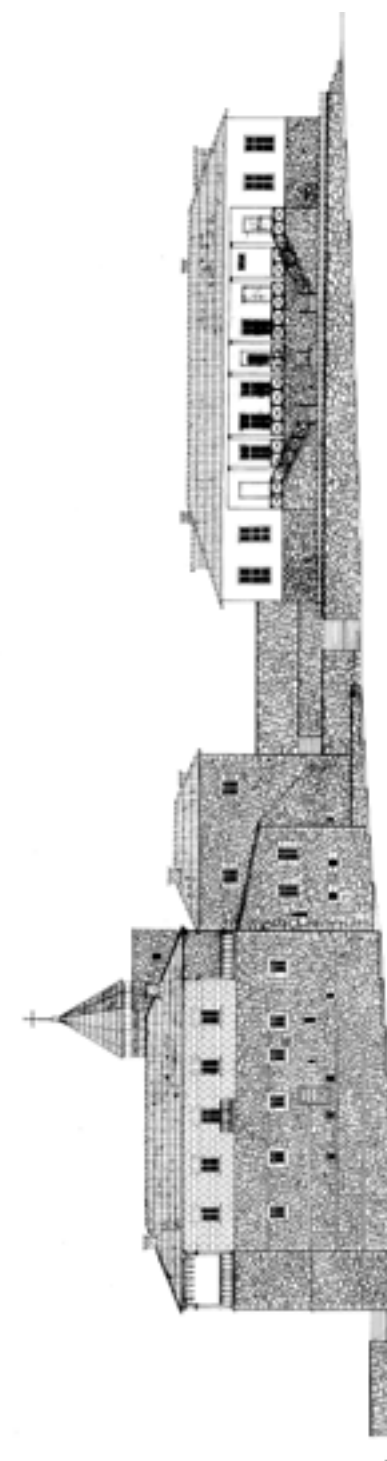
В 1634 году, как раз в период правления архиепископа тэр Хачатура, Сурб Хач посещает доминиканский монах Дортелли д'Асколи. Он описывает монастырь следующим образом: «Вблизи Крыма, в двух милях от города, на лесистой возвышенности находится армянская церковь во имя животворящего Креста, или, как они говорят, сурп-кач, привлекающая многочисленные толпы богомольцев; тут же вкуснейшая родниковая вода. Этот храм, достойный Рима, и много высоких каменных жилищ широких размеров построены были братьями-армянами, которые и погребены в церкви»⁴. Описание д'Асколи позволяет заключить, что, во-первых, церковь Святого Знамения (очевидно, вместе с гавитом, поскольку именно в нем находятся захоронения с прямоугольными надгробиями, украшенными священническими посохами) по меркам того времени была значительным сооружением для Крыма. Зная полуостров и его архитектурное наследие, д'Асколи именно ее посчитал достойным Рима строением. Во-вторых, он также счел необ-

¹ Правил в 1633–1655 годах.

² Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Ч. 3. – С. 20 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 4130. – Л. 688 об.).

³ Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Ч. 2. – С. 24, 338; Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Ч. 3. – С. 356, 397, 428, 828, 830.

⁴ Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии 1634 г. / Пер. Н. Н. Пименова, примеч. А. Л. Бертъе-Делагарда // ЗООИД. – Т. XXIV. – Ч. II. (Материалы). – Одесса, 1902. – С. 106.

М 1:100

Монастырь Сурб Хач.
Вид с запада (авт. реконструкции – М. В. Петросян).

ходимым отметить, что на поклонение монастырю Сурб Хач шли «многочисленные толпы богомольцев», среди которых, как увидим далее, были и представители других национальностей, в том числе мусульмане. В-третьих, понятно, что в том или ином виде уже существовали монастырские родники-фонтаны, которые мы знаем сегодня. Да и не мог монастырь жить без воды, бережно и благоговейно подведенной к сооружениям фонтанов, в целом традиционным для армянского церковного и монастырского зодчества, в том числе и в Крыму¹. Поэтому можно предположить, что фонтаны появились здесь вместе с первыми монастырскими сооружениями, и внимание д'Асколи привлекло не только качество их воды, но и внешний вид сооружений, эту воду предоставлявших.

Но самое интересное то, что на момент посещения д'Асколи в монастыре существовало «много высоких каменных жилищ широких размеров», которые, как и церковь, были построены «братьями-армянами», впоследствии погребенными «в церкви». Заметим, что известная нам жилая часть монастыря, то есть обитель, состоящая из здания келий и малого дворика, тогда еще не существовала: она была сооружена лишь в 1694 году. Возможно, автор имеет в виду не жильё как таковое, а жизнеобеспечивающие составляющие монастыря, например трапезную с ее двумя залами и подвалом? Ведь если функционировали монастырь и духовная школа, значит, там были и монахи, и учащиеся, которым полагалось иметь в своем распоряжении соответствующие помещения учебного, жилого и хозяйственного назначений.

Интересно также, что строительство высоких каменных жилищ широких размеров д'Асколи связывает с «братьями-армянами», которые возвели церковь, достойную Рима, и были похоронены под ее сенью. О ком говорит автор источника? Бесспорно, он основывается на рассказах тех, кто обитал тогда в Сурб Хаче. А последние имели в виду в первую очередь похороненных «в церкви» Ованэса Себастиана, его брата и их соратников, строительная деятельность которых в Сурб Хаче, очень возможно, не ограни-

¹ См.: Халпахчян О. Х. Архитектура родников крымских армян // Архитектурное наследие. — № 37. — М., 1989. — С. 234–248.

чилась строительством величественных зданий церкви и гавита. Неизвестные нам монументальные строения могли быть воздвигнуты здесь по инициативе как самого Себастиана в 70–80-х годах XIV столетия, так и его преемников, впоследствии также похороненных под сенью церкви Святого Знамения. Последние могли продолжить строительные работы в монастыре в первой половине XV века — в период наивысшего экономического и культурного расцвета армянского переселенческого очага в Крыму. Это были люди, способные создавать значимые в архитектурном и декоративном плане произведения, а относительно благоприятные условия того времени позволяли им это делать. Во всяком случае следует исключить возможность воздвижения сколько-нибудь значимого сооружения на раннем этапе турецкого господства на полуострове (последняя четверть XV–XVI века).

Приобщим к сведениям д'Асколи результаты археологических исследований. Основываясь на них, можно утверждать, что ранние жилые помещения монастыря могли быть расположены либо в северной половине атриума, где обнаружены фундаменты небольших, прямоугольных в плане помещений, либо севернее гавита, где также выявлены остатки построек.

Помещения, существовавшие некогда на месте большого парадного дворика, или атриума, археологи относят к двум строительным периодам. Ранний период представлен двумя прямоугольными объемами, возможно входившими в состав одного большого здания, которое на севере примыкало к бывшей монастырской каменной ограде. С внутренней стороны этой несохранившейся ограды найден материал XIII–XIV веков¹. Как само ограждение, так и западная стена здания, на стыке образующие девяностоградусный угол, отличаются мощной кладкой, что свидетельствует об их надежности и высокой обороноспособности (см. схематический план во «Введении»). Вероятнее всего, в свое время они и формировали северо-западную угловую часть внешнего оборонительного пояса монастыря², которая впоследствии значительно переместилась на запад. Но если даже здания, некогда находившиеся на месте нынешнего атриума, гипотетически

¹ См.: Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. — С. 95–97.

² Там же.

могли быть «жилыми», то назвать их «высокими» и «широкими» вряд ли возможно.

Постройки второго строительного периода в атриуме расположены западнее и севернее вышеозначенных. На западе известны два небольших смежных помещения прямоугольной формы. В атриуме были обнаружены их восточные отрезки. У входа в северный зал трапезной также был найден материал XIII–XIV веков: керамика в глинистом слое на большой глубине¹. Остальная, большая часть помещений уходила в сторону северного зала нынешней трапезной и основывалась на подровненном склоне. Фактически постройка, некогда занимавшая место северного зала трапезной, стояла на относительно высоком склоне в три метра (который, возможно, поддерживался крепидой) и снаружи могла показаться высокой и широкой. То же самое можно сказать о помещениях, остатки которых находятся вдоль северной ограды монастыря. Все они имели относительно высокое расположение. Что касается южной половины двора, то археологические работы здесь не проводились, а предпринятая расчистка участка следов каких-либо строений не выявила: на весьма небольшой глубине оголялась материковая скала.

Из ранних несохранившихся сооружений монастыря вспоминается и постройка, когда-то примыкавшая к гавиту с севера. Ее следы до сих пор сохраняются на северной стене последнего на большой высоте. Это покрытое копотью очертание полуциркульного свода, некогда тянувшегося с юга на север, и основание арки того же направления, состоящее из трех каменных блоков: импоста и двух дуговидных фрагментов, торчащих из поверхности стены². Заметим, что этот участок монастыря перестраивался³, поэтому неслучайно, что следы на стене, в особенности основание арки, слабо увязываются с ситуацией внизу, где находятся остатки клетушек. Видимо, последние заняли место державшегося на аркатуре некоего сводчатого сооружения, погибшего по

¹ Там же. — С. 96.

² Об остатках этого сооружения упоминают также О. Домбровский и В. Сидоренко (см.: Солхат и Сурб Хач. — С. 79).

³ Там же. — С. 98.

Гавит (притвор). Вид с запада.

неизвестным нам причинам. Какое из зданий этого участка видел д'Асколи, сложно предположить, но, думается, на него могла бы произвести впечатление постройка с арочно-сводчатой конструкцией.

Таким образом, под характеристику д'Асколи — «много», «высокие», «широкие», «жилища» — более всего подходят постройки, некогда располагавшиеся по западную и северную перифериям монастыря.

Важно и то, что автор в своем сообщении выделяет храм как святейшую и наиважнейшую доминанту монастыря, а все мирские строения представляет под общей формулировкой «много высоких каменных жилищ широких размеров». Под этим, помимо собственно жилья, он мог подразумевать и все монастырские сооружения светского характера вплоть до трапезной и даже гавита с его высокой дозорной башней.

Для определения времени возведения трапезной мы в своей предыдущей монографии воспользовались данными археологов¹, которые указывают на последнюю четверть XVII века². Это намного позже посещения д'Асколи. Но поскольку вопрос дискуссионный и требует дополнительного анализа, то рассмотрение «кандидатуры» трапезной как возможного объекта, увиденного д'Асколи, отложим. Что касается гавита, несомненно впечатлившего д'Асколи, то эти привычные и даже обязательные составляющие армянского монастырского зодчества, окончательно сформировавшиеся с появлением крупных комплексов в период развитого феодализма³, часто рассматривались в некоем функциональном и архитектурном единстве с церковью. Предназначение их колебалось между духовной и светской сферами: здесь стояли присутствовавшие на богослужении прихожане, которым не хватило места непосредственно в церкви, проводились занятия для

¹ Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым: монастырь Сурб Хач. — С. 73.

² Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. — С. 18.

³ Первые гавиты в армянской архитектуре появились в X веке. Со временем они стали неотъемлемой частью монастырских ансамблей и достигли совершенства в XII—XIII веках.

учащихся духовных школ, а также организовывались важные светские сборы и совещания.

Продолжая рассмотрение истории монастыря Сурб Хач, отметим, что в 40-х годах XVII века в нем пребывали два совместно правивших предводителя. По этому поводу авторы памятных записей сообщают следующее: «Итак, написан сей (Сборник церковных песнопений) в этом городе Кафе, под сенью (церкви) Святого Саргиса полководца, в год Армянский 1094 [= 1645], <...> в патриаршество католикоса тэр Филипоса и в предводительство в нашей области архиепископа тэр Хачатура и епископа тэр Григора <...>»¹. Подобное явление не было чем-то исключительным или необычным в истории Армянской церкви. В ту пору случалось даже, что место католикоса одновременно занимали несколько владык — патриарх вместе со своими коадьюторами².

Как раз во времена совместного правления тэр Хачатура и тэр Григора произошло одно довольно заметное событие, на котором необходимо остановиться подробнее. Дело в том, что на основе этого вполне реального исторического факта возникло множество легенд и сказаний, рассказываемых по сей день в различных интерпретациях. Итак, известный писец первой половины XVII века Хачатур Кафаеци (Хачгруз) среди приведенных в своей Хронике событий за 1647 год рассказывает следующее: «Еще проклятый муфтий задумал злодеяние с (монастырем) Святого Знаменья, отправился к Ислам хану³, обманул и сказал, дескать: «Царь, дай мне одно место, чтобы в твоём городе Хриме (я) воссел». Его [= хана] сердце было смягченным, сказал: «Пусть будет, (дам) какое понравившееся (тебе) место захочешь». Нечестивец сказал, мол: «Есть один монастырь необитаемый, в нём нет людей». А тот сказал, дескать: «Даю тебе, иди, пользуйся».

Смертное проклятие на голову (твою), о нечестивый и несправедливый, злой и злоголовый сатана, ты царя

¹ Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 3. — С. 167 (Российская национальная библиотека. — Дорп. 631. — Л. 401 об.).

² См.: Аракел Даврижеци. Книга историй. — С. 342.

³ Хан Ислам-Гирей II правил в 1644–1654 годах.

обманываешь, дескать, монастырь бесхозен, паства, христиане знать не знают? Встал (муфтий), отправился из Кафы, мол: «Пойду, монастырь в мечеть превращу, минарет поставлю». Владыка Хачатур и епископ Григор были в недоумении и не знали, что предпринять. Собрались верующие — хримчане, сельчане, мужи и жены, добрались до дверей монастыря, вошли внутрь, врата заперли. Когда пришел нечестивец, входа не нашел, опозоренный и осрамленный вернулся. Жители Кафы и Харасу¹ отправились к хану, (тот) вернул (монастырь) нам, много богатства ушло (на это дело). Да покарает их Бог»².

Наивно было бы предположить, что муфтий осмелился обмануть хана, заявив, что монастырь пустует, в то время как это был престольный монастырь армян и в нем восседало два духовных правителя. Помимо этого, армянское духовенство Крыма пользовалось исключительными привилегиями. Оно единственное среди христиан полуострова получало от султана и ханской администрации позволения, называемые «патриархальными»³, и в итоге не только сохраняло за собой право на свои городские и сельские церкви, но и, при всеобщем запрете на основании христианских культовых очагов, имело право сдавать свои пустовавшие или полупустые церковные здания в аренду христианам других вероисповеданий, нуждавшимся в таковых⁴. Думается также, что если бы муфтий действительно захотел получить монастырь и превратить его в мечеть, то нашел бы возможность сделать это. При необходимости с привилегиями армян можно было и не считаться. К примеру, в 1649 году мусульмане по приказу того же хана Ислам-Гирея захватили и разорили армянскую церковь в Кеозлеве (г. Евпатория)⁵, которую Эвлия Челеби характеризует как

¹ Харасу, Карасу или Карасубазар — город Белогорск.

² Летопись Хачатура Кафаеци (XVII век). — С. 224 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 7709. — Л. 239 об. — 240).

³ История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. — Т. II. — СПб, 1806. — С. 404–405.

⁴ Там же; Саргсян Т. Э. О численности армянских духовных центров Кафы-Феодосии // ИНК. — № 21. — Симферополь, 2008. — С. 39–40.

⁵ Летопись Хачатура Кафаеци (XVII век). — С. 224.

«прекрасный храм»¹. В XVIII веке паша Кафы, разгневанный доносившимся из церкви Святой Троицы песнопением, приказал разрушить ее и превратить в мечеть².

Скорее всего, затеянное муфтием «недоразумение» было поводом, чтобы заставить армян лишней раз раскошелиться, и только вуалировало истинные помыслы ханской администрации. Ведь не секрет, что местная экономика большей частью поддерживалась именно армянами, как наиболее многочисленным христианским контингентом в Крыму, вносящим весомый вклад в развитие земледелия, ремесленного производства и торговли. Невзирая на всевозможные поборы, выплачиваемые крымскими армянами в султанскую и ханскую казны, они слыли наиболее состоятельными христианами на полуострове³.

Духовные предводители крымских армян тэр Хачатур и тэр Григор правили вместе вплоть до смерти архиепископа тэр Хачатура, которая произошла, по всей видимости, в 1648 году. Дело в том, что одна из памятных записей этого года духовным предводителем армян называет тэр Хачатура, а другая — тэр Григора⁴. В последующих записях имя тэр Хачатура отсутствует и тэр Григор представляется единоличным духовным правителем «всех Северных сторон»: «<...> Итак, было завершено написание сего (Евангелия) в лето Армянское 1106 [= 1657], при патриархе владыке Акобе⁵ и епископе всех Северных сторон тэр Григоре, благословенном священническом главе, — да хранит которого господь Бог в милостивой воле своей — в столице Кафе, под сенью (церквей) Святой Богородицы и полководца Святого Саргиса, рукой некоего недостойного Никогаеса»⁶. По поводу местопребывания тэр Григора, архиепископа «всех Северных сторон», сообщается следующее: «Составлена сия книжная памятка в большой, и

¹ Челеби Э. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). — Симферополь, 1996. — С. 69.

² Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 353.

³ См.: Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. — С. 210–225.

⁴ См., соответственно: Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 3. — С. 287, 289.

⁵ Католикос Акоб Джугаеци взошел на престол в 1655 году.

⁶ Памятные записи армянских рукописей XVII века. — Ч. 3. — С. 762.

великолепной, и прославленной столице — в Кафе, под сенью святого храма Воскресения, в благороднейшее верховное правление владыки Филипоса — всея армянского католикоса <...> и архиепископство в сей области тэр Григора (из монастыря) Святого Знамения Крыма — архидоблестного епископа <...>»¹. Известна также книга «Житие отцов», копирование которой завершилось осенью 1651 года под сенью «прославленного монастыря Святого Знамения Крыма» при «покровительстве архиепископа тэр Григора»².

Есть сведение о том, что в период своего правления означенный архиепископ организовал восстановительные работы в монастыре Сурб Хач. Оно содержится в панегирике 1653 года «О монастыре Сурб Хач, сказанное Габриелом» и сформулировано следующим образом:

*Всеми почитаемый, достойный восхваления,
О желанный храм Святого Знамения,
Строения твои дивны...
А святая обитель
Восстановлена стараниями патриарха
Именем Григор...³*

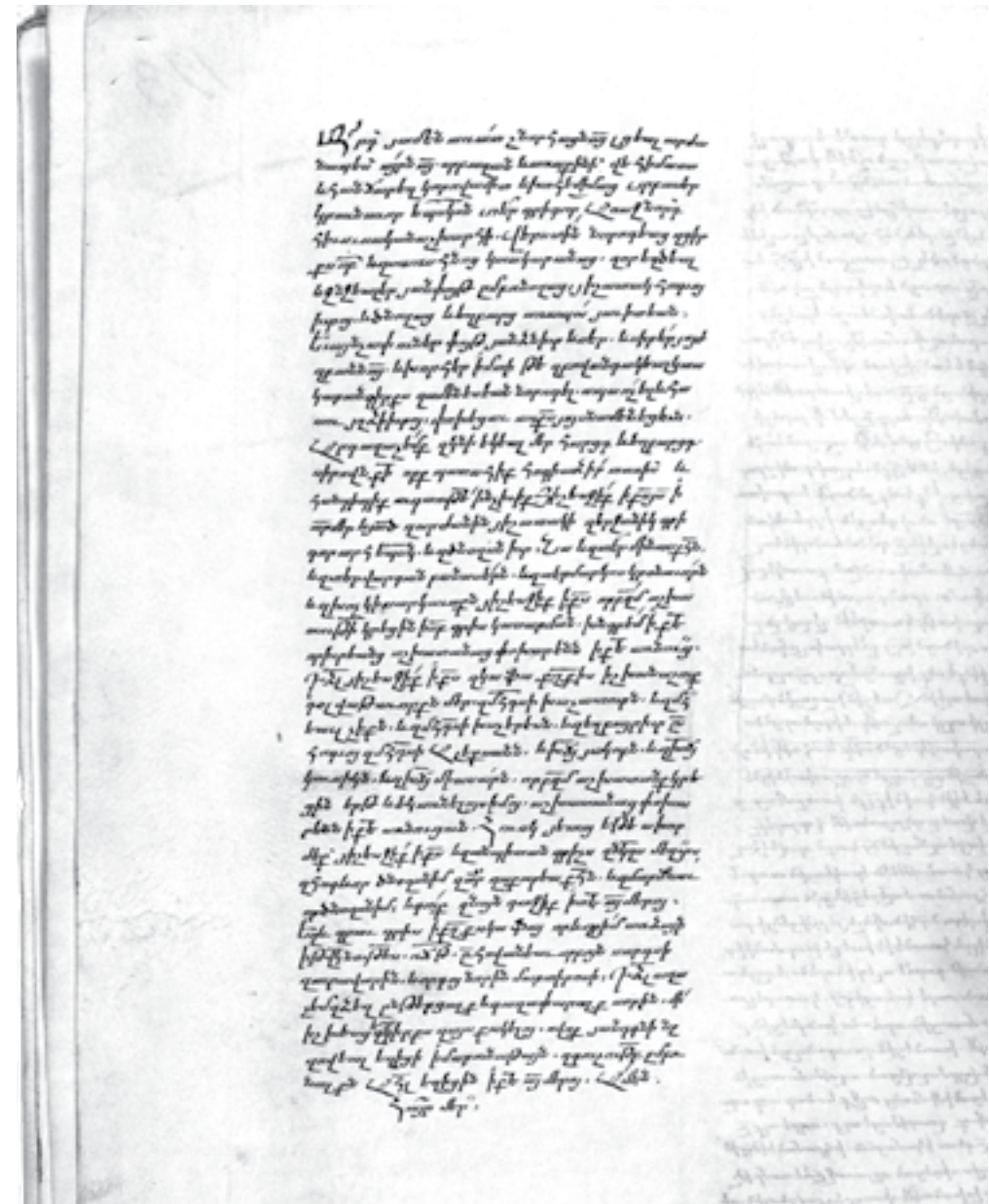
Характер проведенных работ доподлинно неизвестен. Отсутствие конкретных указаний позволяет думать, что это были профилактические мероприятия, направленные на укрепление и обновление древних стен.

Духовный предстоятель тэр Григор умер в 1658 году, через пять лет после окончания восстановительных работ, о чем есть несколько достоверных свидетельств в памятных записях: «Но написана сия (Праздничная Минея) в год 1107 [= 1658] по летоисчислению армянского народа, рукой недостойного

¹ Там же. — С. 531.

² Главный каталог армянских рукописей книгохранилища Мхитаристов в Венеции. — Т. 8 / Сост. Саак Чемчмян. — Венеция 1998. — Кол. 690 (Книгохранилище конгрегации Мхитаристов в Венеции. — Рукопись 877. — Л. 243).

³ Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 1636. — Л. 119 об. — 120. Приводится согласно русскому переводу Ф. С. Бабалян и Э. М. Корхмазян (см.: Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. — С. 63–64).

Памятная запись Никогаяса Цахкара от 1660 года, рассказывающая о благодеяниях и смерти архиепископа Григора (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Библия 2705).

плута Ованэса пустослова. <...> Составление этого книжного напоминания было в краю Гуннов, что ныне называется Крым¹, в большом сельском городке Карасу <...> в правление католикоса тэр Акоба, всеобщего (владыки) всея армянского народа, и архиепископа тэр Григора – этой области всех Северных сторон надзирателя, который в этом году по дороге в Иерусалим отошел ко Христу и принес нам скорбь великую и горе безутешное, поскольку, оставшись без пастыря, не знаем, что произойдет в грядущем»².

Знаменитый писец и миниатюрист Никогаес Цахкарар также сообщает о смерти архиепископа тэр Григора. Вместе с тем он свидетельствует, что последний занимался созданием и обновлением рукописных книг. В частности, тэр Григором была обновлена известная нам великолепная Библия, которую завершил Степанос в 1368 году, оставив в ней пространную запись, многократно использованную здесь. Свою запись 1660 года, оставленную в этой же рукописи, Никогаес Цахкарар во многом уподобил записи Степаноса: «Итак, заслуженно преисполненный всецелых даров Божьих муж Божий священный и добродетельный, благоразумный и гениальный <...> епископ тэр Григор, предстатель (армян) Северной страны, заново обновил эту книгу святую [= Библию] и истории Ветхого Завета (в ней, письмо) которых было испорчено и стерто (из-за) небрежных содержателей, в память о душе своей, и родителей, и братьев в будущности вечной. И настолько имел бережность к особе своей и любовь и любил весьма слово Божье, что задумал в уме всю книгу Завета полностью обновить, но не достиг желаемого своего, отошел ко Христу – к надежде всех»³.

Тэр Григора на архиепископском посту сменил тэр Петрос, также восседавший в Сурб Хаче. Его в качестве паронтэра упо-

¹ Думается, подобные обороты составлялись во многом под воздействием записей XIV столетия, поэтому создается впечатление, что Гуннов край стал именоваться Крымом недавно.

² Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Ч. 3. – С. 830–831 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 4183. – Л. 383 об.).

³ Там же. – С. 934 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 2705. – Л. 193 об.).

минает запись 1661 года: «В год 1110 [= 1661] в воскресенье Блудного сына, марта 10, Петрос паронтэр рукоположил тэр Погхоса в архимандриты <...>»¹.

Спустя три десятилетия в монастыре Сурб Хач начались крупномасштабные строительные работы, которые завершились в 1694 году, во многом изменив его ситуационный план и облик. Речь идет о возведении монастырской обители по инициативе и при поддержке архиепископа Акоба. Литография на армянском языке, помещенная над входом в обитель, гласит:

«С БОЖЬЕЙ [ПОМОЩЬЮ] ПОСТРОЕНА СТЕНА НАРУЖНАЯ, С БЛАГОПРИСТОЙНЫМИ КЕЛЬЯМИ ВЕРХНИМИ И НИЖНИМИ, В ТЫСЯЧА СТО СОРОК ТРЕТЬЕМ ГОДУ [= 1694] ВО СЛАВУ И [В] ПОЛЬЗОВАНИЕ СВЯТОМУ ЗНАМЕНИЮ. ВОЗДАЙТЕ ПАМЯТЬ И ПРОСИТЕ МИЛОСТИ (ДЛЯ) ЛЖЕНАЧАЛЬНИКА АКОБА², БЛЮДУЩЕГО ПАСТВУ, ТАКЖЕ (ДЛЯ) ТРУДИВШИХСЯ [И] ВСЕХ ПО ДУХУ»³.

Таким образом, первоочередное значение в надписи отведено строительству наружной стены, как оборонительного сооружения, и только затем – нижних и верхних келий. И действительно, снаружи южный сектор монастыря представлен глухими массивными стенами здания келий (только расположенные на большой высоте кельи второго яруса имеют окна с наружной стороны) и восточным мощным каменным ограждением, которые входят в состав внешнего оборонительного панциря монастыря. Кельи как бы пристроены к западной и южной стенам этого сектора изнутри малого двора. Их двери и окна открываются внутрь – на малый дворик.

При этом нельзя утверждать, что до строительства обители южное крыло монастыря пустовало. Археологические исследования из этого раннего периода ничего не выявили. Да и не могли, поскольку при строительстве обители была произведена значительная нивелировка площади с углублением восточного

¹ Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 7794. – Л. 33.

² Самоуничужение было характерным для священнослужителей, и армянское духовенство не было исключением.

³ Оригинальный текст и комментарии см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 3.

участка на два метра¹. Вследствие этого оголились основания южной стены гавита, а открытый в центре этой же стены дверной проем оказался на большой высоте. Очевидно, что появление проема не обусловлено строительством обители: портал, снаружи обрамляющий его, отличается скромным благородством и абсолютно идентичен как порталу западного входа в гавит, так и оформлению проема внутри портала церкви. Все три обведены тесаными известняковыми блоками и увенчаны полуарочными конструкциями из стыкующихся блоков. Замыкают композицию высокие прямоугольные тесаные рамы, профилированные по периметру. Все три портала относятся ко второй половине XIV века.

Несмотря на приведенные сведения о строительстве обители монастыря Сурб Хач, необходимо отметить, что она была разрушена во время Второй Мировой войны и не дошла до нас в своем первоначальном виде. Сохранившиеся фотографии 50-х годов XX века изображают этот участок в сплошных завалах с уцелевшими кое-где кельями первого яруса (см. фото в разделе «Архитектура и восстановление»). Побывавший здесь в тот период А. Якобсон пишет следующее: «Сохранился почти весь монастырь: уничтожены только жилые помещения — клетушки, выходящие на галерею, которую поддерживали деревянные столбы»². В архивных документах сохранилось краткое описание первоначального вида обители³, которое вместе с фактическим материалом позволило осуществить ее частичное восстановление в 1978–1979 годах.

Архиепископ Акоб, упомянутый в приведенной выше надписи 1694 года, был весьма предприимчивой и трудолюбивой личностью. В 80-х годах XVII века он взошел на престол духовного предстоятеля крымских армян в качестве коадьютора архиепископа Вардана: «Итак, написано сие в сельском городке Крыме, у ног (церкви) святой Богородицы, в патриаршество всея армянского владыки Егуазара⁴ и предводительство в сей облас-

¹ Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. — С. 17.

² Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — С. 173 (прим. № 95).

³ См. здесь, в разделе «Архитектура и восстановление».

⁴ Католикос Егуазар I Айнтапеци правил в 1681–1691 годах.

ти архиепископов Вардана и Акоба, рукой пустословного и последнего писца дьяка Давида, по летоисчислению армянского народа тысяча сто и 37 [= 1688 году]»¹. Подобно своим предшественникам архиепископ Акоб восседал в монастыре Сурб Хач: «Написана (Праздничная Минея) в год 1139 [=1690] рукой иерея Саргиса в большом престольном городе Пахчасарае <...> под сенью (церкви) Святого Проведителя <...> в предводительство архиепископа тэр [Вардана] и ставшего (духовным) сыном ему Акоба блаженного, кто ныне пребывает в Сурхате, в монастыре Святого Знамения»².

После смерти архиепископа Вардана тэр Акоб становится единоличным духовным предводителем армян Крыма и окрестных земель. Памятные записи и эпиграфические надписи свидетельствуют о развернутой им довольно активной и многогранной деятельности, которая выражалась как в восстановлении и перестройке древних церквей и монастырей, так и в обучении и подготовке новых священнослужителей. К примеру, армянская надпись на западной стене церкви Сурб Урбат (Святой Пятницы), расположенной на окраине села Тополевка, сообщает, что в 1702 году та была восстановлена в период правления Акоба — сведущего учительского главы³. О преподавательской деятельности архиепископа Акоба свидетельствуют многие источники, равно как и построенная им обитель в монастыре Сурб Хач, в которой жили, учились и трудились будущие священнослужители.

При входе в гавит, с северной стороны проема, есть высеченная на штукатурке надпись, которая также упоминает архиепископа Акоба. Она повествует, что в 1706 году в «монастыре Святого Знамения» некий священник из Кафы, по имени тэр

¹ Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 74. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 72.

² См.: Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 277.

³ Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи... — С. 42; Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. — С. 299; Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 118 (№ 266); Саргсян Т. Э. Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники. — С. 101.

Ованэс, принял посвящение из рук владыки Акоба¹. О предстоятеле Акобе рассказывают и памятные записи начала XVIII века: «Милостью и попечением Духа Божьего, окончившись, завершилось Святое Евангелие, (писавшееся) рукой последнего из писцов – Иезекииля, пустомели-чернильника, в летоисчисление по Аскназскому и Иафетскому календарю² 1157 [= 1708 году], месяца сентября 2, в поселении Пахчасарай, под сенью (церкви) Святого Григора, нашего Просветителя, в патриаршество владыки Александра и при предводителе нашей области бравом пастыре архимандрите Акобе». Заказчицей книги была некая Мариам, которая преподнесла ее «к вратам Святого Эчмиадзина, для пользования и чтения священниками и дьяконами (там)»³. Памятная запись 1712 года свидетельствует о довольно длительном присутствии архиепископа Акоба на посту духовного предводителя крымских армян: «В [год] тысяча сто шестьдесят первый [= 1712], двадцатого января, при католикосе владыке тэр Александре⁴ – священном архипастыре, и (при) предстоятеле (армян) всего Крыма, полномочиями наделенном сведущем учительском главе <...> тэр Акобе, ученом-богослове <...> обновлена (книга) рукой <...> тэр Григора, кто является слугой и служителем (монастыря) Просветителя»⁵.

Построенная в 1694 году обитель, и в первую очередь входящее в ее состав двухэтажное здание с четырнадцатью помещениями, является косвенным доказательством расцвета семинарской жизни в монастыре Сурб Хач в ту пору. Она вмещала большое количество учащихся и священнослужителей-преподавателей, призванных продолжить традиции многовекового учебного заведения. Впрочем, есть и прямое упоминание этого учебного заведения, величаемого «семинарией», по крайней мере, в тот период. Его встре-

¹ Об этой надписи см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 22.

² Имеется в виду Армянское летоисчисление.

³ Главный каталог армянских рукописей Матенадарана им. Месропа Маштоца (на арм. яз.). – Том I. / Сост. О. Еганян, А. Зейтунян, П. Антабян. – Ереван, 1984. – Кол. 1179–1180 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. – Рукопись 281. – Л. 295–295 об.).

⁴ Александр I Джугаеци правил в 1706–1714 годах.

⁵ Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. – С. 74–75. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 73.

чаем в хвалебной поэме, которая, по утверждению М. Бжишкяна, была написана Акобом Кафаеци в 1694 году¹, то есть сразу после возведения обители. Первые восемь строк этого панегирика уже приводились нами в связи с выявлением именного перестроечного характера работ, проведенных Ованэсом Себастици в монастыре Сурб Хач (в поэме – Сурб Ншан). В продолжении этого отрывка Акоб Кафаеци пишет:

*Толпы народа – как стар, так и млад –
Приходят с дарами на поклон к тебе,
Плотью и душой восторгаются и чтят,
Опора народа – престол Сурб Ншан...
Снаружи, изнутри крепостью окружен,
Из тесаных камней арки твои,
Огромный купол – обителище царя (небесного),
Семинария – гульбище, наставник Сурб Ншан...»²*

Как видим, автор поэмы тоже обращается к строению монастыря, подчеркнув наиболее важные его особенности, каковыми являются массивный купол, надежная крепостная стена, арки и своды из тесаных камней. Он свидетельствует также о множестве паломников, которые шли с дарами на поклонение святыне. Однако наиболее интересной представляется последняя строчка приведенного отрывка. В ней автор не только подтверждает существование в монастыре Сурб Хач духовной семинарии, не только характеризует ее как заведение, обильно дарующее учащимся духовную пищу, но и описывает метод проведения занятий³. Основываясь на этом источнике, можно заключить, что преподаватели обучали своих учеников, беседуя с ними во время пеших прогулок, организованных в некоем гульбище, которым, несомненно, был малый дворик.

Рассмотрим и продолжение панегирика, содержащего интересные сведения источникового значения:

*Внутри тебя есть крепкие жилища,
И, будь то сановник или из мирян,
Служит услужливо тебе непрестанно,
Властное, желанное святилище Сурб Ншан...»*

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... – С. 326.

² Там же. – С. 327.

³ В подлиннике последняя строка звучит так: «Ճեմնալ ճեմարան, ճարալ Սուրբ Նշան».

*По чинам нашим множество ночлегов есть,
 Для путников – гостеприимное пристанище здесь,
 Объяв всех, раскинулся в похвалах,
 Умиротворенная благодать, надежный Сурб Ншан...
 Ты горд и нет схожих на тебя,
 С видом и расположением весьма дивным,
 Всяким добром наполнен обильно,
 Славою прославленный, роскошный Сурб Ншан...
 Из серебра и золота утварь отборная твоя:
 Кадила, лампы, кресты и Евангелия,
 Ризы и вороты, епитрахили и нарукавники,
 Различными прикрасами изобилуешь, Сурб Ншан...
 Здесь воды вкуснейшие из двух родников,
 Дубравами вблизи тебя окруженных,
 Бытуешь ты между ними в роскоши собственной,
 Величественно приветствуя, обитель Сурб Ншан...
 Мил и желанен народам всем,
 И даже другие к твоим идут ногам:
 Мурза, Господин, и Султан, и Хан
 Глядят с восхищением на тебя, Сурб Ншан...!*

Судя по тому, что в поэме нет ни слова об архиепископе Акобе, закончившем строительные работы в монастыре в том же 1694 году, можно заключить, что она написана им самим. Этому в определенной степени соответствует и выражение «По чинам нашим множество ночлегов есть». В таком случае, с учетом сообщения М. Бжишкяна о том, что поэма написана Акобом Кафаенци, получается, что наш архиепископ родом был из Кафы.

Последние четыре строки приведенного источника свидетельствуют, что в числе гостей Сурб Хача были не только армяне. Престольный монастырь крымских армян пользовался большой известностью и у неармянского населения, в том числе у правителей-мусульман. И дело не только в известности. Сообщение о том, что «другие» шли «к ногам» Сурб Хача, означает, что святость его почиталась представителями иноплеменных народов и они шли на поклонение к святыне.

Автор хвалебной поэмы отмечает и богатство монастыря, имея в виду как его обеспеченность продовольствием и предметами

¹ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... – С. 326.

ремесленного производства, так и драгоценную богослужебную утварь из золота и серебра, всевозможные облачения. Артефакты, обнаруженные здесь при раскопках, представляют собой различные изделия из керамики (покрытая глазурью посуда, коллекция курительных трубок), стекла и металла¹. Весьма важным является тот факт, что уже в 1694 году Кафаеци упоминает два монастырских родника-фонтана, которые, на наш взгляд, соответствуют сегодняшним верхнему и нижнему фонтанам, конечно, с учетом небольших изменений в оформлении их фасадов в ходе последующих перестроек и обновлений.

Верхний и нижний фонтаны после восстановления.

Не менее интересны сообщения автора о строениях жилого назначения на территории монастыря. Первое четверостишие свидетельствует, что помимо священнослужителей в крепких жилищах монастыря обитали и трудились миряне, видимо выполнявшие различного рода хозяйственные работы. Это подтверждается и эпиграфическими источниками. К примеру, в северном зале монастырской трапезной сохранилась надпись

¹ Бабаян Ф., Корхмазян Э. Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. – С. 29–34.

1762 года, в которой говорится, что некий повар Саргис, племянник вардапета, четыре года добровольно прослужил Святому Кресту, с тем чтобы его близкие удостоились долгих лет мирского благополучия, а после завершения земного пути – вечной жизни на небесах¹.

Акоб Кафаеци свидетельствует также, что служителям монастыря отводилось жилье в соответствии с занимаемым ими положением. В достоверности этого сведения можем убедиться на примере келий здания обители. Здесь среди рядовых помещений сохранилось одно для высокопоставленного сановника. Называется оно «*келья вардапета*» (келья архимандрита) и размещено на первом этаже здания келий, в северо-западном углу. Эта комнатка просторнее остальных келий и убрана наряднее. Помимо основных обитателей в монастыре бывали и приезжие: он служил гостеприимным пристанищем для паломников, гостей и путников, кратковременно останавливавшихся здесь.

Таким образом можно заключить, что Сурб Хач к концу XVII века обладал широкими жилищными возможностями, которые, видимо, не ограничивались двухэтажным зданием келий. Тем не менее очевидно, что после сооружения обители надобность в некоторых помещениях-клетушках отпала: новая обитель в качестве жилья, места уединения и различного рода служения монахов и учащихся пришла на смену более ранним жилым строениям монастыря. Именно при строительстве обители эти постройки исчезли окончательно. Их постепенный снос начался еще в период строительства трапезной², которая, по мнению археологов, сооружена незадолго до обители³. Косвенным подтверждением тому считается армянская литография 1686 года над главными воротами в монастырь, замыкающими его западное крыло. Надпись вытесана на несколь-

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... – С. 326; Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 107 (№ 222); **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. – С. 109. Подробнее см. в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 32.

² В армянской архитектуре трапезные сооружения появились в период раннего средневековья. В X–XIII веках, когда начали формироваться крупные культово-архитектурные ансамбли – монастыри, строительство этих сооружений стало еще более интенсивным.

³ **Сидоренко В. А.** Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. – С. 17–18.

ко приплюснутом тимпане, изготовленном из песчаника. Ныне читается фрагментарно – правая часть выбита:

ՅՇՏ ////////////// ՍՍԼԳ //	Память ///// Саргису ///// .
-------------------------------	------------------------------------

Целостный текст надписи впервые был опубликован М. Бжишкяном, а затем повторен О. Тэр-Абраамьяном, Х. Степанэ, Хр. Кучук-Иоаннесовым:

ВРАТА СУТЬ ПАМЯТЬ О МАГДУСИ САРГИСЕ. ЛЕТА 1135 [= 1686]»¹.

Свидетельствуя о том, что некий магдуси Саргис установил (или дал установить) главные монастырские ворота ради спасения своей души, надпись в то же время констатирует существование в 1686 году юго-западного углового участка ансамбля. Однако архитектоника монастыря, вся логика его построения, основанная на стремлении к надежности и компактности, не позволяют связать строительство данного элемента с трапезной. Мало того, нельзя даже согласиться с тем, что этот участок мог оказаться внутри комплекса ранее известной сегодня обители, поскольку им как раз заполнен пустовавший угол, опять-таки из соображений компактности.

Однозначного объяснения ситуации нет, но можно сделать несколько предположений: либо этот угловой участок был привязан к более ранним постройкам, которые существовали на месте обители 1694 года, либо спустя некоторое время вся конструкция врат была перемещена и использована вторично. Второе предположение, собственно, уже было высказано нами в предыдущей монографии². Основываясь на литографии 1694 года, можно рассмотреть и третий вариант, но он проблематичен с учетом общей планировки южного участка монастыря: имеем в виду данные о том, что сначала были построены наружные стены обители и только потом

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... – С. 324; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 8. Оригинальный текст и подробности см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 2.

² **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым: монастырь Сурб Хач. – С. 59.

примыкающие к ним со стороны внутреннего дворика кельи нижнего и верхнего ярусов. Если допустить, что постройки углового отсека и южного крыла монастыря относятся к единому строительному периоду, продлившемуся с 80-х годов XVII века до 1694 года, то придется сделать заключение о единовременном возведении внешнего панциря всех этих сооружений и последующей разбивке внутренних площадей на различные помещения.

Среди источников, освещающих историю монастыря Сурб Хач в XVIII веке, есть и памятная запись, и архивный документ, и литографии. Так, в 1728 году один из писцов в колофоне к своему Сборнику пишет, что начало книги *«положил в монастыре Сурб Хач вблизи [города] Крым, а остальное (написал) в столице Кафа»*¹. Архивный документ представляет собой послание от 1744 года, в котором представители армянской епархии «Северной страны» сообщают католикосу об избрании нового духовного предстоятеля — епископа Даниела: *«...мы, народ Крыма: вельможи и меньшие, старцы и юноши, правители и все верующие вообще — жители Кафы и Карасу, Бахчисарая и Кеозлева, Каушан², Ора и Акмечита³, а также же сел, то есть Орталанка, и Топты, и Камушлы, и Салы, и Эски Крыма⁴, — мы, которые изначально есть епархия и паства нашего монастыря Сурб Хач»*, своим духовным предводителем провозглашаем епископа Даниэла⁵. В перечне указаны наиболее значимые по численности армянского населения города и села Крыма. Исключение составляет Каушаны в Бессарабии, жители-армяне которого, как оказывается, также

¹ Каталог рукописей из монастыря Кармир в Анкюрии и окрестных мест (на арм. яз.) / Сост. Б. Кюлесерян. — Антилиас, 1957. — С. 550 (Рукопись 106. — Л. 328).

² В Молдавии, в 88 км юго-восточнее Кишинева.

³ Ныне — города Армянск и Симферополь.

⁴ Соответственно: села Земляничное, Тополевка, Пчелиное, Грушевка и город Старый Крым.

⁵ См.: Архив Матенадарана им. Месропа Маштоца. — Канцелярия католикоса. — Папка 1. — Док. 43. Источник этот неоднократно опубликован академиком В. А. Микаеляном (см.: История армянской колонии в Крыму. — С. 112; История крымских армян. — С. 59).

состояли в епархии монастыря Сурб Хач. Впрочем, надо полагать, речь идет об армянах не только Каушан, но и близлежащих южнобессарабских земель. Не случайно ведь армянская епархия, сформировавшаяся в российский период, получила название Нахиджевана и Бессарабии. Забегая вперед, отметим, что консисториальный центр ее уже не находился в монастыре Сурб Хач.

Приблизительно через 60 лет после возведения обители, в 1751 году, в Сурб Хаче были организованы комплексные строительные и ремонтно-восстановительные работы, охватившие почти все его постройки. Об этом повествует армянская литография на мраморной плите, вставленной в каменное ограждение левее входа в обитель. Инициатором и попечителем на этот раз выступил восседавший в Сурб Хаче архиепископ Адам:

МИЛОСТЬЮ БОГА ВНОВЬ ОБНОВЛЕН МОНАСТЫРЬ СУРБ ХАЧ: БЛАГОВИДНЫМИ СТАЛИ КАК ХРАМ, ТАК И МИРСКИЕ ЗАЛЫ, ОКРУЖЕННЫЕ СТЕНОЙ. ОН ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕСТОЛОМ ВСЕХ ПРИХОЖАН ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО [ТОЛКА] ОСТРОВА ЭТОГО, А ИМЕННО: КАФЫ, КАРАСУ, ПАХДЖАСАРАЯ, КЕОЗЛЕВА, ВСЕХ СЕЛЕНИЙ, ВКЛЮЧАЯ И КАУШАН, В ТОМ ЧИСЛЕ И УРУМЕЛИИ, КОТОРЫЕ — МУЖИ И ЖЕНЫ — РАДЕТЕЛЬНОЙ ЛЮБОВЬЮ БЛАГОДЕТЕЛЬНО ПОМОГЛИ МИЛОСТЬЮ [ПРИ ОБНОВЛЕНИИ МОНАСТЫРЯ] В ПОРУ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВА АДАМА, АРХИЕПИСКОПА ОСТРОВА, БЫВШЕГО УЧЕНИКОМ ИОАННА БАГИШЕЦИ¹ — ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЯ, КОТОРЫЙ [= АДАМ] ПОЗАБОТИЛСЯ И ПРЕДПРИНЯЛ МНОГОСТОРОННИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ РАДИ ДУШИ СВОЕЙ И [ДУШ] ПРЕДКОВ. И БЫЛО [ЭТО] В ГОД СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО 1751, А ПО АРМЯНСКОМУ [ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЮ] — 1200. О ДОСТОПОЧТЕННЫЕ, ПРИ ЧТЕНИИ НАДПИСИ ХОТЬ ОДНИМ «ОТЧЕ НАШ» ПОМЯНИТЕ ВЫШЕОЗНАЧЕННЫХ БЛАГОДЕТЕЛЕЙ И НАДЗИРАТЕЛЯ СВЯТОГО ДОМА — АДАМА, ЗАУРЯДНОГО ЧЕРНЕЦА².

¹ Родом из Багеша (позднее Битлис) — город и область в Западной (Турецкой) Армении.

² Оригинальный текст и комментарии см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 4.

Итак, согласно источнику, в XVIII веке Сурб Хач являлся престольным монастырем армян, принадлежавших к национальному толку христианства, причем армян, которые проживали как в Крыму, так и в Каушанах и Урумелии. Последний топоним, скорее всего, следует рассматривать в контексте с Каушанами. В этом случае под Урумелией следует понимать северо-восточную окраину Румелии (Балкан), граничащую с Южной Бессарабией. В этом регионе – в Измаиле, Аккермане (г. Белгород-Днестровский), Килии – в XVIII веке проживало армянское население, которое придерживалось национального вероисповедания¹. Очередное свидетельство их церковного подчинения архиепископам крымского монастыря Сурб Хач подтверждает, что епархия последнего явилась прототипом епархии Нахиджевана и Бессарабии в плане географии. Во времена турецкого господства она была подвластна армянскому патриарху Константинополя, а в российский период, несколько более растянувшаяся за счет Нор Нахиджевана и окрестных селений, – архиепископу российских армян.

Теперь рассмотрим характер проведенных работ. По сообщению надписи, монастырь Сурб Хач поновлен в 1751 году, отремонтированы как храм, так и мирские залы, прилегающие к крепости изнутри. Значит, строительные работы были направлены лишь на обновление монастыря и на этот раз не было построено ни одного нового здания. В то же время ясно, что восстановительные работы были весьма значительными и охватили весь монастырь или, по крайней мере, большую его часть. Не случайно автор надписи называет проведенные работы «многосторонними». Не случайно также, что в это благое дело были вовлечены армяне всех городов и селений Крыма, а также Каушан и Урумелии.

Итак, в 1751 году была восстановлена церковь Святого Знамения, скорее всего вместе с гавитом, являвшимся своего рода ее продолжением. Намного интереснее сообщение о том, что были обновлены и прилегающие к крепости мирские залы.

¹ См.: Саргсян Т. Э. Армянские эпитафии из Килии // Праці центру пам'ятникознавства. – Вып. 20. – Київ, 1911. – С. 291–303; Саргсян Т. Э. Армянские эпитафии из Килии // Tyragetia. Istorie Muzeologie. – Vol. VI (XXI) nr. 2. – Chişinău, 2012. – P. 95–108.

О чем идет речь? Этот отрывок надписи в русском переводе Хр. Кучук-Иоаннесова звучит следующим образом: «монастырь Сурб-Хач вторично возобновлен великолепно, а также храм и наружные дворы с окружающими стенами»¹. Получается, что проведенное обновление затронуло лишь храм и наружные дворы с окружавшими стенами. И это «многосторонние» восстановительные работы, в результате которых монастырь «возобновлен великолепно»? Вряд ли. По сравнению с текстом оригинала в этом отрывке перевода наблюдается заметный диссонанс как в грамматическом строе предложения, так и в лексическом. Во-первых, армянское слово *սրահ* (*srah*) в первую очередь означает «зал», «закрытое просторное помещение». При выборе русского эквивалента этого слова Хр. Кучук-Иоаннесова ввело в заблуждение стоящее рядом слово *արտաքին* (*artaqin*), действительно означающее «внешний» или «наружный». Он, видимо, решил, что если это некое наружное помещение, то бесспорно – двор или дворик. Но слово *արտաքին* (*artaqin*) имеет и другое значение, а именно – мирской, светский².

Таким образом, автор надписи 1751 года, как и в свое время д'Асколи, разделяет две основные составляющие монастыря – духовную и мирскую. Причем обновленная мирская часть представляла собой прилегавшие к крепости как открытые, так и закрытые залы. А это значит, что речь в надписи идет об обновлении и укреплении атриума и малого дворика, относительно недавно построенного здания келий, двухзальной трапезной, прилегающего к ней с юга хозяйственного помещения (привратницкой).

О. Домбровский и В. Сидоренко полагали, что восстановлению 1751 года предшествовал пожар, изрядно разрушивший монастырь приблизительно в 40-х годах XVIII века. Обнаруженная при археологических изысканиях прослойка «гари» перекрывала часть большого дворика, водосток, остатки некогда существовав-

¹ Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи... – С. 41.

² См.: Армяно-русский словарь, составленный по лексикону, изданному в Венеции, и умноженный вновь введенными словами Александром Худобашевым. – Ч. 1. – М., 1838 (Факсимильное издание: Ереван, 1986). – С. 186.

ших помещений¹. Водосток брал начало от внутреннего фонтана, расположенного в большом двореке, под лестницей, ведущей в надстройку трапезной. Источники относят его возведение к 1836

Остатки резной ниши на западном фасаде трапезной. Фото 70-х годов XX века.

археологов: в своих подробно составленных отчетах В. А. Сидоренко показывает, что обитель и трапезная принадлежат хронологически близким строительным периодам. Причем обитель не могла появиться до формирования большого дворека, а

году, к периоду восстановительных работ, организованных вардапетом Манвелом Гюмушханеци². Можно было бы допустить, что речь идет о восстановлении фонтана в 1836 году, поскольку лестница на этом месте существовала давно и упоминается М. Бжишкяном³, да и вода подавалась в фонтан по водопроводной ветви, идущей под крайней северо-западной кельей. Но проблема в том, что в своем обстоятельном описании монастыря Бжишкян самого фонтана не упоминает. А значит, его не было, поэтому привязать восстановительные работы 1751 года к пожару не представляется возможным. Пожар случился позже.

Еще одно заключение

¹ Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. — С. 99.

² Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 9; Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 73.

³ Бжишкян М. Путешествие в Польшу... — С. 326.

большой дворек — до построения двухзальной трапезной¹. Данная последовательность возведения перечисленных звеньев монастыря сомнений не вызывает, но то, что они принадлежат хронологически близким строительным периодам, неубедительно.

Резная оконная рама на западном фасаде трапезной.

Как уже говорилось, время сооружения трапезной — вопрос дискуссионный: ее датировка варьируется от XIV до конца XVII веков. Две литографии внутри северного зала относятся к 1762 и 1810 годам. Еще одна маленькая поверхностная надпись есть на входе в южный зал. Она состоит из одного слова — имени Միմաւոն (Симафон). Других надписей нет ни на тесаных частях конструкций (арки, пилястры, колонны), ни на уцелевших фрагментах штукатурки. Впрочем, это не удивительно: надписи

¹ Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. — С. 17–18.

большей частью носили поминальный, памятный или поклонный характер и писались на стенах святых помещений – церкви или гавита. Поэтому в датировке трапезной монастыря Сурб Хач указанные литографии решающей роли не играют. В контексте этой темы следует отметить, что на ее западном фасаде, на высоте трех метров, сохранился некий элемент, который, возможно, свидетельствует об имевшейся здесь строительной надписи. Это остатки внушительной по размерам неглубокой ниши, удлинённой сверху вниз. Некогда она была окаймлена прямоугольной рамой из тесаных известняковых блоков, покрытых тонкой изящной резьбой. Ныне рама большей частью разрушена, резьба выветрилась и лишь местами заметна. Плита с надписью (?), некогда стоявшая внутри ниши, вероятно утеряна давно: о ней не упоминает ни один из авторов XIX века. Думается, описанному элементу синхронны миниатюрные резные оконца, сохранившиеся на том же западном фасаде. Они изготовлены из цельных каменных блоков и в верхних углах с фасадной стороны украшены розетками. Оконные проемы имеют форму прямоугольника с килевидным верхом.

Орнаментика и техническое состояние перечисленных элементов указывает на их солидный возраст и позволяет датировать трапезную более ранним временем, нежели конец XVII века. Добавим к сказанному, что многовековую деятельность столь выдающегося духовного центра, каким был монастырь Сурб Хач, нельзя представить без кухни, трапезной, соответствующих помещений для хранения и обработки пищи. Но дело в наличии не столько трапезной, сколько ее постройки, достойной церкви Святого Знамения и ее гавита. Ведь к моменту возведения последних величественные здания двухчастных трапезных были распространенным явлением в крупных армянских монастырях. Отчетливо чувствуется, что церковь и гавит Сурб Хача строились претенциозно, с максимальным использованием имевшихся возможностей, а значит, его трапезная не могла быть исключением. Конечно, повторить на полуострове выдающиеся конструкции трапезных монастырей Армении не получилось бы из-за отсутствия соответствующего стройматериала. Но можно было создать нечто значимое в локальном масштабе, используя для этого наиболее удавшуюся конструкцию.

Вход в обитель в 1992 году.

И была построена трапезная, состоящая из двух залов, в каждом из которых использована трехнефная сводчатая конструкция с двумя колоннами в центре интерьера, распространенная в армянских памятниках Крыма XIV–XV веков. Ее встречаем в гавитах монастыря Сурб Хач, расположенного неподалеку монастыря Сурб Степанос (Святого Стефана), церкви Иоанна Предтечи в Феодосии (на территории заповедного участка Карантин) и монастыря Святого Антона в Двужорной бухте близ пгт Орджоникидзе. Кроме конструкции в трапезной монастыря Сурб Хач находим и характерные для XIV–XV веков детали декора. К ним относятся эхины колонн и пилястров, украшенные профилем (северный зал) и арочным рядом (южный зал), равно как и наружное оформление восточных дверных проемов, идентичное оформлению входов в церковь и гавит. Некоторое уточнение по поводу последних: дверные проемы церкви и гавита — в случае с последним как западный, так и южный — обведены тесаными блоками и увенчаны полуарочной конструкцией. Внешне этот контур проема взят в прямоугольную, окаймленную профилем раму. Что показательно, эта замыкающая рама в оформлении дверных проемов трапезной отсутствует.

Немаловажно, что возведение грандиозного здания трапезной требовало серьезных капиталовложений и свободы действий. Как первое, так и второе укладываются в историческую канву генуэзско-ордынского периода и в целом не характерны для фазы турецкого господства. Поэтому следует заключить, что д'Асколи видел здание трапезной, и оно входило в число «высоких каменных жилищ широких размеров», построенных «братьями-армянами, которые и погребены в церкви». А если более конкретно, то возведение трапезной следует отнести к началу XV века: Ованэса Себастици тогда уже не было в живых, но сила его духа и мощь не были забыты. В контексте величия и важности, надо полагать, была возведена и несохранившаяся арочно-сводчатая постройка, примыкавшая к гавиту с севера.

Монастырь Сурб Хач в новое и новейшее время

Серьезным испытанием для монастыря Сурб Хач стало организованное российскими властями переселение крымских

армян в Азовскую губернию в 1778 году. Прихожан на полуострове осталось очень мало. Сурб Хач с тех пор не только перестал быть престольным монастырем¹, но и вовсе опустел. Принадлежавшая ему церковная утварь была передана в нововозведенный монастырь Сурб Хач, находящийся вблизи города Нор Нахиджеван. Как и абсолютное большинство многовековых армянских духовных центров в Крыму, монастырь начал быстро разрушаться.

Архиепископ российских армян Овсэп Аргутян-Долгорукий, обеспокоенный бедственным положением монастыря Сурб Хач, в 1795 году обратился к армянам Москвы, Астрахани, основанного недавно Нор Нахиджевана с призывом помочь возрождению древней святыни: «<...> возжелал восстановить и довести до первоначального великолепия и дивный монастырь Сурб Хач Крыма, воистину рай Божий, украшенный всею благодатью, с видом благообразным, расположением благоприятным, услаждающий взгляд посетителей и подобающее место желанное со свежим, чистым воздухом, животворящей водой, облагороженный многими растениями, разными деревьями и цветами; больно и несказанно горестно мне, вашему отцу, оставить его таким разрушенным и безлюдным, поэтому, уповая на Бога моего и ваше благочестие, предпринял строительство и позаботился обо всем недостающем, поскольку дал обновить развалившиеся участки, построил там предводительскую, кельи и помещения для монахов и паломников, поставил там настоятеля, утвердил монахов, для которых купил много земли с лесом, сладовкусными водами и фруктовыми деревьями»². На собранные в Нор Нахиджеване и Астрахани средства О. Аргутян-Долгорукий приобрел также церковную утварь и священнические облачения для древней святыни: «но и после этого не украсился он, поскольку нахо-

¹ Впоследствии была сформирована Нахиджевано-Бессарабская епархия, центр которой в разные периоды находился в Кишиневе, Феодосии, Нор Нахиджеване.

² Послание архиепископа Овсэпа к общественности Москвы во имя великолепия монастыря Сурб Хач Крыма // Архив армянской истории. — Т. IX. — Тифлис, 1911. — Кол. 155–156.

дится в полной нищете: я (уже) 2100 туманов¹ израсходовал на монастырь, (но) пока ничего не видно в нем»². Обратим внимание на выражение «построил там предводительскую, кельи и помещения для монахов и паломников». Если сказанное не является гиперболизацией и слово «построил» использовано в прямом значении, то остается неясным, почему же для этих целей архиепископ не воспользовался существо-

Атриум до восстановления. Вид на северо-восток. Фото 1992 года.

вавшим зданием келий, а построил новые помещения. Возможно, ограниченность в средствах заставила его прибегнуть к пере-

¹ Туман — персидская золотая монета в XVIII—XIX веках. Один туман равнялся 41 грамму чистого серебра. После присоединения Восточной (Персидской) Армении к России (1828 год) восточные армяне некоторое время продолжали называть деньги на персидский манер.

² Послание архиепископа Овсэпа к общественности Москвы во имя великолепия монастыря Сурб Хач Крыма. — Кол. 155—156.

стройке в целях экономии, в связи с чем в южном зале трапезной и появились комнаты для монахов, паломников и предводителя. Известно, что в середине XIX века этот зал был разделен на кельи для проживания монахов и предводителя. Г. Спасский в 1856 году писал, что налево от входа в Сурб Хач, «в нижнем этаже», находились «убогие кельи» настоятеля и трех монахов, обставленные скудной мебелью грубой работы. «Верхний этаж здания над кельями образует род открытой террасы, на которую ведет каменная лестница»¹. Если все изложено верно, то речь идет о трапезной, верхний этаж которой на тот момент еще представлял собой открытую террасу.

В августе 1800 года избранный уже на пост католикоса Аргутян-Долгорукий назначил монастырским настоятелем вардапета Гхазара: «<...> вот поставил тебя настоятелем монастыря Сурб Хач, чтобы ты как был раньше обновителем [его], так и оставался до последнего и чтобы смерть твоя случилась в нем. Тебе будет легко и благоприятно (трудиться) по той причине, что места, которые были отмерены до дороги Отуза, в том числе и пустынь в нем, — наши, и должны заново отмерить и дать план тебе, и ты обязан платить пошлину, которая будет установлена законом, и ты должен держать монастырь в порядке, не дать разрушаться. Вручаю тебе и сад (виноградник) в Судаке, как надел твоего монастыря <...>»². Все вышеизложенные указания архиепископ давал вардапету, исходя из достигнутых с российскими властями договоренностей в рамках Императорской грамоты от 28 октября 1799 года, которой предусматривались «разные выгоды и преимущества» для проживавших и утверждавшихся в Крыму армян³.

Но, несмотря на все усилия Овсэпа Аргутяна-Долгорукого, Сурб Хач не вернул себе ни былого значения, ни прежнего числа служителей. В начале XIX века здесь обосновался архимандрит Тэр-Григорян со своими многочисленными

¹ Спасский Г. — Старый Крым. — С. 101.

² Первое послание католикоса Овсэпа архимандриту Гхазару (1800 год, август) // Архив армянской истории. — Т. IX. — Тифлис, 1911. — Кол. 334—335.

³ Городские поселения в Российской империи. — Т. 4. — СПб., 1864. — С. 743—744; Подробнее см.: Микаелян В. А. История крымских армян. — С. 150—152.

родственниками. Вскоре его сменил епископ Тадэос родом из Шулаверы¹. В 1807 году епархиальный глава архиепископ Ефрем выгнал «бездействующих и беспечных» епископов Тадэоса и Гхазара из Сурб Хача, однако оставил монастырь без хозяина. В 1810 году управляющим здесь стал архимандрит-отшельник Вртанэс, при котором «переселенцы-болгары овладели частью монастырских земель», обосновавшись на них².

Вскоре в монастыре Сурб Хач вновь были организованы восстановительные работы. На этот раз — настоятелем Манвелом Гюмушханеци³.

Первая поездка вардапета Гюмушханеци в Крым состоялась в первой четверти XIX века и ознаменовалась затяжным судебным процессом по монастырской земле⁴. Этот спор между армянами и болгарскими переселенцами, утвердившимися близ Старого Крыма в 1804–1805 годах, длился с 1812 по 1825 годы. Вначале для «водворения болгар» Старокрымская городская (армянская) ратуша отвела им землю в трех километрах от города в количестве 86 десятин, а Гюмушханеци в 1806 году даже позаботился о доставке им хлеба. Но земли оказалось мало и болгары стали пользоваться как наделами монастыря, так и городскими пастбищами. В конце концов спор был разрешен в пользу болгар, но, чтобы хоть как-то восполнить потерю армян, 30 апреля 1835 года из казенного участка при деревне Оды Хай-га Перекопского уезда монастырю была выделена земля в размере двух тысяч десятин, куда входили уголья, покос и озеро Керлеур⁵.

¹ Ныне Шаумяни — село в Марнеульском муниципалитете края Квемо-Картли Грузии.

² Сведения взяты из «Истории» вардапета Манвела Гюмушханеци (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 6523), опубликованной в журнале Арарат: см. 1915. — С. 870; 1917. — С. 756–758 (на арм. яз.).

³ Манвел (Мануил, Эмануил) Шагинян родом был из Гюмушхане или Кюмушхане — местности на севере Турции с одноименным центром.

⁴ См.: **Микаелян В. А.** История крымских армян (на арм. яз.). — Ереван, 1989. — С. 281–283.

⁵ **Носкова И. А.** Крымские болгары в XIX — начале XX вв.: история и культура. — Симферополь, 2002. — С. 26–28. Примечательно, что в архивных документах, приводимых автором, монастырь Сурб Хач фигурирует под названиями «Георгиевский монастырь» и даже «Арменчакский монастырь».

В 1818 году попечительский совет, занимавшийся делами армянских приходских школ, пригласил Гюмушханеци из Сурб Хача в Карасубазар и с 10 января 1819 года поручил ему управление школами в семи городах Крыма: Кафе, Эски-Крыме, Карасу, Акмечети, Бахчисарае, Кеозлеве и Орабазаре. Гюмушханеци удалось собрать около ста учащихся из семей армян, придерживавшихся национального вероисповедания. Восьмерых он отправил на учебу в Москву¹.

Приведенные цифры впечатляют, поскольку, по данным того же Гюмушханеци, в 1812 году в Кафе, Эски-Крыме, Карасу, Акмечети, Бахчисарае, Кеозлеве и Орабазаре в общей сложности проживало всего 450 семейств (около двух тысяч человек) армян национального толка².

В 1836 году, видимо после кончины вардапета Арутюна Гхазаряна, являвшегося настоятелем монастыря³, Гюмушханеци возвращается в Крым. Об этой своей поездке он пишет: «Но, услышав о разрушении монастыря Сурб Хач в Крыму, на Северной стороне, с пронзенной душой отправился туда <...>. Обвалившиеся стены заново выстроил, также вовнутрь монастыря провел воду издалека, построив красивый арочный фонтан во дворе <...> на средства благороднейшей Мариам Агаджановой <...>»⁴. Семь лет спустя Манвел Гюмушханеци умер и был похоронен в монастыре Сурб Хач, напротив входа в гавит. Эпитафия, высеченная на его надгробии, была составлена им же 4 декабря 1843 года, незадолго до смерти⁵. Рядом на паперти находилась могила некоего вардапета Петроса, отошедшего в 1701 году⁶. Позднее, в 1847 году, здесь появилось третье захоронение — епископа Георга из Смирны⁷. Ни одно из трех надгробий с вытесанными на них эпитафиями не сохрани-

¹ Арарат. — Эчмиадзин, 1915. — С. 869–870.

² Там же. — С. 871 (Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 6523. — Л. 20–21).

³ См.: **Сурхатян А.** Армянский монастырь Крыма. — С. 74.

⁴ Матенадаран им. Месропа Маштоца. — Рукопись 6523. — Л. 71 об.

⁵ **Сурхатян А.** Армянский монастырь Крыма. — С. 72–73. См. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 47, 48.

⁶ Там же. — С. 72. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 45.

⁷ Там же; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 10. Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 46.

лось. Отметим, что захоронения XVIII–XIX веков, но уже в два уровня, есть и вблизи этих могил – внутри гавита, у северо-западного угла¹.

Надгробные плиты в центральной части гавита подтверждают сведения источников о более ранних захоронениях. Резной декор этих надгробий состоит из священнических посохов и розеточных орнаментов, характерных для XIV–XV веков. Кроме гавита и его преддверия, захоронения имелись и северо-восточнее монастыря. Находящееся здесь позднее кладбище, где хоронили смотрителей монастыря и скоропостижно скончавшихся паломников-странников из далеких мест, к концу XIX века представляло собой заваленный камнями участок². Захоронения производились и юго-восточнее монастыря. В 70-х годах XX века их обнаружили строители нового гостиничного здания.

О фонтане в атриуме, построенном в 1836 году госпожой Мариам, супругой Агаджанова, пишут и другие авторы. Подтверждая, что он возведен в ходе обновительных работ, организованных Гюмушханеци, составители сведений ссылаются на некую армянскую надпись на мраморной плите³. Впоследствии плита была утеряна и нашлась лишь несколько десятилетий спустя. Ее обнаружил Хорен Степанэ в одном из залов трапезной и поставил на прежнее место в фонтане⁴. Дальнейшая судьба литографии неизвестна: сведения исчезают со второго десятилетия XX века. Подача воды в фонтан также продолжалась недолго: в 60-х годах XIX столетия он уже не действовал⁵. Восстановление водоснабжения здесь стало одной из первоочередных, но неосуществленных задач предводителя Нахиджевано-Бессарабской епархии Габриела Айвазовского⁶,

¹ Сидоренко В. А. Отчет о раскопках памятников архитектуры монастыря Сурб-Хач и церкви в селе Богатом в Юго-Восточном Крыму в 1979 г. – С. 10.

² Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 19.

³ Там же. – С. 9; Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. – С. 73.

⁴ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 9. Оригинальный текст надписи см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 50.

⁵ Тэр-Абрамян О. История Крыма. – Ч. 2. – С. 156.

⁶ Там же.

местопребыванием которого являлась армянская церковь Святых Архангелов в Феодосии. Согласно Х. Степанэ, в самом конце XIX века фонтан под лестницей, ведущей в надстройку трапезной, продолжал бездействовать¹. Рядом с ним, несколько западнее, по сей день находится старый вход в атриум. Он представляет собой небольшой узкий проем, увенчанный стрельчатой аркой, которая напоминает сквозной люнет.

Перейдем к надстройке трапезной. Опись монастырской недвижимости, составленная в 1784 году, сообщает, что в «*верхнем департаменте*» насчитывалось двадцать шесть келий, а в нижнем – двадцать две². Фактически источник свидетельствует о многолюдной монастырской общине, по крайней мере незадолго до переселения 1778 года. Под «*верхним департаментом*», надо полагать, подразумевается второй этаж здания обители и кельи над трапезной. Но даже в этом случае «*двадцать шесть келий*» в «*верхнем департаменте*» уместаются с большой натяжкой. Тем не менее упомянутый документ, составленный очевидцем, позволяет заключить, что жилые постройки над трапезной были воздвигнуты еще до вынужденного переселения крымских армян. Исчезают они к началу XIX века. На одной гравюре, датированной этим временем, трапезная монастыря Сурб Хач завершается окруженной решеточным парапетом просторной террасой, на которой заметны очертания каких-то небольших и немногочисленных жилых построек³. Вспомним, что об этой открытой террасе упоминает и Г. Спасский в 1856 году⁴. В число келий «*нижнего департамента*», видимо, входили жилые помещения первого этажа здания обители, кельи в северо-восточном углу крепостной стены и, возможно, даже помещения в южном зале трапезной, о которых также сообщает Г. Спасский⁵. Но это, конечно, в том случае, если последние не

¹ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 9.

² Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб Хач. – Приложение 1 (первоисточник: ГАРК. – Ф. 535. – Оп. 1. – Д. 2495).

³ См.: Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. – С. 70.

⁴ Спасский Г. Старый Крым. – С. 101.

⁵ Там же.

имели отношения к деятельности О. Аргутяна-Долгорукого и появились ранее его строительных инициатив в Сурб Хаче.

Парадный двор (атриум) до восстановления.
Вид на юг. Фото 1992 года.

Планировка верхнего яруса трапезной меняется в третьей четверти XIX века, между 1856 и 1865 годами. К первой дате относится описание Г. Спасского, ко второй — О. Тэр-Абраамяна. Последний пишет: «Выйдя из церкви, по каменным ступеням, расположенным по левую сторону монастыря¹, поднялись в по-

¹ То есть по левую сторону от основных монастырских сооружений — церкви и гавита.

кои предводителя, а потом, минуя комнаты, вышли на южный балкон, где наше внимание привлекли расположенные напротив фонтаны и дубравы. Отсюда отправились на западный, высоко расположенный балкон, где слева виднелись фонтаны, а впереди — сад и старокрымский лес. На нижнем этаже — кухня и трапезная, построенные из камня и известкового раствора¹. Уточним: судя по иллюстративному материалу конца XIX века, оба балкона деревянные. Южный (угловой) охватывал надстройку с юга и частично — с запада. Западный, а точнее северо-западный, маленький балкон опирался на контрфорсы. Этот крайний северный участок надстройки неоднократно менял свою конфигурацию. Во время посещения О. Тэр-Абраамяна он размещался на среднем и восточном контрфорсах и имел открывавшийся на запад балкон. Сама же надстройка занимала площадь, строго равную площади двух залов трапезной. Юго-западное угловое помещение (привратническая) перекрывалось отдельной односкатной кровлей.

О. Тэр-Абраамян посетил Сурб Хач в связи с церковным праздником. Он и двое его друзей отправились в монастырь накануне вечером без проводника и долго блуждали в ночном лесу, пока нашли дорогу к монастырю. Их «приняли и устроили на верхнем этаже», когда остальные паломники уже спали. Только в комнате предводителя, расположенной «напротив монастыря [= церкви и гавита]», горела свеча. Причем на тот момент монастырь не имел настоятеля. Был только смотритель, который жил в «монашеских кельях, расположенных в малом дворике»². Отсутствие настоятеля в тот период подтверждает и журнал «Масеац Агавни» (Голубь Масиса)³. Надо полагать, той ночью в «комнате предводителя» находился начальник епархии архимандрит Г. Айвазовский, который также прибыл в Сурб Хач на празднование. При всем сказанном О. Тэр-Абраамян не указывает имя строителя надстройки. Некоторые данные о ее сооружении приводит Х. Степанэ: «Рядом с этой дверью [= входом в обитель] начинается каменная лестница, которая ведет на верхний этаж. Изначально существовала лишь

¹ Тэр-Абраамян О. История Крыма. — Ч. 2. — С. 155.

² Там же. — С.150–155.

³ «Масеац Агавни» (Голубь Масиса). — Феодосия, 1863. — С. 322.

южная надстройка с маленькими комнатками для паломников. Западная часть надстройки с настоятельскими покоем и балконом построена позднее, насколько слышал, трудами епископа Саргиса Тэр-Гаспаряна и епископа Григора Сагиняна¹. Думается, что южная надстройка — это верхний ярус здания келий, а западная — трапезной.

Сохранилось архивное свидетельство, которое, несмотря на несоответствие даты, возможно, имеет отношение к реконструкции надстройки. Так, согласно источнику, в январе 1870 года из-за снежных заносов обвалились крыша и стены трех комнат, находившихся «в западной части комплекса». Консistorией было дано распоряжение немедленно восстановить комнаты и крышу для сохранения нижнего этажа. Был приглашен инженер-капитан Черноморского флота М. С. Нич, который составил план и смету ремонта. Внушительную сумму на это предприятие пожертвовал архимандрит Саргис (видимо, Саргис Тэр-Гаспарян), в течение пяти лет являвшийся настоятелем монастыря². Внимания заслуживает беспокойство за сохранность первого этажа. Создается впечатление, что здесь уже был некий прецедент, когда ветхость надстройки приводила к разрушению нижнего яруса.

Заслуживает внимания и тот факт, что каменная лестница в атриуме когда-то вела не только в надстройку трапезной, но и на второй этаж здания келий через его деревянный балкон. Это явствует из описаний, приведенных в упомянутом документе 1784 года и статьях А. Якобсона и О. Халпахчьяна³. Строительно-архитектурных доказательств тому не сохранилось: участок был полностью обновлен⁴, поэтому приходится довольствоваться све-

¹ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 8–9.

² Армянские церкви Крыма / Каталог документов, экспонированных на выставке (Симферополь, 2012) Государственной архивной службой Украины, Национальным архивом Армении и Государственным архивом в Автономной Республике Крым. — Симферополь—Ереван, 2012. — С. 44.

³ Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. — С. 174; Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. — С. 13; Халпахчьян О. Х. Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму // Сурб-Хач. — № 2. — С. 15.

⁴ Петросян М. В. Монастырь Сурб Хач и его реставрация в 1992–2001 годах. — С. 32.

дениями очевидцев и акварельным изображением, выполненным известным феодосийским художником К. Ф. Богаевским в 30-х годах XX века. Но сказанное может быть отнесено лишь к позднему периоду, поскольку лестница в атриуме появилась гораздо позже обители — в связи с сооружением келий над трапезной. Кроме того, подобное изначальное решение было бы крайне неудобным и нелепым. Во-первых, быт жителей обители предполагал максимальное уединение, чему противоречил бы частый выход в атриум. Во-вторых, неужели малый дворик и два входа в него (из атриума и гавита) служили лишь обитателям первого яруса? Несомненно, изначальное на балкон второго яруса здания келий поднимались по каменной лестнице, устроенной в восточной части малого дворика. Фундаменты этой лестницы, равно как и следы некоего сооружения, находившегося под ней, были обнаружены археологами перед частичным восстановлением здания обители в 1978–1979 годах¹, а позднее и во время поновления малого дворика в 2001 году². Скорее всего, под лестницей располагался фонтан. Об этом свидетельствует линия водоотведения, которая тянется по всему малому дворiku и уходит под юго-западную угловую келью. Позднее ситуация по каким-то причинам изменилась, вследствие чего путь на второй этаж здания келий изменил свое направление, а фонтан в малом дворике был заменен другим — построенным в атриуме в 1836 году. Монашеской общины в то время уже не было, кельи второго яруса предоставлялись паломникам, и произошедшие изменения были допустимы.

Фотографии, сделанные в конце первой декады XX века, свидетельствуют о демонтаже верхнего яруса трапезной. Дореволюционные открытки, выпущенные несколькими годами позже, на этом месте уже демонстрируют новый добротный жилой корпус. Его широкий каменный балкон выдвинут вперед и располагается над привратницей и коридором. Описание новой надстройки сохранилось в акте 1925 года. Согласно ему, надстройка состояла из девяти отдельных комнат площадью

¹ Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. — С. 7–8.

² Петросян М. В. Монастырь Сурб Хач и его реставрация в 1992–2001 годах. — С. 40.

в 20 кв. аршин каждая. Они открывались на общий коридор. Здесь имелись также прихожая и два балкона¹.

Между описаниями Г. Спасского и О. Тэр-Абраамяна меняется и внутренняя ситуация в южном зале трапезной: О. Тэр-Абраамян и Х. Степанэ представляют залы трапезной в изначальных объемах, без каких-либо комнаток и келий внутри². В их описаниях на этом месте — кухня и трапезная, соответственно — северный и южный залы. Автор того же периода Хр. Кушнерян в 70-х годах XIX века по этому поводу пишет: «*Монастырская столовая и кухня весьма обширны, крепкой постройки и поддерживаются арками*»³. Видимо, перегородки и клетушки из южного зала трапезной убираются сразу после сооружения многокомнатной надстройки с угловым деревянным балконом. Но его трехнефная конструкция и сводчатое перекрытие, разрушенные, скорее всего, на рубеже XVIII—XIX веков, не приводятся в первоначальный вид. От первичной конструкции здесь остаются лишь южная колонна и увенчанный сводом южный неф, а над центральным и северным нефами в качестве перекрытия остаются два плинфовых колпака.

Небезынтересны сведения о материальном состоянии некогда престольной святыни. Согласно им, в 1855 году монастырю принадлежало 2411 десятин степной земли (стоимостью 4571 рубль), 1953 десятины и 1285 сажень лесной земли (стоимостью 27 909 рублей 72 копейки), два виноградных сада, оцененных в 4000 рублей. Капитал монастыря составлял 2956 рублей 78 копеек, а доходы — 971 рубль 93 копейки⁴. В 1915 году недвижимое имущество монастыря состояло из 1200 десятин леса, 15 десятин и 2065 сажень земли, двух виноградных садов в 5 десятин и 1286 сажень. Доходы монастыря составляли 4000 рублей⁵.

Из настоятелей, бывших в Сурб Хаче в XIX веке, А. Сурхатян упоминает вардапетов Арутюна Казаряна, Саргиса Тэр-Гаспаряна, Егишэ Амадуни, епископов Григора Сагиняна (епархиальный на-

¹ ГАРК. — Ф. Р-663. — Оп. 10. — Д. 41. — Л. 17.

² Тэр-Абраамян О. История Крыма. — Ч. 2. — С. 155; Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 9.

³ Армянские древности Таврического полуострова. — С. 449. Хр. Кушнерян порой вносил в перевод текстов М. Бжишкяна собственные наблюдения.

⁴ Армянские церкви Крыма. — С. 44–45.

⁵ Там же. — С. 45.

чальник в 1887–1896 годах) и Григора Агапиряна¹. Он пишет также, что в 1879 (?) году из-за начавшейся русско-турецкой войны консистория Нахиджевано-Бессарабской епархии была временно перенесена в Сурб Хач². Ясность в это спорное сведение вносит Х. Степанэ рассказом о том, что епархиальный начальник епископ Матэос (1843–1857 годы), будучи в Сурб Хаче, прятал под полом гавита ценные иконы³. Очевидно, событие восходит к началу Крымской войны (1853 год), охватившему действия в Нижнем Подунавье. Консистория тогда находилась в гуще событий — в Кишиневе, отчего и возникла необходимость искать временное убежище. Лишь в 1857 году, при правлении Г. Айвазовского, епархиальная администрация была перенесена в Феодосию, а затем — в Нор Нахиджеван.

Позже святыня опустела, оставшись на попечении единственного зрителя. Тишину нарушали шорох старых деревьев и журчание родников, «*безразличных к прошлому и нынешнему состоянию монастыря*»⁴.

Есть и другой список настоятелей, более полный: вардапеты Арутюн и Гхазар, Наапет Гхазарян, Гхевонд Давтян, Егише Мурадян, Саргис Тэр-Гаспарян, Исаак Тэр-Микаелян, архиепископ Григор Сагинян, Хорен Степанэ, Индзак Ягджян, Егише Тэр-Аветисян Амадуни⁵.

В 1887 году настоятелем монастыря Сурб Хач назначается вардапет Хорен Степанэ, который всеми силами старается сохранить и укрепить древнюю святыню, привлечь к ней внимание. Финансовые дела еще некоторое время продолжает вести житель Старого Крыма К. Бенклянц, что вызывает недовольство паствы. Он же распоряжается доходами от продажи леса и урожая виноградника в Судак⁶. Согласно архивным документам, монастырю Сурб Хач тогда принадлежало четыре десятины леса вокруг него, три десятины поливной земли и одна четвертая десятины фруктового сада⁷.

¹ Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 73–74.

² Там же.

³ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 18; Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года. — С. 287.

⁴ Кушнерян Хр. Путешествие из Феодосии в Нор-Нахиджеван. — С. 195.

⁵ Армянские церкви Крыма. — С. 45.

⁶ Петросян Гр. Письмо из Старого Крыма (на арм. яз.) // Մշակ (Mshak). — № 32. — Тифлис, 1890. — С. 2.

⁷ ГАРК. — Ф. Р-663. — Оп. 10. — Д. 41. — Л. 6.

Новый настоятель в первую очередь обращается в соответствующие организации с жалобой по поводу безжалостной вырубке леса, из-за чего ослабевали близлежащие к монастырю склоны, нарастала угроза образования селевых потоков и нарушалась деятельность монастырских родников-фонтанов⁸. Он добивается установления допустимой годовой нормы вырубки монастырского леса. С учетом крайнего разорения последнего в ближайшие два года категорически запрещается всякого рода добыча древесины на этой территории⁹.

Весной 1890 года все монастырские поместья возвращаются настоятелю, кроме земли в Перекопе, которой распоряжалось епархиальное начальство¹⁰. Вскоре на благотворительные средства госпожи М. Шаур и нескольких армян Х. Степанэ строит дорогу к Сурб Хачу¹¹. За счет пожертвований жителя Симферополя П. Топаяна, жителей Феодосии М. Чемперджи, К. Береберяна и М. Берберян он обновляет и обустроивает монастырские здания. Одновременно с этим Степанэ пишет: *«Но в обветшалом монастыре, когда приводилось в порядок одно место, рядом с ним обваливалось другое, и невозможно было оставить его разрушенным»*¹².

Следующим предприятием Х. Степанэ становится ремонт монастырской колокольни. Колокол в Сурб Хаче висел на западной стене гавита, укрытый небольшим двускатным козырьком. В него звонили, стоя на хорах в гавите¹³.

Давней мечтой настоятеля было также восстановление над куполом традиционного для армянских церквей пирамидального шатра. Об этом он пишет в 1891 году: *«Очень хотелось бы придать куполу традиционную армянскую форму»*¹⁴. В планы архимандрита входили также ремонт крыш и внешнее

⁸ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 30.

⁹ Там же. — С. 22–23, 27–30.

¹⁰ Там же. — С. 22.

¹¹ Там же. — С. 26. Литографию см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 43.

¹² Там же. — С. 27–28. Литографию о благодеянии перечисленных лиц см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 44.

¹³ Там же. — С. 17.

¹⁴ Там же. — С. 12.

оштукатуривание монастырских зданий, расчистка фонтанов и приобретение церковной утвари¹.

О замене полусферического шатра купола, видимо, установленного в российский период, отмечает И. К. Айвазовский в письме к католикосу Мкртычу Хримяну. Оно составлено им незадолго до смерти — 16-го февраля 1900 года. Вторично обратившись к владыке по поводу Хорена Степанэ, ставшего уже епископом, Айвазовский пишет, что этот трудолюбивый священнослужитель восстанавливал фонтан в монастыре Сурб Хач, сооружал новый церковный купол, приводил в порядок дорогу, здания, монастырские сады, укреплял основы родного языка и традиции национальной церкви среди крымских армян. В заключение он подытоживает, что жалко оставлять столь энергичного и преданного делу человека, который к тому же пожилой и нездоровый, в лесной глуши, тогда как он может быть более полезен своему народу в другом месте². И воистину, деятельность Х. Степанэ в Сурб Хаче ознаменовалась не только восстановительными и строительными работами, но и возрождением национальных традиций, возобновлением регулярного богослужения, организацией церковных праздников в дни Успения Богородицы и Святого Креста. Сохранилось описание празднования дня Успения Богородицы летом 1890 года: *«<...> благодаря досточтимому настоятелю Хорену вардапету, который <...> восстановив строения монастыря, подготовил для паломников 16 комнат со всеми удобствами, их численность в этом году была вдвое больше, нежели в предыдущие. Надо отметить, что здесь ночью ни одна семья не осталась без крыши над головой, как это обычно бывает в местах паломничества на Кавказе. <...> Досточтимый настоятель не только размещал их в комнатах, предоставлял им кровати, койки, умывальник, стол, стулья, но и бесплатно предлагал самовар со всеми принадлежностями и столовые приборы»*³. Паломники начали прибывать с вечера субботы. После вечерней литургии

¹ Армянские церкви Крыма. — С. 44.

² Айвазовский И. К. Письмо из Феодосии (на арм. яз.) // Մշակ (Мшак). — № 90. — Тифлис, 1900. — С. 3.

³ Монастырь Сурб Хач Крыма (на арм. яз.) // Նոր լից (Нор дар). — № 127. — Тифлис, 1890.

для них были организованы праздничная иллюминация и гуляния в монастырских садах и двориках. Утром к гостям, приехавшим издалека, присоединились те, кто проживал в окрестных городах и селах. После торжественной литургии были организованы трапеза и прогулки, в которых участие принимали все, независимо от социального и материального положения. Для мужчин праздничные столы были накрыты на недавно «обновленном балконе», между тем как их семьи устроились в ближайших садах. *«Во время обеда досточтимым настоятелем был поднят бокал за вечное процветание Святого Эчмиадзина. <...> Был предложен также тост в честь знаменитого живописца Ованэса Айвазовского, радостные поздравления по поводу чего были переданы его семье, обедавшей напротив монастыря, в лесу»¹.*

Праздник в монастыре Сурб Хач. Конец первой декады XX века.

С целью поддержания жизни в монастыре Сурб Хач и создания необходимых условий для посещавших его прихожан, паломников и гостей, настоятель монастыря архимандрит Наапет в 1903 году обратился к армянам Санкт-Петербурга и в епархиальную консисторию с просьбой выделить деньги на

¹ Там же.

Дореволюционная открытка с изображением монастыря Сурб Хач.

строительство заезжего дома¹. Каков был ответ, неизвестно, но есть сведение, что последний был построен несколько позже, в 1906 году. Возведенный уже при следующем настоятеле, вардапете Егише Мурадяне, он располагался в нескольких метрах от двухэтажного здания келий². Иллюстративный материал соответствует этой информации. На рисунке Н. И. Калинина от 1885 года заезжий дом не вошел в общую композицию, потому что еще не был построен. А вот на фотографии, запечатлевшей праздник в Сурб Хаче в период реконструкции надстройки трапезной, он уже есть: фото сделано после 1900 года, поскольку на нем виден новый купол. В архивных документах 20-х годов XX века говорится, что дом этот стоял «в трех сажнях от монастыря» и состоял «из восьми комнат с отдельным входом каждая, с деревянными полами и террасой на всю длину здания»³. Но этой последней по времени монастырской постройке не суждено было существовать долго: она была до основания разрушена в годы Второй Мировой войны. В 1976 году на ее месте построено новое гостиничное здание, по внешнему облику приближенное к утраченному. Важно отметить, что до строительства заезжего дома гости монастыря останавливались в «покоях для богомольцев», устроенных в 1884 году⁴, а еще раньше, очевидно, в постройке, расположенной по дороге, в 80 метрах от трапезной. Здесь были открыты остатки каменного строения: белый песчаный пол, каменная база с отверстием посередине, отрезок водопровода с маленьким бассейном, обломки черепицы и керамической посуды⁵.

Строительство заезжего дома в 1906 году, а вскоре за этим и реконструкция второго яруса трапезной говорят об активизации жизни в монастыре на рубеже первых двух декад XX века. Новая надстройка, скорее всего, появилась после того как в 1912 году попечитель армянских церквей князь Абамелик-Лазарев подал

¹ Армянские церкви Крыма. — С. 46–47.

² **Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М.** Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. — С. 16.

³ ГАРК. — Ф. Р-663. — Оп. 10. — Д. 41. — Л. 17.

⁴ Армянские церкви Крыма. — С. 45.

⁵ **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. — С. 28–29.

ходатайство Санкт-Петербургскому совету церкви об оказании помощи монастырю Сурб Хач⁶. Настоятелем в тот период являлся вардапет Индзак⁷, правивший до 1916 года⁸. После его смерти, в апреле 1917 года, новым настоятелем был назначен иеромонах Гхевонд⁹. В ноябре 1918 года, уже в совершенно другой политической обстановке, Нахиджевано-Бессарабской консистории и католикосу всех армян было предложено составить «положение церкви св. Креста»¹⁰.

Сохранились редкие документы периода первой Армянской республики (1918–1920 годы) и Гражданской войны в России, относящиеся к монастырю Сурб Хач. Так, осенью 1920 года бывший исполняющий обязанности консула Республики Армения в Таврической губернии капитан Багрян сообщает в Ереван, что армянский монастырь Сурб Хач в Крыму владеет огромным богатством, в частности лесом, который уже три года не имеет хозяина: «Достаточно отметить, что прошлой зимой правительство Деникина из лесов Сурб Хача только древесины для топки экспортировало на несколько десятков миллионов. А в этом году, еще в летние месяцы, пуд древесины на местные деньги стоил от 600 до 800 рублей. Это еще не считая земель для возделывания, дач, садов, которые используются неизвестно кем. <...> Я специально навел справки и выяснил, что правит этим именем комитет, состоящий из старокрымского священника, одного лавочника, одного егеря, одного учителя и одного садовника, которые ежегодно сами себя избирают»¹¹. Посыл письма был в том, чтобы собственность монастыря смогла использоваться нуждающейся Армянской республикой.

⁶ Армянские церкви Крыма. — С. 43.

⁷ Родился в 1876 году в Александрополе (ныне г. Гюмри в Армении; название «Александрополь» было дано в честь Святой Александры и императрицы Александры Федоровны — супруги Николая I).

⁸ Арарат. — 1916. — С. 348.

⁹ Арарат. — 1917. — С. 409.

¹⁰ Армянские церкви Крыма. — С. 48.

¹¹ Национальный архив Армении. — Ф. 200. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 48. Выражаем признательность доктору исторических наук, профессору Ереванского государственного университета Г. Петросяну, любезно предоставившему этот материал.

Правительство отреагировало обращением в Эчмиадзин к католикусу¹. Из канцелярии последнего ответили, что обратятся в консисторию в Нор Нахиджеван с требованием прекратить грабеж монастырского леса и привести в порядок управление его хозяйством².

В 1925 году, вскоре после установления советской власти, постановлением Президиума ЦИК Крымской АССР монастырь Сурб Хач был ликвидирован³. В своем секретном обращении к Феодосийскому исполкому ЦАУ Крыма предписывало «*во избежание расхищения стройматериала*» обсудить вопрос о возможном сносе построек монастыря, находящегося в разрушенном состоянии, и реализации полученного стройматериала⁴. Ответ, также засекреченный, был отрицательным. Свое несогласие местные власти аргументировали тем, что монастырь представлял историческую ценность, был частично обновлен, состоял в ведении КрымОХРИСа и имел сторожа⁵. Сурб Хач был спасен. Ему повезло и в дальнейшем: находясь вдали от общественного внимания, этот выдающийся памятник истории и архитектуры пережил периоды коммунистического вандализма и уцелел, в отличие от многих армянских культовых древностей Крыма.

Архивные документы 20-х годов XX века сообщают также, что все церковные ценности, кроме маленького креста и митры, хранящихся в старокрымской армянской церкви Святой Богородицы (взорвана в 60-х годах XX века), были похищены⁶. О том, что это были за ценности, можно судить по опубликованному Х. Степанэ списку предметов церковной утвари монастыря Сурб Хач, в который включены около пятнадцати изделий из серебра и меди, изображения, книги. Большая часть предметов была изготовлена в XVII–XIX веках и имела надписи на армянском языке⁷.

¹ Там же. — Л. 47.

² Там же. — Л. 53.

³ ГАРК. — Ф. Р-663. — Оп. 10. — Д. 41. — Л. 26.

⁴ Там же. — Л. 31, 32.

⁵ Там же. — Л. 32.

⁶ Там же. — Л. 10.

⁷ **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 14–18. См. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 60–73.

АРХИТЕКТУРА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Основные монастырские сооружения

Центральной постройкой монастырского комплекса Сурб Хач как по предназначению, так и по архитектурной значимости является храм Сурб Ншан (Святого Знамения). Это прямоугольное снаружи и крестовое изнутри сооружение с массивным куполом над средокрестием и ориентированной на восток алтарной апсидой. В четырех внутренних углах расположены небольшие поме-

Восточная часть интерьера церкви с росписью в конхе апсиды. Фото 70-х годов XX века.

щения, которые, однако, не являются приделами в классическом понимании, поскольку недостаточно изолированы и составляют органичную часть внутреннего пространства (см. план во Введении). Все четыре в плане прямоугольны, а на восточной стороне имеют форму полукружия, наподобие апсид. Западные из этих помещений связаны с молитвенным залом широкими боковыми проемами стрельчатого контура. Восточные, по обе стороны алтарной апсиды, более обособленны. С основным залом они сообщаются при помощи обращенных в его сторону узких высоких проемов стрельчатого контура. В результате этого восточная часть интерьера приобретает характерную для многих армянских церквей Крыма трехапсидную композицию: центральное место занимает алтарная апсида, а по обе стороны ее располагаются боковые апсиды меньших размеров. Дверные проемы (заполнение отсутствует) в межапсидных пилонах обеспечивают сообщение между центральной и боковыми апсидами. Высота алтарного возвышения составляет 85–90 см, что соответствует канонам армянского церковного строительства. Алтарная преграда некогда замыкалась профилированным карнизом, от которого ныне сохранилось несколько блоков. На уровень алтарного возвышения подняты и полы восточных боковых апсид, в связи с чем к ним пристроены ступени, спускающиеся в зал. Именно наличие четырех угловых апсидоподобных помещений, наряду с алтарной апсидой, и позволило автору приведенного выше описания 1368 года представить монастырскую церковь как сооружение «с пятью хоранами». Есть и другие сходства с этим описанием, позволяющие заключить, что церковь не подвергалась конструктивным изменениям за прошедшие шесть с половиной столетий. Так, здание ее выстроено из бутовых камней песчаника. Исключение составляют украшенный резьбой двенадцатигранный купол, арочно-сводчатые конструкции (устои, пилястры, подпружные арки, нервюры, своды), а также оконные и дверные обрамления, которые выполнены из тесаных блоков известняка. Напомним, что эта особенность подчеркнута отмечена автором записи 1368 года: «храм дивный, нарядный, арочный, с куполом из тесаных камней».

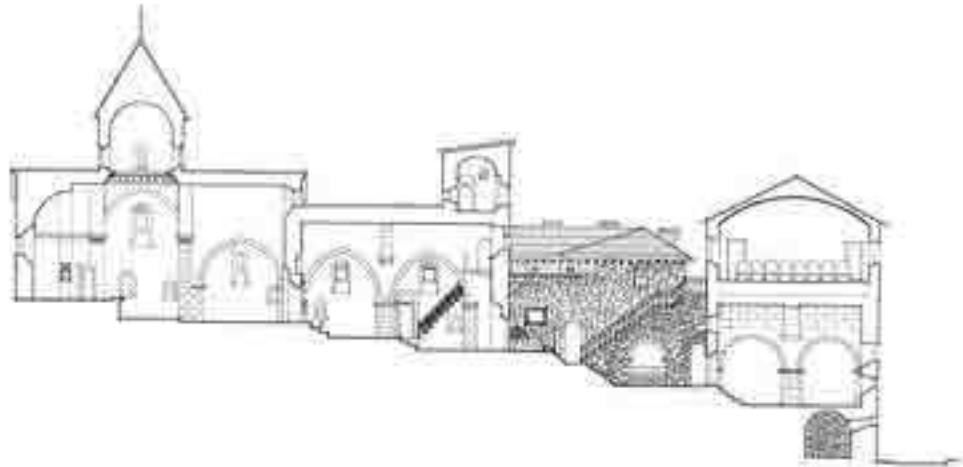
Формирование описанной строительной техники с возведением самого здания из бута, а конструктивно ответственных

Интерьер церкви Сурб Ншан (Святого Знамения).
Вид на запад. Фото 1993 года.

частей и составляющих декора — из тесных блоков обусловлено дефицитом твердых, поддающихся обработке пород. Она характерна не только для церкви и ряда других сооружений монастыря Сурб Хач (гавит, трапезная), но и для крымской средневековой строительной традиции в целом. Основная бутовая кладка была двухлицевой с внутренней забутовкой,

Монастырь Сурб Хач. Продольный разрез (авт. — М. В. Петросян).

закрепленной известняковым раствором. Иногда в бутовый панцирь горизонтально прокладывались сухие деревянные брусья для повышения упругости и сейсмоустойчивости. Подобное явление в Сурб Хаче наблюдается в здании келий (местами восстановлено), трапезной (западный фасад) и примыкающей к ней привратницкой. Стены изнутри покрывались штукатуркой, что не только делало интерьер эстетически привлекательным и позволяло применять расписной декор, но и предохраняло здание от быстрого разрушения. Согласно фотоматериалу конца XIX века, штукатуркой покрывались и наружные поверхности монастырских стен, что предотвращало выветривание раствора из внешних швов кладки. Защищенная штукатуркой, она не требовала постоянного и тщательного ухода, поэтому священнослужители в стремлении облегчить себе задачу порой покрывали раствором даже тесные

поверхности в интерьере вместе с литографиями и крестовыми композициями на них¹.

Несмотря на ярко выраженную крестово-купольную конструкцию, церковь Сурб Ншан наделена также чертами, характерными для трехнефных купольных залов². Они четко продемонстрированы в организации ее восточной и западной частей. Все три нефа ориентированы в направлении восток-запад и перекрыты стрельчатыми сводами на нервюрах. Центральный из них, как и полагается, выше и шире боковых. Он образует вертикальные крылья плано-пространственного креста. Объемы более низких и узких боковых нефов отведены устройству угловых помещений. Во внешнем облике восточного и западного фасадов трехнефное строение никак не выражено: они не расчленены и завершаются щипцами. Транsept, расположенный между длинной западной и более короткой восточной составляющими здания, не выступает из его прямоугольного объема. Он образует горизонтальные крылья плано-пространственного креста и внешне проявляется лишь своими щипцовыми «гребешками» вверху северного и южного фасадов.

Синтез этих двух типов, являющий собой переходное звено от купольного зала к крестово-купольной конструкции, — не редкость для армянского средневекового зодчества. Композиционно-планировочные решения церкви Святого Знамени находят свои аналоги среди памятников Армении X—XIII веков, в частности в церквях монастырей Себастии, Санаина, Хоракерта, Сагмосаванка. Во всех этих зданиях, в том числе и в церкви Святого Знамени монастыря Сурб Хач, по возможности сохранены целостность и величие внутреннего пространства. Желаемый эффект достигнут за счет того, что устои, несущие массивный купол, максимально отодвинуты. На востоке они выступают в составе межаркадных пилонов, в виде их продолжения, а на западе либо стоят свободно, либо скрыты в простенках, отделяющих западные угловые помещения от общего зала. Церковь монастыря Сурб

¹ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 11.

² Таманян Ю. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 59–64; Халпахчян О. Х. Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму // Сурб-Хач. — №1. — 1996. — С. 10.

Церковь до восстановления. Фото 1992 года.

Хач относится ко второму типу и воспроизводит распространенный в армянском зодчестве XIII–XIV веков тип купольных строений, в которых западные устои соединены с южной и северной стенами с помощью простенков¹. Есть мнение, что благодаря этому повышена сейсмоустойчивость здания, «поскольку свободно стоящие устои, будучи слитыми со стенами приделов», обладают большей прочностью².

Снаружи здание церкви представляет собой целостное прямоугольное строение из бутового камня. В нем проявляется характерная черта средневековых армянских культовых построек среднего и позднего периодов: центральная апсида взята в общий прямоугольник и не выступает снаружи, как в других армянских церквях полуострова. Мало того, внешний облик сооружения никоим образом не выявляет его внутренней крестовой конструкции. Исключение составляет лишь крестовая кровля с двускатными

¹ Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. — С. 23.

² Пипоян Л. Архитектура монастыря Сурб Хач в Старом Крыму. — С. 52.

Портал церкви.

крылами, удлиненная в направлении восток-запад. Ее восточный отрезок охватывает центральную и боковые апсиды, западный — западную ветвь плано-пространственного креста вместе с угловыми помещениями, а северный и южный — рукава транспта. Над квадратом, образовавшимся на пересечении направлений восток-запад и север-юг, восседает двенадцатигранный барабан. Сложенный из гладко тесанных плит и украшенный резьбой, он определенно «контрастирует» с корпусом здания. На каждой грани имеется по двойной (одна в другой) филенке с арочным верхом. Арки внешних филенок окаймлены узким жгутом-валиком, опирающимся на тонкие полуколонки на стыке граней. Образовав узелки на пике арок, жгут-валик переходит в пояс, обегаящий барабан по периметру. На восточной, западной, северной и южной гранях внутри филенок открыты узкие арочные окна¹. Над поясом идет полоса с надписью 1358 года. Внешнее убранство церкви завершают два хачкара, вставленные в восточный и западный щипцы, над окнами, а также карнизы из тесаных профилированных блоков, венчающие корпус и купол здания.

Фрагмент портала церкви. Современный вид.

¹ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. — С. 177; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. — С. 15.

В церковь попадают из гавита, по единственному входу в центре западной стены. И поскольку церковь и гавит расположены на уклонной местности и пол гавита ниже пола церкви на 70 сантиметров, перед входом установлены каменные ступени. Помимо последних, парадность вхождения в церковь подчеркивает резной портал, композиционную канву которого составляет высокая стрельчатая арка с широкой профилировкой поверхности. Входной проем, увенчанный пологой аркой из пяти сегментных блоков, заключен в прямоугольное профилированное обрамление. По сторонам его «поставлены тонкие полуколонки с двухъярусными капителями, украшенными сплетенными лилиями»¹. Ныне верхний ярус капителей угадывается лишь по узорчатой резьбе на идущих вглубь боковых поверхностях. С лицевой же стороны они подтесаны и идут вровень с поверхностью кладки.

Подкуполье церкви Сурб Ншан (Святого Знамения).

Над входным проемом есть глубокая ниша со стрельчатым верхом и росписью внутри, изображающей Богородицу с младенцем.

¹ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. — С. 177–179; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. — С. 16–17.

Сверху нишу огибает рельефная стрельчатая бровка в виде двух крупных витых полуваляков. Внешне его окаймляет тонкая лента висячей «волны». Крайние звенья бровки заполнены акантами. Чередующие их круглые и прямоугольные звенья изнутри обведены жгутом. Пяты бровки опираются на импосты, украшенные плетением (сверху и снизу) и двойными рельефными лилиями.

На фронте портальной арки, сразу над пиком бровки, помещен увенчанный пальметтой рельефный медальон, на котором вытесан Святой Агнец с лабарумом. Изображенная в профиль фигура Агнца обращена влево (на север), а головка повернута назад — в сторону креста и хоругви. Внутреннее поле покрыто тонкими растительными побегами. По обе стороны медальона выступают две полушишки, украшенные мелким плетением.

Мотивы этого портала, ставшие привычными для христианского и мусульманского зодчества Крыма XIV—XV веков, «непосредственно связаны с сельджукской архитектурой Малой Азии XIII—XIV веков, в основе которой, как можно утверждать, лежит именно армянское искусство»¹.

Интерьер церкви оформлен скромно. Конха центральной апсиды снизу ограничена узким профилем, который в центре обводит арку оконного проема. Перемещаясь на устои, поддерживающие купол, профиль становится составной частью декора капителей, по низу украшенных чередой мелких изящных сталактитов. Основание купола, или подкупольное кольцо, украшено профилированным поясом с чередой висячих арок. Что касается самого купола, то переход к нему осуществлен парусной передачей. Барабан, который снаружи состоит из двенадцати граней, изнутри имеет цилиндрическую форму и завершается полусферой. В центре купольного потолка — рельефный медальон со Святым Агнцем. Окруженная нимбом головка Агнца обращена назад — в сторону креста и хоругви на древке. Согнутой передней (правой) ножкой он поддерживает древко.

На бутовой кладке северной стены, ближе к алтарю, выделяется крупная прямоугольная вставка из тесаных плит. Она оттеняет крещальню, украшенную нарядной резьбой. На лобовой полосе вставки, занимающей ее верхнюю четверть, помещены три

¹ Орбели И. А. Проблема сельджукского искусства // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии: Доклады. — Л., 1939. — С. 150—154.

Крестильная купель в северной стене церкви.

одинаковых рельефных медальона: центральный — целый, боковые — половинки. Медальоны по конфигурации аналогичны тем, которые украшают порталную арку и конху алтаря: так же увенчаны пальметтами и внутри украшены растительными мотивами. Внутреннее поле центрального медальона крещальни разрушено. Вверху заметен некий элемент, похожий на голубиный хвост. Возможно, что это остатки символического изображения Святого духа в виде голубя. Как по наличию этого элемента, так и в целом по концепции композиции купель церкви Святого Знамени напоминает купель преклонившегося армянского храма Святого Спасителя в нескольких километрах от Сурб Хача — вблизи села Богатое.

Остальные три четверти вставки акцентированы прямоугольной профилированной рамой, внутри которой размещена ниша святой купели. Нижнюю часть ее занимает крестильная раковина из цельного камня, верхнюю — сталактитовый полконус, или мукарнас. Водосток, спускаясь от раковины, соединяется с водоотводящей системой, устроенной снаружи, вдоль северной стены.

Центральный медальон над крестильной купелью.

Медальон с изображением Святого Агнца в конхе апсиды.

Интерьер церкви освещается как сверху, при помощи четырех арочных окон на куполе, так и из боковых источников. Окна в центре южной и северной стен снаружи прямоугольные, а изнутри арочные. На фасадах они отмечены широкими прямоугольными наличниками из профилированного известняка. Узкие арочные отверстия на этих же стенах, расположенные западнее и ниже, открываются на угловые помещения. Одиночные окна на центральной и боковых апсидах арочные, но их внешнее обрамление, также широкое и профилированное, имеет прямоугольный контур. Откосы всех перечисленных окон в интерьере расширяются под углом. На западной стене имеется три прямоугольных окна: два расположены по сторонам входа и открываются в гавит, а третье — в щипце и обращено на крышу. Все три снаружи обрамлены профилированными наличниками.

На разных участках в церкви находим надписи-граффити XV—XVIII веков, имеющие важное источниковое значение¹. Кое-где сохранились и следы живописи. Наиболее значимой была роспись на конхе алтарной апсиды, представлявшая композицию «Деисус» (Моление). Ныне она полностью утрачена. В поле росписи находится третий по счету резной медальон со Святым Агнцем внутри. Он вставлен в конху над бровкой единственного центрального окна. Изображенная в профиль фигура Агнца обращена влево (на север). Головка повернута назад — в сторону креста и хоругви на едином древке. Согнутой передней (правой) ножкой он поддерживает древко.

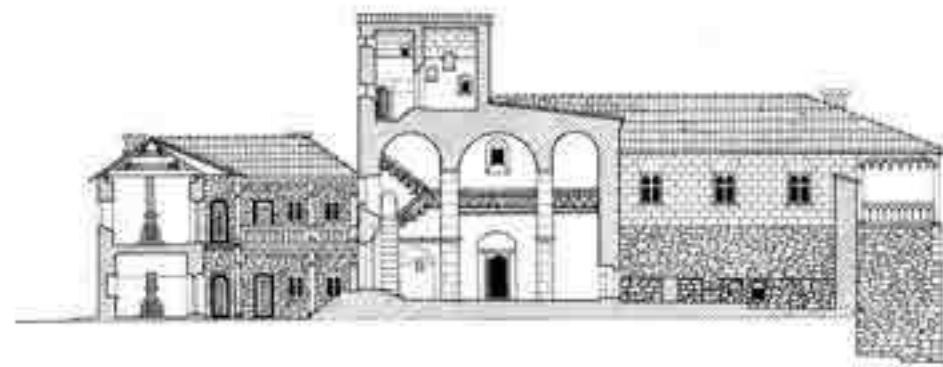
Небольшая каменная лестница в парадном дворике (атриуме) ведет к скромно оформленному portalу, и перед посетителем открывается просторное помещение трехнефного гавита, пристроенного к церкви с запада. Он возведен сразу после церкви — в последней четверти XIV века, о чем свидетельствуют сохранившиеся внутри литографии 1401 и 1406 годов. Гавит — прямоугольное снаружи и изнутри здание, взятое под двускатную кровлю. Две четырехгранных колонны, свободно стоящие в центральной части интерьера, делят внутреннее пространство на три нефа (ориентация — восток-запад), каждый из которых перекрыт сводом слегка стрельчатого контура. Строительная техника та же: само здание выполнено из бута-песчаника, а

¹ Петросян М., Саргсян Т. Сурб Хач. — С. 94–103.

Интерьер гавита (притвора).

элементы конструкции и декора — из тесаного известняка. Интерьер гавита освещается тремя окнами, которые снаружи акцентированы прямоугольными профилированными обрамлениями. Два из окон открыты в южной стене, одно — в западной. Все три в интерьере имеют арочную форму и расширяющиеся под углом откосы. Пол гавита, так же как и церкви, покрыт каменными плитами. Среди них встречаются и прямоугольные надгробия — явление традиционное для армянских средневековых церквей и монастырей. Некоторые из этих надгробий по горизонтальной поверхности украшены резными орнаментами и незамысловатыми изображениями священнических жезлов, что свидетельствует о погребенных здесь именитых монахах.

М 1:100

Монастырь Сурб Хач. Поперечный разрез
(авт. реконструкции — М. В. Петросян).

Узкая каменная лестница в юго-западном углу гавита ведет наверх, по пути разделяясь на несколько рукавов. Нижний открывается на хоры, следы от которых сохранились на западной стене. Это отверстия для фиксации несущих деревянных брусьев. Средний рукав ведет на крышу, а верхний поднимается в дозорную башню, возвышающуюся над юго-западным углом гавита. Прямоугольная в плане башня перекрыта односкатной крышей. Внутри находится одна маленькая комнатка (260 x 260 см) со сводчатым перекрытием и оконцами в западной, восточной и

южной стенах. Согласно старым изображениям, окно существовало и в северной стене, но позднее по каким-то причинам было заложено. Башня, несомненно, выполняла дозорную функцию и служила наблюдательным пунктом, поэтому логично предположить изначальное наличие окон на каждой из ее стен. На защитно-предупреждающее назначение этого сооружения указывают как сами оконные проемы, напоминающие отверстия бойниц, так и господствующее над местностью положение: отсюда хорошо видны окрестности, вплоть до простирающейся внизу долины.

В корпусе башни имеются и другие окна, расположенные ниже и открывающиеся на лестничную клетку. Все они снаружи обрамлены прямоугольными тесаными наличниками, которые в ряде случаев профилированы. Низкий дверной проем на восточной грани, обеспечивающий выход на крышу, увенчан пологой аркой. И арка, и обрамление проема выполнены из тесаного камня, но лишены декора.

На западном фасаде дозорной башни сохранился кронштейн, на котором висит колокол, укрытый двускатным козырьком. Подобное совмещение гавита, дозорной башни и колокольни — уникальное явление в армянской архитектуре, скомпонован-

Гавит (притвор) в 80-х годах XX века.

ное спецификой времени и места. Оно во многом воспроизводит строительные настроения гегуэзских укрепительных сооружений в Крыму, «тем самым приближая облик монастыря к облику крепости и отдавая дань местным культурным традициям»¹.

В гавит ведут два входа — западный и южный. Выделяющие их скромные прямоугольные порталы выполнены из тесаного камня и обведены профилем. Главный, западный вход расположен по продольной оси здания и обращен в сторону высокой паперти. Южный — открывается на дворик обители и, будучи значительно выше его поверхности, имеет перед собой каменные ступени. Еще один низенький проход, открытый в северной стене гавита, ведет к участку, зажатому в северо-восточном углу крепостной стены. Здесь сохранились остатки нескольких маленьких прямоугольных в плане комнатшек высотой в 80–120 сантиметров. Однако на стене самого гавита, на большой высоте, видны следы бывшего на этом месте более древнего сооружения, по всей видимости современного гавиту: основание арки с импостом и закопченный контур полуциркульного свода. Не исключено, что эта постройка служила как գրատուն (gratun). Последний, подразумевавший и книгохранилище, и скрипторий, по армянской средневековой традиции размещался рядом с церковью или гавитом на видном месте. Гратун занимал особое положение в средневековых армянских монастырях, поскольку обучение, так же как и собирание и создание рукописных книг, считались их важными задачами. Эта неотъемлемая составляющая выдающихся армянских духовных центров достигла своей функциональной и архитектурно-художественной вершины в XI–XIII веках, и, надо полагать, престольный монастырь Сурб Хач не мог обойтись без нее. Выделение здесь специального помещения под гратун более чем вероятно, поскольку в монастыре преподавали люди, знавшие цену знаниям. Они не только обновляли старые манускрипты, но и сами являлись переписчиками новых.

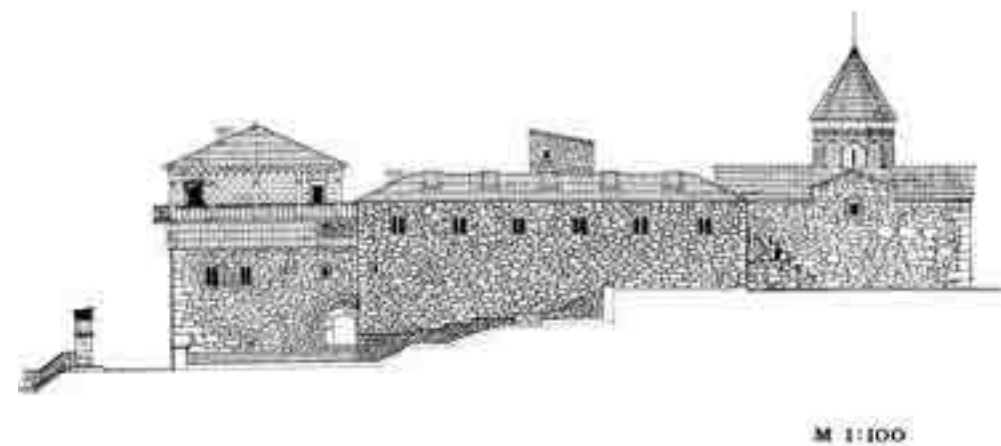
Если предположить, что сохранившиеся следы на северной стене гавита относительно полно отражают некогда имевшуюся

¹ Пипоян Л. Архитектура монастыря Сурб Хач в Старом Крыму. — С. 53.

Южный вход в гавит (из обители).

здесь конструкцию, то можно заключить, что она представляла собой неф, который тянулся с юга на север и перекрывался полуцилиндрическим сводом. Последний держался на подпружной арке или аркаде, также идущей с юга на север. Эта конструкция могла быть как самостоятельным сооружением, так и частью более сложного здания. Во втором случае можно предположить, что вход в него находился у северо-западного угла

Монастырь Сурб Хач. Вид с юга (авт. реконструкции – М. В. Петросян).

гавита, где сохранились ступень, ведущая вниз, и стоящий вплотную к северо-западному углу гавита обтесанный боковой блок с явными следами арочного изгиба. Как бы то ни было, продольная ось этой конструкции, в противоположность церкви и гавиту, имела направленность юг-север.

Из-за наклонного рельефа местности монастырский комплекс имеет ступенчатое расположение. Описанные выше два сооружения, церковь Сурб Ншан и гавит с папертью, занимают восточную часть монастыря и располагаются значительно выше остальных зданий. Для упрочения этого уровня паперть и участок, лежащий севернее гавита, поддерживаются мощной длинной кrepidой. Каменные ступени, пристроенные к ней, спускаются в парадный двор – атриум. Последний расположен западнее гавита и отделяет его от трапезной, занимающей почти все

западное крыло монастыря. С севера атриум ограничивается высокой глухой крепостной стеной, на которой заметен арочный проем маленького входа в монастырь¹, а с юга — более низким каменным ограждением, отделяющим его от дворика обители. На территории атриума когда-то существовали сооружения, которые впоследствии, в ходе многократных перестроек монастыря, были демонтированы. О них сегодня можно судить по результатам археологических исследований².

Трапезная монастыря Сурб Хач расположена на крутом склоне, из-за чего со стороны атриума выступает одноярусным строением, а снаружи, или с запада, двухъярусным, если не считать надстройку, появившуюся позднее. Делится трапезная

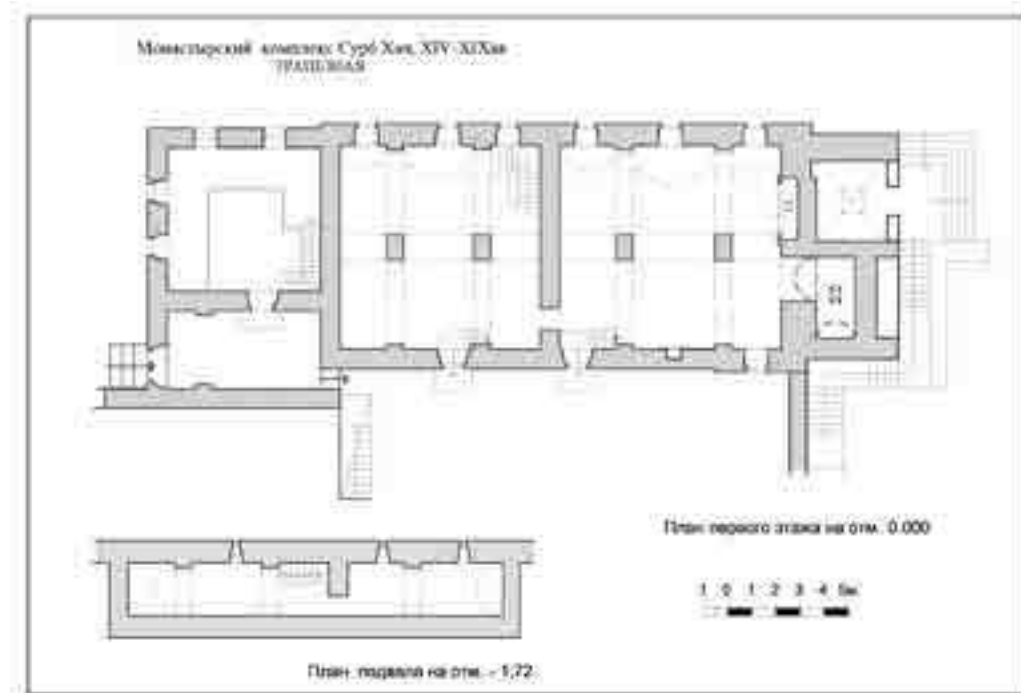
Фрагмент входного проема в южный зал трапезной.

на два зала, которые сообщаются между собой проходом, открытым в восточном углу разделяющей их стены. Каждый из залов имеет отдельный вход из атриума, открытый в восточной массивной стене. Входные проемы оформлены скромно, аналогично проемам западного и южного входов в гавит и входа в церковь. Все они по внутреннему периметру обведены тесаными

¹ По свидетельству Хорена Степанэ, северный вход в монастырь был открыт позднее, по всей видимости в XIX веке (см.: Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 8).

² См.: Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. — С. 95–98.

блоками и увенчаны пологими арками. Последние, в отличие от описанных, состоят из трех клинообразных блоков, держащихся без связующего раствора. Центральный замковый блок с обеих сторон имеет полукруглые выступы, которые входят в изгибы боковых блоков. Те, в свою очередь, имеют такие же выступы с противоположной стороны, которые входят в изгибы угловых сегментов. Получается прочная и вместе с тем нарядная конструкция. Замыкающая тесаная рама здесь отсутствует.

План трапезной (авт. — М. В. Петросян).

Залы трапезной возведены по одинаковой модели и напоминают строение гавита. Каждый из них в плане имеет прямоугольную конфигурацию и двумя колоннами в центре интерьера делится на три нефа, направленных с востока на запад. Причем центральные нефы несколько выше и шире боковых. Подпружные арки, перекинутые на колонны и пилястры, поддерживают сводчатые перекрытия нефов, местами усиленные нервюрами. Какой изначально была кровля трапезной, неизвестно. Залы ее

могли быть взяты как под единую (в том числе ровную) конструкцию, так и отдельные. Впоследствии, очевидно во второй половине XVIII века, эта кровля была демонтирована и над трапезной появился верхний этаж, который многократно перестраивался и обновлялся. Есть глубокое заблуждение, якобы изначально залы трапезной монастыря Сурб Хач не были отдельными, а представляли единый объем «с четырьмя колоннами в интерьере»¹. Это утверждение настолько безосновательно, что даже не нуждается в рассмотрении.

Освещаются залы трапезной обращенными на запад широкими окнами, а также маленькими оконцами восточной и западной стен. В северо-западном углу южного зала (8,6 x 8,3 м) находится лестничный спуск, ведущий в подвальный этаж — удлиненное, похожее на тоннель помещение с полуцилиндрическим сводом, тянущееся под западными половинами обоих залов. Вентилируется подвальный этаж с помощью щелевидных, незаметных снаружи окошек, напоминающих бойницы. Они прорезываются на высоте 2–2,5 метров от основания массивной западной стены трапезной, являющейся частью внешнего оборонительного панциря монастыря. Подвальный этаж, который, несомненно, в свое время служил погребом, фактически формирует располагающийся только в западной части здания цокольный этаж, который на фасаде отделен от основного яруса узким поясом плоской плинфовой кладки в несколько рядов. Такие же плинфовые пояса, скрывающие за собой заложенные в стену деревянные брусья, видны на этом фасаде и в других уровнях кладки.

Касаясь внешнего вида здания трапезной, следует отметить, что с наружной стороны наиболее высоко выступает его северо-западный угол, поддерживаемый с севера тремя мощными контрфорсами. Когда-то все три имели одинаковую высоту и несли на себе северную оконечность надстройки, в которую входили помещение и деревянный балкон. Расположение

¹ **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. — С. 26; **Пипоян Л.** Архитектура монастыря Сурб Хач в Старом Крыму. — С. 50.

Северная стена трапезной с разрушенными контрфорсами. Фото 1992 года.

последних менялось: в течение почти всего XIX века балкон находился с запада, а к концу столетия был перемещен на восток и остеклен.

Северный зал трапезной более известен как кухня. Здесь перед взором в первую очередь предстает устроенный в северной стене большой камин с пирамидальным дымовым колпаком и полукруглой топочной аркой, окаймленной по ободу скромным архивольтом. Рядом, справа от камина, на высоте 120 сантиметров от пола есть арочное отверстие, через которое видно маленькое помещение. Вход в него не выявлен. Внутри обнаружены следы вделанных в пол двух тони́ров (или же тандыров) для выпечки хлеба и приготовления пищи. Судя по кладке, стыковке

Камин в северном зале трапезной.
Фото 1992 года.

Печь в северном зале трапезной.
Фото 2008 года.

и швам, это помещение, выступающее из прямоугольного объема зала и заполняющее часть пространства между средним и восточным контрфорсами, выстроено явно позже. Его пол на 100–120 сантиметров выше пола северного зала. На нулевой уровень последнего спущены донья тони́ров.

Трапезная монастыря Сурб Хач расположена значительно ниже остальных сооружений. Разница между нулевой отметкой ее пола и пола молитвенного зала церкви составляет около четырех метров, а с учетом подвала превышает шесть метров. Время строительства трапезной является предметом научного спора. О. Халпахчян считал ее постройкой XIV–XV веков, хотя ориентировался не тем источником¹. Указанному периоду, собственно, соответствуют как использованная конструкция, так и детали оформления, повторяющие аналогичные элементы церкви и гавита. Сходство выявляется и в форме арок, и в трехнефности залов, и в декоре входных проемов. Да и средства, потраченные на возведение этого сооружения, его мощь и величие, свидетельствуют о благосостоянии и социальной самодостаточности ктиторов и строителей. А соответствовала этим условиям именно историческая ситуация XIV – середины XV веков. Такого же мнения о датировке трапезной придерживаются Ф. Бабаян и Э. Корхмазян². Другие же исследователи относят ее возведение к XVI–XVIII векам³. Если руководствоваться вторым мнением, то предшественницу сегодняшней трапезной (монастырь, действовавший по крайней мере с середины XIV века, не мог функционировать без трапезной) следует искать в одном или нескольких из помещений, остатки которых обнаружены археологами на территории атриума. По традиции армянского монастырского зодчества трапезные имели видное месторасположение, однако находились в стороне от основных культовых построек⁴.

¹ Халпахчян О. Х. Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму // Сурб-Хач. — № 2. — 1996. — С. 11. Автор берет за основу армянскую памятную запись 1375 года. На самом деле этот колофон не имеет отношения к монастырю Сурб Хач. В нем говорится о построении трапезной к сентябрьскому празднику Сурб Хача (Воздвижения Святого Креста). Причем речь идет о построении трапезной в армяно-католическом монастыре Святого Николаеса в Кафе (Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. — С. 38, 83).

² Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М. Армянские монастыри Сурб Хач и св. Степаноса близ города Старый Крым. — С. 35.

³ См.: Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. — С. 92–94.

⁴ Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. — М., 1971. — С. 155.

Трапезная и привратническая. Вид с юго-запада. Фото 1993 года.

В южной части ансамбля расположена просторная обитель, строительство которой было продиктовано активизацией деятельности духовного училища в Сурб Хаче и увеличением числа монахов и семинаристов¹. Обитель состоит из южного, или малого, внутреннего двора и Г-образного двухэтажного здания келий. Крылья здания охватывают малый дворик с юга и запада. С востока он ограничен высокой крепостной стеной, а с севера – южной стеной гавита и продолжающим ее каменным ограждением, которое отделяет малый дворик от атриума. Главный вход в обитель открыт в центральной части этого ограждения и оформлен простым прямоугольным порталом с массивным верхом из цельного блока. Повторимся, армянская литография, вытесанная на этом блоке, датирует возведение обители 1694 годом. Второй вход в обитель, как уже отмечалось, открыт в южной стене гавита.

Здание келий взято под двускатную черепичную кровлю такой же Г-образной конфигурации. В двух его ярусах, рядом друг с другом, расположены монашеские кельи, или клетушки. На каждом ярусе их по семь. Это прямоугольные помещения со сводчатым перекрытием из бута. Каждая келья как первого, так и второго ярусов имеет по одной нише в южной стене и по одному камину – в западной, со спрятанным в стене дымоходом. Только в двух крайних, восточном и юго-западном, помещениях первого яруса камины отсутствуют – предназначение их пока точно не выявлено. Не исключено, что они выполняли санитарные функции. Об этом свидетельствует как расположение системы водоотведения (из стыкующихся гончарных труб) под полом малого дворика², так и каменная плита пола углового юго-западного помещения с характерным отверстием. Перед входом в это помещение имеется открытый водосборный лоток с каменной обкладкой, в который помимо воды из водоотводящей линии вливалась, и сегодня вливается, накопившаяся в малом дворике дождевая и талая вода. Затем по керамическим трубам, часть которых проходит под полом юго-западного углового

¹ См.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... – С. 327; **Акинян Н.** Пять странствующих поэтов. – С. 126.

² **Бабаян Ф. С.** Раскопки монастыря «Сурб-Хач». – С. 34.

Обитель после частичного восстановления 2001 года. Вид на юго-запад.

помещения, вода стремится в ближайший овраг. Лоток, являясь составной частью общей водоотводящей магистрали, такими же трубами связан с восточной дренажной системой (не действует), о которой речь пойдет далее.

Здание келий всецело выстроено из местного бута с применением известкового раствора. Дверные и оконные проемы выходят во дворик. Келья верхнего этажа имеет также наружные окна. Похожее на бойницу наружное окно в нижнем угловом помещении обращено в сторону главного входа в монастырь. Особый интерес вызывает северо-западная келья первого яруса, известная как «келья вардапета», или «келья архимандрита». Она просторнее остальных, а выполненное из тесаных блоков крестовое впаушенное перекрытие опирается на две перекрещивающиеся гурты с орнаментированным замковым камнем

Келья архимандрита.

на пересечении. В отличие от других келий, здесь имеются две ниши и два окна. Камин своими размерами и убранством также отличается от остальных.

На территории южного дворика поверх плитовой вымостки сохранились каменные базы с выдолбленными в центре отверстиями, которые наводят на мысль, что второй ярус имел деревянный балкон, опиравшийся на вставленные в эти базы деревянные устои¹. Это мнение подтверждается и архивными данными. Так, в акте, составленном 9 июня 1925 года, говорится, что жилой корпус монастыря состоял «из двух этажей: в нижнем

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — С. 173 (прим. 95).

этаже 7 разрушенных комнат, в верхнем этаже 6 комнат с простым деревянным балконом, разрушенным наполовину, и с полубвалившимися потолками. Все комнаты размером по 18 кв. арш. (в среднем) и каждая с отдельным входом»¹. Таким образом двери верхних келий выходили на общий открытый балкон, который опирался на деревянные устои, вставленные в ка-

Продольный разрез южного крыла монастыря через дворик обители (авт. реконструкции – М. В. Петросян).

менные базы. На этот балкон некогда вела лестница в малом дворике, прилегавшая к восточной крепостной стене. О ней, известной лишь по обнаруженным фундаментам, впрочем, как и о дворике в целом, важные сведения приводят археологические отчеты. Согласно им, при возведении малого дворика «*потребовалась значительная нивелировка всей площади, при этом восточную часть его пришлось углублять почти на двухметровую глубину, так что своды крайних келий оказались ниже уровня склона*»². Производилась выборка плотного мергеля, и юго-восточный угол гавита оказался обнаженным ниже уровня подошвы фундамента. Скорее всего, именно для усиления последнего здесь и была устроена лестница, которая вела на второй

¹ ГАРК. – Ф. Р-663. – Оп. 10. – Д. 41. – Л. 17.

² Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. – С. 17.

Выход из атриума в коридор, а далее – к монастырским вратам. Фото 1997 года.

этаж здания келий. «В западной части келейного дворика уровень искусственно повышался»¹.

Археологи утверждают, что обитель и трапезная построены в хронологически близкие периоды истории монастыря. Причем строительство первой немыслимо без существования атриума, а атриума — без трапезной². Этому соответствует и общая тенденция исторического развития монастыря Сурб Хач. Строительство обители с множеством келий, несомненно, свидетельствует о присутствии многолюдной монастырской братии, расцвете духовного семинарского образования, что требовало соответствующих условий для содержания учащихся. Можно было бы предположить, что имевшееся небольшое помещение трапезной уже не удовлетворяло нужды умножившейся общины, и в последней четверти XVII века служители Сурб Хача, отказавшись от строгого аскетизма, допускавшего простор и архитектурный блеск лишь в церкви и сопредельных сооружениях, построили просторную двухзальную трапезную. Однако, как отмечалось, декор последней, ее конструкция и внушительные размеры, а следовательно, и потребовавшиеся для строительства солидные средства указывают на начало XV века.

Надо полагать, увеличение количества служителей Сурб Хача продолжилось и в XVIII веке, поэтому и появилась надстройка трапезной с ведущей вверх лестницей, равно как и клетушки севернее гавита. В этот период монастырь мог вмещать 25–30 постоянных обитателей.

Параллельно западному крылу здания келий тянется коридор, связывающий главные врата монастыря с тесным арочным входом в атриум. Последний, увенчанный стрельчатого контура сквозным люнетом, зажат между северо-западным углом здания келий и юго-восточным — трапезной. С запада коридор ограничен так называемой привратнижкой — небольшой, почти квадратной в плане постройкой, примыкающей к трапезной с юга. Вход в привратнижку устроен с востока, из коридора. На ее южной и восточной стенах располагаются по два окна прямоугольного контура.

¹ Там же.

² Там же. — С. 17–18.

Вход в обитель в начале XX века.

Ветвь водоотвода, проходящая через привратническую. Фото 1993 года.

Несомненно, этот участок монастыря, расположенный в юго-западном углу ансамбля, сооружен после возведения трапезной. Сама привратническая, скорее всего, использовалась как в сторожевых целях, так и для содержания скота и тягловых животных. В ее центральной части имелись четыре базы, когда-то удерживавшие перекрытие. Впоследствии в раскопе, сделанном в центре помещения, на уровне плит старого пола, была открыта единственная восьмигранная каменная база¹. Надо полагать, в нее фиксировался устой, некогда поддерживавший деревянное перекрытие. Что касается кровли, то, согласно рисунку Н. И. Калинина от 1885 года, она была односкатной черепичной и охватывала не только привратническую, но и коридор². Последний перекрывался каменным, очевидно, стрельчатым сводом, о чем свидетельствуют расположенные визави impostы нервюры. Освещение осуществляло небольшое окно над центральными воротами.

На фотографии, сделанной уже в период реконструкции всего западного крыла, отсутствуют как надстройка трапезной, так и кровли привратнической и коридора. Но по контуру верхних периметров последних двух помещений отчетливо видно, что

¹ **Бабаян Ф. С.** Раскопки монастыря «Сурб-Хач». — С. 35.

² См. в разделе «История сооружения и служители».

Лестница, ведущая в надстройку. Фото 1992 года.

они перекрывались единой односкатной кровлей с наклоном на юг¹. Поскольку на фотографии виден построенный в 1906 году заезжий дом, снимок был сделан после этой даты, но не позже 1918 года. Дело в том, что на открытке, выпущенной до реформы русского языка в 1918 году, реконструированная надстройка уже существует. Четыре базы, обнаруженные в поверхностном слое пола привратнической, появились именно после этой реконструкции, изменившей архитектуру и площадь всего верхнего яруса: если прежде надстройка располагалась строго над двумя залами трапезной, то после реконструкции она оснастилась выдвинутым вперед широким каменным балконом, занявшим площадь поверх привратнической и коридора.

В 1836 году был сооружен внутренний фонтан, который расположен в атриуме под лестницей, ведущей на верхний этаж трапезной. Он представляет собой выложенную из бута арочную нишу, устроенную внутри треугольного каменного основания лестницы. Его нижнюю половину до недавнего времени

¹ Обе фотографии см. в разделе «История сооружения и служители».

перекрывала орнаментированная резными розетками надгробная плита, поставленная на ребро. В результате внизу фонтана образовалась закрытая емкость, своего рода купель. Судя по изуродованным углам плиты, с трудом втиснутой сюда, она была перемещена со своего исконного места в советский период.

Вода подавалась по глиняным трубам, проложенным под вымосткой южного двора и полом кельи предводителя. Через нижнее отверстие в купели она уходила на север по водосточному желобу, устроенному под плитами пола атриума. Именно эту водоотводящую ветвь, проложенную по всей длине атриума, обнаружили археологи во время раскопок 1973 и 1976 годов¹. Еще одна ветвь тянулась от верхнего отверстия купели на юг, в сторону привратничьей, а оттуда — к оврагу. Таким нехитрым способом в периоды увеличения тока воды предотвращалось ее попадание в атриум из переполненной купели.

Расположенная над внутренним фонтаном лестница начинается от южного угла паперти — у входа в малый дворик. Далее, прилегая к каменному ограждению, отделяющему обитель от атриума, она поднимается на верхний ярус трапезной, где некогда располагались кельи, затем — терраса с деревянным парапетом, далее — большая надстройка с предводительскими покоями, коридором, комнатами и деревянными балконами, а еще позднее — жилые помещения и выдающийся каменный балкон. Ступени лестницы установлены на основании из мощной бутовой кладки в виде круто поднимающейся подпорки, в которой и устроены внутренний фонтан и вход в атриум. В связи с сооружением подпорки и лестницы закрылось похожее на бойницу оконце в северной стене кельи предводителя.

На этом, собственно, заканчивается перечень и описание основных монастырских построек, находящихся внутри оборонительного пояса. Что же послужило поводом и толчком для основания монастыря Сурб Хач именно здесь, на этом горном склоне? Ведь выбор места для удаленного от поселений монастыря не мог быть стихийным. Обычно в таких случаях решающую роль играли природная защищенность места и наличие воды. Если отвлечься

Малый дворик после разборки пола в 2000 году.

¹ См.: Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. — С. 97.

от имеющихся строений и постараться представить участок монастыря в его первоначальном виде, то перед нами возникнет лесистый горный склон с относительно невысокими по сравнению с окружающей территорией перепадами высот и общим наклоном приблизительно в 30°. Конечно, о природной защищенности говорить не приходится, и по этой причине основные монастырские сооружения заключены в оборонительный панцирь. Территорию Сурб Хача фактически пришлось срезать и выравнять в нескольких наиболее удобных уровнях, в результате чего образовались террасы, на которых со временем и появились монастырские постройки. На двух верхних террасах расположились церковь и гавит, на средней – атриум, ниже – восточная часть двухзальной трапезной, а еще ниже – подвал с опирающимися на него западными отрезками залов трапезной. Что касается обители, то на ее территории, характеризующейся значительным наклоном на юго-запад, устроена одна-единственная терраса.

Но одним лишь террасированием местности вопрос не решился. Для обеспечения долголетия монастырских построек необходимо было оградить их от губительного воздействия стекавшей по склонам дождевой и талой воды, часто образующей в этой местности селевые потоки. Поэтому создание искусственных селевых русел в безопасных местах и организация дренажной системы стали насущной задачей монастырской братии. Показателен отрезок дренажа, проложенный восточнее церкви. Здесь срез горного склона, характеризующийся наклоном на север, подкреплен подпорной стеной, за которой устроен дренаж из бутовых камней среднего размера. Вода, стекая по слою из бута, попадает в северный овраг. Помимо этого, в подпорной стене в двух местах зафиксированы керамические трубы, по которым увеличенный объем воды выходит и попадает в лоток, устроенный в восточной части церкви, а оттуда – в водоотводящую магистраль. С учетом вывода дождевой и талой воды устроена и вымостка вокруг монастырских стен, а также пол в малом дворе: они имеют заметный уклон вдоль центра и привязаны к водоотводящей системе.

Что касается питьевой родниковой воды, то для армян она всегда олицетворяла собой жизнь, и думается, что именно

Старая вымостка вдоль северной стены церкви.
Обнаружена экспедицией В. А. Сидоренко в 70-х годах XX века.

наличие дивной воды и сыграло решающую роль в выборе места для монастыря Сурб Хач.

Горный отвес становится более крутым западнее и юго-западнее укрепленной части Сурб Хача. Здесь начинается спуск к оврагу, на склонах которого проложены четыре уровня террас, поддерживаемых подпорными стенами из бутовой кладки. На двух средних террасах некогда располагались монастырские сады и огороды. Целью осуществленных на этом участке строительных и аграрных мероприятий было не только создание необходимых условий для обеспечения обитателей монастыря продовольствием, но и защита горного склона от эрозии и постепенного разрушения. Дело в том, что расположенные вдоль террас стены-крепиды, которые в течение веков старательно укреплялись и обновлялись, формируют единую защитную структуру и вместе с корневой системой растущих здесь деревьев удерживают почву этой сложной по рельефу, круто спускающейся местности, подверженной сильному влиянию селевых вод. Большое внимание уделялось и окружающим лесным массивам, необдуманная вырубка которых не только могла привести к разрушению склонов и постепенной гибели монастырских построек, но и к обезвоживанию фонтанов¹, находящихся здесь же — на верхней и нижней террасах.

Верхний фонтан стоит на гребне оврага, над садовыми террасами. Он расположен в низине, примыкая восточной стеной к невысокому откосу, поддерживаемому крепидой. Параллельно последней, с западного бока фонтана, тянется еще одна подпорная стена, поддерживающая всю верхнюю террасу. Фонтан в общих очертаниях представляет собой основанную на цоколе прямоугольную декорированную каменную тумбу, завершающуюся профилированным карнизом. Пристроена она к размещенному в косогоре резервуару для накопления родниковой воды. Вытекая из резервуара, вода направляется по трубе и через водомет, устроенный на фасадной стороне, выливается в каменный бассейн внизу. Тумба фонтана выполнена из тесаных светло-бежевых известняковых блоков среднего размера. Кладка —

Верхний фонтан до благоустройства. Фото 1992 года.

порядовая. Лицевая часть украшена глубокой арочной нишей стрельчатого контура, охватывающей и цокольную часть. По ободу она оттенена тоненькой профилированной лентой. Внутри арки размещены две маленькие ниши с узорчатыми верхами. В лобовой части тумбы, прямо над аркой, некогда размещалась мраморная плита (ныне утрачена). На ней было рельефное изображение двух летящих ангелов (во весь рост, в профиль), возносящих крест на шлемовидном пьедестале. Примечательно, что этого декоративного элемента нет на фотографиях фонтана 40–50-х годов XX столетия. Он появился в 70-х годах и через некоторое время бесследно исчез.

¹ См.: Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 22–23.

Фонтан был восстановлен в 80-х годах XX века по проектам Е. Лопушинской, а его окружение и примыкавшие подпорные стены — в 1995 году.

Второй фонтан находится ниже по склону. К нему, пересекая садовые террасы, ведет длинная каменная лестница в пять маршей, поддерживаемая по бокам крепидами из бута. На гребне лестницы некогда стояли символические арочные ворота, просуществовавшие вплоть до 40-х годов XX века. Ныне от них осталась лишь нижняя часть одной из полуразрушенных тумб. Приблизительное представление об этой малой архитектурной форме можно составить по еле заметным контурам на фотографии, изображающей Сурб Хач в период реконструкции между 1906 и 1918 годами¹. Когда-то на каждой из лестничных площадок имелись калитки, ведущие в расположенные на террасах сады и огороды. Ныне на крепидях кое-где сохранились следы от их фиксажей.

Нижний фонтан устроен по тому же принципу, что и верхний, но отличается от него более насыщенным оформлением фасада.

Ведущая к нижнему фонтану лестница в 1993 году.

¹ Фотографию см. в разделе «История сооружения и служители».

По сообщениям ряда авторов, он намного старше верхнего¹ и в период своего многовекового существования неоднократно реконструировался. Возможно, именно об одной из таких перестроек сообщала ныне утраченная надпись на мраморной плите, вставленной по правую сторону памятника. Она была датирована 1749 годом и упоминала некоего Микаела из Бахчисарая².

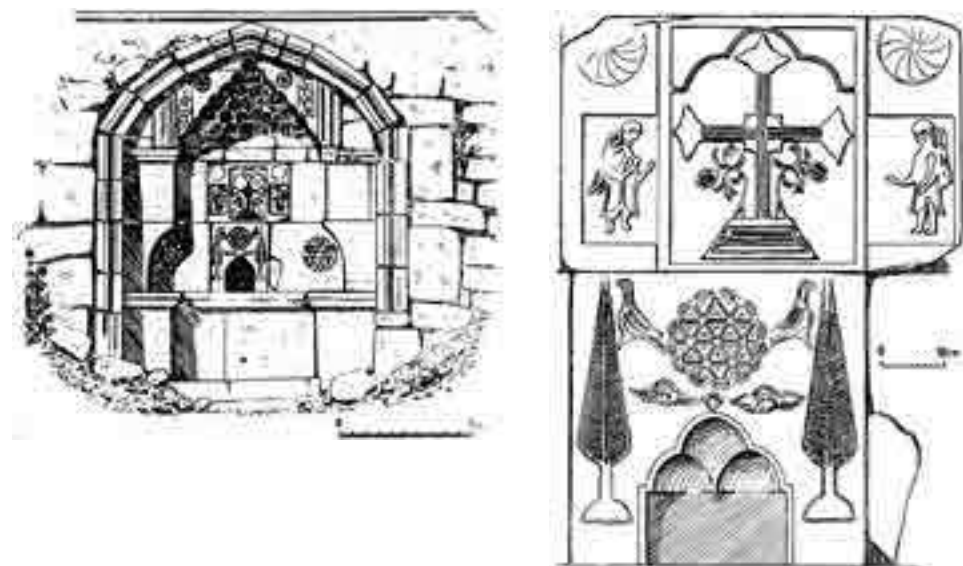
Сохранилась фотография нижнего фонтана, сделанная в 60–70-х годах XX века. По ней видно, что покрытые резьбой разнородные детали от полуразрушенного памятника недостаточно органично сочетаются друг с другом и просто сложены по очередности, без связующей смеси. В имеющихся описаниях 70-х годов XX века говорится, что фонтан разрушался под

Нижний фонтан. Фото 70-х годов XX века.

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... — С. 326; Армянские древности Таврического полуострова. — С. 449; **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. — Ч. 2. — С. 158; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 18.

² Подробнее см. здесь, в разделе «Памятники живописи и эпиграфики», № 49.

Нижний фонтан и его декор. Рисунки – В. А. Сидоренко
(из книги «Солхат и Сурб-Хач»).

нагрузкой завала грунта, переполнявшего накопительный колодец. В них также отмечается, что фасад был сложен из резных блоков вторичного использования, в то время как сама система водоснабжения была более древней.

По сравнению с верхним фонтаном нижний не выявляет параллелепипедных форм. Он вделан в кладку подпорной стены, увенчанной профилированным карнизом¹. Лицевая сторона состоит из завершающейся карнизом цокольной части и основанной на ней трехцентрковой арочной ниши. Обод арки, всецело охватывающий резной фасад, отмечен широким профилем с веревочной лентой по середине. Композиция внутри арки делится на три части, которые в общих очертаниях воспроизводят контуры вертикального разреза купольной церкви. «Шатер купола» представлен мукарнасом: полконус изнутри украшен шестью рядами веерообразного орнамента, укорачивающимися кверху. По обе стороны его, на том же блоке, изображены вертикально вытянутые профилированные

отрезки, упирающиеся в дугу ниши. К ним с внутренней стороны примыкают орнаментированные полосы. Между этими вертикалями и мукарнасом изображены волюты – символы вечности (правосторонний разрушен).

Сцена, изображенная ниже «шатра», на «барабане», представлена трехчастной композицией. В центре – процветший крест, который «произрастает» из стилизованного дерева жизни, установленного на ступенчатом пьедестале. По обе стороны креста изображено по одному ангелу в профиль и во весь рост. Лики их, обращенные к кресту, сбиты. Над ангелами расположено по одному диску с гладкой поверхностью (Солнце и Луна?).

Ниже описанной композиции, в середине «корпуса церкви», установлен другой резной блок. В центре, на вертикальной оси композиции, устроена маленькая ниша с трехлопастным верхом. Над ней помещена розетка, которая покрыта треугольными впадинками, а по краям обработана лепестками. По обе стороны ниши изображено по одному деревцу (похожи на кипарисы) с птицей на верхушке. Поле между нишей, розеткой и кипарисами заполнено маленькими летящими ангелами в фас (лики и крылья) – по одному с каждой стороны. Розетки, схожие с центральной, только больших размеров, помещены по обе стороны нижней части композиции¹.

Время сооружения верхнего и нижнего фонтанов монастыря Сурб Хач неизвестно. Самое раннее их упоминание встречается у Дортелли д'Асколи и относится к 30-м годам XVII века². Учитывая важность водообеспечения для духовного центра и давнюю традицию сооружения фонтанов в армянских монастырях, можно заключить, что действующая система водоснабжения фонтанов существовала здесь исстари, а сами их постройки в течение своей многовековой истории периодически обновлялись и менялись в декоре.

Изучив систему водоснабжения разрушенного армянского монастыря в Двужкорной Бухте, неподалеку от Феодосии,

¹ Рисунки нижнего фонтана и его резных фрагментов см.: **Домбровский О., Сидоренко В.** Солхат и Сурб Хач. – С. 75, 77.

² **[Дортелли д'Асколи]** Описание Черного моря и Татарии... – С. 106.

¹ **Сепанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 18–19.

Реставрация дренажного колодца у главного входа в монастырь в 1994 году.

И. И. Бабков пришел к выводу, что ее конструкция характерна для армянских духовных центров Крыма: все они устроены по одному плану и свидетельствуют о *«большом умении использовать и сохранять влагу и о большой заботливости древнего населения этих мест, проявляемой к вопросам водоснабжения, о громадном интересе к мельчайшим признакам воды»*¹. По этому поводу вспомним, что первый известный водопровод, построенный армянами в Крыму, упомянут в Уставе Кафы 1316 года.

Что касается системы водоснабжения непосредственно монастыря Сурб Хач, то она, находясь в центре внимания монахов, постоянно восстанавливалась и расширялась. В разное время археологами и реставраторами здесь были обнаружены довольно сложные водопроводные и водоотводяще-дренажные системы, состоящие из нескольких ветвей, множества водозаборных

¹ **Бабков. И. И.** Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двужорной бухте у Феодосии // ИГГО. — Т. 71. — Вып. 9. — М.—Л., 1939. — С. 1046.

резервуаров, лотков и очистительных колодцев. Средневековые магистральные линии прокладывались из хорошо обожженных глиняных труб, тщательно закапываемых в землю. Скрывались также накопительные резервуары, развилки, лотки, очистительные колодцы. И дело не только в том, что это предохраняло их от возможных повреждений: все перечисленные составляющие рассматривались как стратегически важные элементы в жизнедеятельности монашеской общины¹.

* * *

Исходя из необходимости воссоздать целостную картину сменявшихся друг друга строительных и реставрационных периодов в монастыре Сурб Хач, скажем несколько слов о работах, проведенных в советский период. В 1926 году здесь был оборудован санаторий, затем — пионерский лагерь. В связи с этим были укреплены и восстановлены бывшие монастырские здания, предназначенные для жилья: здание келий и гостиница. В жилищно-административных целях использовалась и надстройка трапезной. Причем, как уже отмечалось, новая надстройка, возведенная на рубеже первых двух декад XX века, по размерам превосходила предшественницу, поскольку ее строители не ограничились площадью над двумя залами трапезной, а соорудили каменный балкон, разместив его над коридором и привратницей. Полуразрушенные стены разоренной надстройки (добротный стройматериал, несомненно, частично был разворован) до недавнего времени еще возвышались над трапезной. Они были выстроены из серого пиленого штучного камня и имели широкие прямоугольные оконные проемы. Фотодокументы демонстрируют четырехскатную крышу этого жилого здания, единственным украшением которого были клинообразные выступы над оконными проемами. С западной стороны имелся висячий миниатюрный балкон, опирающийся на железные консоли. Найденные здесь обломки хачкаров и эпитафических надписей, безжалостно использованных в заполнении кладок, свидетельствуют о постреволюционном обновлении постройки.

¹ **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. — С. 22–23.

Здание келий в 50-х годах XX века.

Перед самым началом Великой Отечественной войны монастырь использовался как склад, что, естественно, негативно сказалось на состоянии древних сооружений. Сильно пострадал он и в годы самой войны. В 15–20 метрах к югу от церкви взорвался снаряд, разрушивший монастырский заезжий дом. Seriously пострадала двухэтажное здание келий и надстройка трапезной, а на своде южного зала той же трапезной образовались трещины и сквозные вывалы. И хотя основные монастырские постройки волею судеб уцелели, они утратили былую прочность. После войны Сурб Хач был забыт и оставлен на попечение судьбы.

А. Л. Якобсон, побывав здесь в 50-х годах XX века, писал: *«Сохранился почти весь монастырь; уничтожены только жилые помещения — клетушки, выходившие на галерею, которую*

*поддерживали деревянные столбы»*¹. Фотоматериал 50-х годов XX века фиксируют крайне бедственное состояние этого уникального памятника: стены и кровли разрушены, дворники затеряны в завалах, чудом держащиеся своды покрыты толстым слоем земли и пышной растительностью². Еще некоторое время — и

Разрушенный плинфовый свод южного зала трапезной в 1993 году.

монастырские здания рухнули бы... К счастью, вскоре в Сурб Хаче начались восстановительные работы, которые хотя и не были основательными, однако помогли преклонившейся древности выстоять. В ходе них была расчищена территория монастыря, стены и сооружения освобождены от растений и корней,

¹ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — С. 173 (прим. 95).

² Фотографии памятников архитектуры Крымской области (к обследованию, произведенным в 1955 г.). Альбом № 2. Фотографии памятников архитектуры городов Алушты, Старого Крыма, монастыря «Сурп Хач», с. Морского, с. Уютного // Государственный комитет Совета министров УССР по делам строительства и архитектуры. Республиканские научно-реставрационные производственные мастерские. — Киев, 1956.

Разрушенный плинфовый свод южного зала трапезной в 1993 году.

проведена реставрация черепичных крыш церкви и гавита, пирамидального шатра купола, заштукатурены трещины на стенах и потолках монастырских построек. Постепенно к Сурб Хачу стали проявлять интерес, чему способствовали появившиеся во второй половине XX века научные исследования.

В 1968 году, с целью изучения крымской армянской средневековой культуры, на полуострове побывали специалисты из Армении, по завершении визита подготовившие публикации о культурном наследии крымских армян¹. На сделанных ими фотографии церковь и гавит монастыря Сурб Хач предстают ветхими. И поскольку причиной неудовлетворительного состояния являлась старая крыша, было решено заменить ее каменной кровлей, что и было сделано в 1970 году. Однако под новой кровлей отсутствовала гидрофобная цементная стяжка, из-за чего конструкция вскоре пришла в непригодность. Велись работы и по другим сооружениям комплекса. В 1976 году была возведена гостиница, во многом повторившая внешний облик утраченного заезжего дома. Она была оборудована под дом отдыха, а ныне служит местопребыванием настоятеля. В 1978–1979 годах под руководством В. Крылова начались восстановление здания келий и двора, но работа осталась незавершенной.

В 70-х годах XX века в Сурб Хаче проводились комплексные археологические исследования, на основании результатов которых в 1985 году специалистами Укрпроектреставрации (Киев, Госстрой УССР) был создан проект восстановления и использования монастыря, предполагавший проведение всесторонней систематической реставрации. Проектными работами руководила архитектор Е. Лопушинская. После восстановления планировалось использование комплекса в качестве дома отдыха: храм Сурб Ншан должен был служить концертным залом, гавит — клубом, трапезная — столовой, кельи — гостиничными номерами, дворики — площадками для игр. Во второй половине 80-х годов XX века под руководством В. Крылова по этому проекту был восстановлен верхний фонтан.

¹ Таманян Ю. А. Монастырь Сурб Хач Крыма; Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа; Корхмазян Э. Армянская миниатюра Крыма.

Здание келий после частичного восстановления 1979 года.

В самом конце 80-х годов XX века, с целью реставрации, старокрымскими жителями был разобран нижний фонтан, но работы не были начаты. Оголенное основание памятника осталось под открытым небом, а покрытые резьбой некоторые фрагменты внешнего декора были безвозвратно утрачены.

В начале 90-х годов XX века монастырь Сурб Хач представлял собой руины, погруженные в груды строительного мусора.

Восстановление монастыря Сурб Хач в 1993–2001 годах

В 1992 году, учитывая выдающуюся историко-архитектурную значимость монастыря Сурб Хач, правительство Крыма возобновило работы по его исследованию и восстановлению, пригласив специалистов из Армении. Археологические изыскания продолжила сотрудница Института археологии НАН РА Ф. Бабаян. Реставрационные работы вел ведущий архитектор

Управления по охране и использованию памятников истории и культуры при Совете министров Республике Армения М. Петросян. Несколько позже историко-источниковедческое исследование Сурб Хача взяла на себя арменовед Т. Саргсян – сотрудница того же управления.

После проведения осенью 1992 года подготовительных работ начался новый этап реставрации монастыря Сурб Хач, продолжавшийся по 2001 год. Работы финансировало правительство Крыма. Посильную помощь оказывало Крымское армянское общество (КАО) во главе с председателями А. Данеляном, В. Саргсяном и Ф. Мардоянном.

В ходе подготовительных мероприятий было проверено состояние фундаментов и стен всех сооружений монастыря, на основании чего составлен график очередности предполагаемых восстановительных работ. Полученные результаты по состоянию фундаментов оказались удовлетворительными. Что касается надземных конструкций, то здесь в реставрации нуждались все без исключения монастырские постройки. Повсеместно наблюдалось вздутие кладки, выбоины, сквозные вывалы, выветривание кладочного раствора из швов. В первоочередной, неотложной помощи нуждались южная и северная стены гавита, северная стена церкви, кровли гавита и церкви, включая купол последней, южный зал трапезной, атриум, дозорная башня над гавитом, нижний фонтан, подпорные стены на террасах.

Состояние корпуса церкви, северного зала трапезной, здания келий позволяло повременить с их восстановлением. При усугублявшейся аварийности монастырских сооружений необходимо было в первую очередь устранить угрозу обрушения построек и только затем приступать к более детальной реставрации их архитектуры и декора.

При организации восстановительных работ следовало учесть и перспективу дальнейшего использования монастыря – в качестве духовного центра или же экскурсионно-туристического объекта. Это подразумевало частичную реконструкцию отдельных активно используемых участков (лестницы, балконы, заполнения оконных и дверных проемов),

Восстановление южной стены гавита в 1993 году.

разумеется, с учетом композиционной целостности и исторической аутентичности. Было принято решение на первых порах использовать проектные разработки архитектора Е. Лопушинской, с поправками на приоритет специфики памятника. В дальнейшем же, ввиду устаревания имеющихся проектов, связанного с непрерывным ухудшением технического состояния монастырских сооружений, для их (обитель, церковь) восстановления потребовались новые проекты. Учитывались также рекомендации археологов и материалы исследований, проведенных киевскими специалистами в 1985 году: результаты анализа растворов, предложенные рецептуры для их составления, заключения о проведенных зондажах. Только в церкви было обнаружено 20 разновременных видов кладочного и штукатурного растворов. В наиболее ранних из них использовались белковые добавки, вероятнее всего в виде различных растительных отваров. В подготовительные работы входила также расчистка территории комплекса от груд строительного и бытового мусора, растительного покрова. Монастырь предстал в своих прежних пропорциях. Немаловажным был также поиск утраченных резных деталей и определение расположения водопроводных и водоотводящих путей вокруг памятника.

Реставрационный сезон 1993 года был посвящен проведению неотложных работ по восстановлению южной и северной стен гавита, а также северной стены церкви Сурб Ншан. Были укреплены крыши гавита, церкви, в том числе купола. Восстановление указанных сооружений облегчалось их относительной сохранностью, и сомнений по поводу архитектурных и конструктивных решений на тех или иных участках не возникало. Не было проблем и со строительным материалом. Все камни кладки почти полностью сохранились в завалах стен. Отсутствующие же можно было легко заменить. При подобной кладке из бута это вполне допустимо. Трудность заключалась в другом: в древний монастырь, окруженный высокими стенами, невозможно, да и категорически противопоказано вводить строительную технику (вообще передвижение тяжелой и средней техники в этой местности допускается лишь в

крайних случаях), поэтому работы выполнялись вручную, с применением традиционных средств: носилок, лебедок и так далее.

Кладка южной и северной стен гавита была раздвоена изнутри и большей частью разрушена. Отсутствовало около 80% наружного слоя южной стены и 52% северной. Плохое техническое состояние стен и неблагоприятное воздействие внешней среды приводили к их интенсивному механическому и химическому выветриванию. Нужно было принимать срочные меры по спасению памятника, так как разрушение его арочно-сводчатой конструкции в ближайшем будущем было неизбежным.

В первую очередь были расчищены завалы вокруг гавита, выпавшие камни кладки освобождены от остатков известкового раствора и сложены вместе. Были осторожно сняты аварийные участки наружной поверхности южной стены. В некоторых местах глубина удаленных отрезков достигала 40–55 см (толщина стен – 90 см).

Из археологических отчетов было известно, что церковь и гавит сооружены в строгом соответствии с ландшафтом, где материковый пласт выходит на поверхность и почти соприкасается с плиточным полом указанных сооружений или же лежащим под ним тонким слоем глины. На одних участках скала подтесана, на других – скрыта под ступенчатой планировкой¹. При восстановлении южной стены гавита выяснилось, что фундаменты, как таковые, частично отсутствуют: стена стоит либо в колее, вырубленной в скале, либо на глиняном слое грунта. На одном из «глиняных» отрезков, крайне опасном из-за разрушенной нижней части стены, была залита подушка глубиной в 35 см и размером 225 x 62 см. Южная, а затем и северная стены были полностью восстановлены в прежнем виде. Также отреставрирован открытый в северной стене гавита низкий проход, ведущий к полуразрушенным помещениям в северо-восточном углу крепостной стены. Свое прежнее место заняли оконные наличники и каменные плиты

¹ Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. – С. 14–15.

крыши. Полностью, начиная с фундамента, была отреставрирована крепостная стена, примыкающая к южной стене гавита. Использован раствор, изготовленный по рецепту, рекомендованному киевскими специалистами в проектной документации 1985 года:

известковое тесто не ниже 2 сорта по ГОСТ 9177-89 ..... 1 часть
песок фракции 1,5 мм ..... 2 части
цемент марки 500 ..... 0,1 части

Что касается северной стены церкви Сурб Ншан, то ее центральная часть (15–20 см ниже замыкающего карниза) с наружной стороны вздулась на площади 4–5 кв. метров и вышла из плоскости стены на 18–20 сантиметров. Пришла в негодность и построенная недавно кровля церкви. Отмечались и другие неудовлетворительные моменты в техническом состоянии памятника (трещины на парусных переходах, в цилиндре купола и на сводах), однако они в 1993 году не представляли серьезной опасности, и работы по их восстановлению можно было на некоторое время отложить.

Разбухший, поврежденный участок на северной стене церкви был спущен и сложен заново. Сохранившиеся плиты крыши были расчищены и закреплены на прежних местах. Однако реставрация каменных крыш церкви и гавита, установленных в 1970-х годах, носила временный характер: она оказалась несовершенной как с точки зрения конструкции и стройматериала, так и внешнего соответствия. Дореволюционные фотографии монастыря демонстрируют черепичные крыши указанных сооружений. Но изначально, скорее всего, они были каменными: демонтаж крыши церкви в конце 2007 года показал, что верхний периметр здания охвачен старым каменным ободом с наружным бортиком в 10 см, на котором заметны впадины для установления водоотводящих желобов. На этот каменный обод усаживались края черепичной крыши, упирающиеся в бортик. Нельзя исключать, что каменный обод остался от более ранней каменной крыши. При возведении кровель в 2008, а затем и 2017 годах эти конструкции остались нетронутыми.

Для проведения неотложных работ в 1993 году необходимо было срочно обеспечить церковь и гавит устойчивой на первое время защитой. Поэтому установленную в 70-х годах XX века крышу из каменных профилированных плит пришлось не только сохранить, но и укрепить. Приблизительно такой же подход был применен при восстановлении шатра купола. Так, тяжелый бетонный слой, нанесенный на полусферическое перекрытие купола во время последних строительных работ, был удален и заменен легким бетонно-керамзитовым основанием (толщина около 3,5–4,0 см). Последний покрыли связующей смесью из красной глины и соломы, на которой и собрали двенадцатигранный шатер купола из стандартной керамической черепицы. Этот темно-

ватый и несколько приплюснутый шатер, в целом нехарактерный для армянского церковного зодчества, в данном случае смотрелся очень гармонично. Он мягко сочетался как с барабаном, так и с корпусом здания. Кстати, во время его установления было обнаружено, что один из блоков замыкающего карниза барабана отсутствует. При размещении на этом отрезке нового блока, профилированного в соответствии с остальными, выяснилось, что составляющие карнизного пояса изнутри скреплены друг с другом металли-

Северная стена гавита до восстановления. Фото 1993 года.

ческими скобами. Некоторые из скоб, пришедшие в негодность, были заменены новыми.

Плиты пола в гавите и церкви Сурб Ншан, в том числе и надгробия, были разбросаны и даже расколоты. Восстанавливая полы в гавите и церкви Сурб Ншан, на отдельных участках пришлось использовать новые тесаные плиты.

Восточный фасад трапезной до восстановления. Фото 1992 года.

Параллельно с реставрацией велись расчистка территории и археологические работы, в ходе которых в малом (южном)

дворике были обнаружены ветка системы водоотведения, обломки средневековой керамики, железные заклепки, ключи, гвозди, скобы, петли, подковы¹.

В 1993 году в монастыре Сурб Хач были отреставрированы также северная и южная стены подвального этажа, расположенного под трапезной, решен вопрос водоотведения верхнего фонтана, расчищены и подготовлены к будущей реставрации трапезная, участок с полуразрушенными помещениями, лежащий севернее гавита, а также атриум. Работы были завершены установкой крестодержателя и креста, и после длительного перерыва над монастырем Сурб Хач вновь вознесся символ христианской веры.

В 1994 году Сурб Хач был передан на баланс организованного в том же году Республиканского комитета по охране и использованию памятников истории и культуры АРК (ныне — Государственный комитет по охране культурного наследия РК), от лица которого крымские власти в 1994—2001 годах финансировали реставрационные работы. Рескомитет вел также контроль качества проводимых работ. Проблема возрождения Сурб Хача находилась в зоне внимания председателей этого ведомства: А. Литвиненко, Ю. Могаричева, И. Баранова, В. Лаврова, сотрудников: А. Лазаревой, Т. Полуниной, В. Зарубина, Л. Сафоновой и многих других. В качестве подрядчика выступало Научно-производственное предприятие «Сурб-Хач». Восстановительные работы проводили опытные, добросовестные строители.

Реставрационный сезон 1994 года был всецело посвящен проведению неотложных работ в трапезной. Ее массивный восточный фасад, обращенный в сторону атриума, грозил обрушением. Опасные участки имелись и на западном фасаде, а верхний слой перекрытия северного зала нуждался в расчистке и закреплении. Пол в залах трапезной не просматривался, так как поднялся за счет значительного наслоения. Из-за этого

¹ **Бабаян Ф. С.** Раскопки монастыря «Сурб-Хач». — С. 34; **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. — С. 19–41.

Южный зал трапезной после удаления разрушенных плинфовых сводов в 1994 году.

колонны и опирающиеся на них арки потеряли былое величие и казались очень низкими. К примеру, чтобы открыть пол в южном зале трапезной, еще в 1993 году пришлось вынести оттуда 120–130-сантиметровый слой земли вместе с вывалившимися обломками плинфовых сводов. Здесь были повреждены стены, перекрытие, пол, арки, а единственную колонну, на которую опиралось перекрытие, покрывали широкие трещины. В западной стене зияла огромная выбоина. В северном зале земляного слоя было меньше, поскольку свод был в удовлетворительном состоянии. Тем не менее, реставрационные очистительные работы позволили обнаружить разбросанные блоки ступеней, ведущих в северный зал.

Как уже упоминалось, изначально оба зала трапезной имели одинаковое трехнефное строение с двумя четырехгранными колоннами в центре интерьера. Конструкция южного зала, несомненно, была изменена позже. На момент начала реставрации монастыря в 1993 году из его трех нефов существовал лишь

перекрытый сводом крайний южный вместе с южной колонной. Северная колонна и опирающиеся на нее подпружные арки отсутствовали. За счет этого центральный и северный нефы были объединены и перекрыты двумя пирамидальными плинфовыми колпаками. Шурф, сделанный на месте предполагаемой северной колонны, между расположенными визави пилястрами, которые праздно выступали на восточной и западной стенах, выявил ее фундаменты и подтвердил нашу догадку о первоначальной конструкции южного зала. Это явилось важнейшим достижением реставрационного сезона 1994 года. Здесь же были найдены обломки каменных плит, покрытых орнаментальной резьбой и фрагментами армянских надписей.

В годы фашистской оккупации на плинфовых колпаках южного зала трапезной образовались широкие трещины, сквозные вывалы и пробоины. Принимая во внимание то обстоятельство, что перекрытие южного зала так или иначе придется опустить, было решено восстановить его первоначальную трехнефно-сводчатую конструкцию. Надежное основание требовалось и для надстройки с учетом ее возможного восстановления в дальнейшем. Но сделать эту объемную, капиталоемкую работу в 1994 году не удалось и после удаления плинфовых шатров она была отложена.

Перед началом реставрации трапезной были удалены разрушенные участки стен. После расчистки поврежденных отрезков и камней из разрушенного кладочного материала восточная стена трапезной, от основания до перекрытия, была отреставрирована. Также восстановили заложенный бутом широкий арочный оконный проем в этой стене (ближе к северной крепостной ограде), освещающий северный зал. Прежние места заняли блоки оконных наличников и бойниц. Крыша северного зала была расчищена от тяжелых завалов рухнувших стен надстройки.

В том же году были укреплены некоторые участки здания келий, проведена консервация остатков сооружений, расположенных севернее гавита. Полностью восстановлены паперть и поддерживающая ее подпорная стена, тянущаяся вдоль атриума. Во время реставрации последней были обнаружены три

захоронения в паперти, о которых сообщают письменные источники¹. Они остались на своих местах внутри паперти — за крепидой, при поновлении которой также использовались расширенные камни прежней кладки.

Юго-западное угловое помещение (привратницкая) до восстановления. Фото 1993 года.

В том же 1994 году восстановлена каменная лестница, ведущая на верхний ярус трапезной, а также сама подпорная стена, на которую опирается эта лестница. Блоки ступеней были размещены на прежних местах и закреплены цементным раствором. Был приведен в порядок также полуразвалившийся внутренний фонтан, расположенный под означенной лестницей в подпорной стене. Восстановить подачу воды из фонтана не удалось, поскольку система водоснабжения, часть которой находится под

¹ Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 72–73; Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 10.

полом малого дворика и зданием келий, основательно повреждена. При восстановлении этого участка, как и в предыдущих случаях, в первую очередь использовались расчищенные камни из разрушенного кладочного материала.

В конце сезона были отреставрированы стены, наличники оконных и дверного проемов привратничкой — прямоугольного помещения, расположенного в юго-западном углу монастырского комплекса¹. Свой первоначальный вид обрел и размещенный за монастырскими воротами коридор (если не считать отсутствия перекрытия). Следует также отметить, что залы трапезной и угловое сооружение с запада выступают единой массивной стеной, являющейся западным отрезком крепостного корпуса монастыря. Таким образом, восстанавливая обвалившиеся участки западных стен перечисленных сооружений, равно как и подвального этажа, восстанавливался и высокий западный фасад комплекса, конечно, за исключением полуразрушенных стен надстройки.

Во время строительно-восстановительного сезона 1995 года полностью отреставрирован атриум, или большой внутренний дворик, заново сложена ведущая к западному входу гавита каменная лестница, закреплена крыша северного зала трапезной, восстановлены подпорные стены и терраса у верхнего фонтана, расчищены интерьеры храма и гавита. Участок, лежащий севернее гавита, обеспечен водоотведением, а над южным залом трапезной установлен временный навес.

Некоторые участки атриума — паперть, продольная крепида, лестница, ведущая в надстройку трапезной, поддерживающая ее подпорка вместе с внутренним фонтаном, — были восстановлены еще в 1994 году. Фактически завершить реставрацию атриума не составляло труда, но была веская причина, заставлявшая спешно заняться им: со временем дождевая вода и растаявший снег, стекая с крыш монастырских сооружений, накапливались во внутреннем дворике, оттуда попадали в трапезную, уровень пола которой на 100–110 сантиметров ниже уровня пола дворика, разрушая ее фундаменты и стены. Это обстоятельство вынуждало в срочном порядке решать вопрос водоотведения из атриума.

¹ Окончательное восстановление, функциональное приспособление и обустройство этой постройки были произведены в 2008 году.

А для этого надо было завершить его восстановление. Продолжение реставрационных работ в самой трапезной было бы бессмысленным без гарантий сохранения ее фундаментов сухими. В этом и заключалась причина кажущейся преждевременности реставрации атриума. Мероприятия по благоустройству обычно проводятся в самом конце строительных работ, но в этом случае обстоятельства диктовали свои условия.

Выше уже было сказано, что еще в 70-х годах XX века на территории атриума археологами были открыты средневековые фундаменты и остатки стен. Реставрационные работы пола атриума следовало выполнить так, чтобы остатки этих древних сооружений сохранились на своих местах и в то же время обозначились на его поверхности. Для достижения этой цели остатки старых стен были закреплены и оставлены под полом дворика, а их контуры на уровне вымостки обозначены мелкими обломками местного бута. Общую поверхность пола для контраста покрыли крупными плитами неправильной формы. Диссонанс размеров выбранных стройматериалов четко выделил контуры средневековых стен. Тогда же вдоль восточной стены трапезной была проложена система водоотведения из атриума, что воспрепятствовало попаданию воды в трапезную. Реставрация этого участка завершилась установлением на свои места ступеней, ведущих к западному входу в гавит.

Еще в предыдущем году была проведена консервация полуразрушенных клетушек, расположенных севернее гавита. В 1995 году укрепили земляной пол этого участка и устроили систему водоотведения.

Находящееся в аварийном состоянии перекрытие южного зала трапезной было опущено еще в 1994 году. В 1995 году, в связи с затягивавшейся реставрацией полуциркульных сводов, все сооружение было взято под временное укрытие. Оно представляло собой установленный на металлическом каркасе навес из волнистых асбестоцементных листов.

Облегченное и еще в предыдущем году подготовленное к реставрации перекрытие северного зала трапезной было покрыто трехсантиметровым слоем керамзита, а затем закреплено

стяжкой из цементного раствора. Эта работа была проведена с учетом мероприятий по водоотведению. Однако принятые меры могли обезопасить северный зал от попадания воды лишь временно. Необходимо было завершить сооружение сводов в южном зале и взять трапезную под крышу (при условии отказа от восстановления надстройки).

В ходе очистительных работ на территории верхнего фонтана, за восточной подпорной стеной, были открыты остатки трех других, параллельных друг другу подпорных стен (каждая шириной в 60–65 см). Видимо, со временем пришедшая в негодность подпорная стена не восстанавливалась: перед ней строилась другая. Так повторялось несколько раз. Вдоль первоначальных оснований восточной и западной подпорных стен были залиты новые фундаменты, на которых полностью восстанавливались эти крепиды. Восточную из них, в близком к фонтану отрезке, мы украсили арочной нишей, напротив которой на западной подпорке восстановили низкую калитку, ведущую на вторую террасу. Затем были уложены плиточный пол и площадка перед фонтаном.

В том же 1995 году, во время расчистки стен храма и гавита от копоти, грязи, мха и разноцветных надписей вандалов, были открыты резные напоминальные кресты, эпиграфические надписи, остатки росписей. Учитывая важность росписей церкви Сурб Ншан, был заказан их микрохимический анализ и осуществлено полное обследование. В результате выявился ряд технологических недоработок в изготовлении красочного и штукатурного материалов и подтвердилось мнение о сравнительно позднем происхождении большинства сохранившихся фрагментов¹. Было решено при первой же возможности выделить целевые средства на укрепление росписей, несмотря на высокую стоимость необходимых материалов и предполагаемых работ.

¹ См.: Звіт про виконання візуального обстеження стану монументального живопису пам'ятки архітектури XIV–XVIII ст. церкви вірменського монастиря Сурб-Хач – «Святий хрест» – у м. Старий Крим Республіки Крим / Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Науково-дослідне проектно-виробниче мале підприємство по реставрації пам'яток історії та культури і творів мистецтва «Оберіг». – Київ, 1995.

Восстанавливаясь, Сурб Хач становился популярным. С 1993 года крымские армяне стали отмечать здесь церковные праздники, со временем превратившиеся в массовые гуляния с участием сотен людей. В такие дни в храме проводилось богослужение. Двери монастыря всегда были открыты перед многочисленными туристами и паломниками.

В 1996 году из-за несвоевременного финансирования и небывало обильных осадков не удалось провести регулярные реставрационные работы. Все усилия были направлены на сооружение вокруг монастыря нового 500-метрового водосборного кольца, что должно было обезопасить местность от селевых вод, представляющих угрозу для памятника: старый коллектор-водоотвод, как оказалось, местами вышел из строя и в период обильных осадков не мог бесперебойно функционировать. Новый водоотвод, сооруженный в тяжелых условиях нескончаемых ливневых дождей, выдержал испытание. Параллельно продолжались реставрационные работы в южном зале трапезной. Была укреплена южная колонна и в точности с ней заново отстроена северная. Также были подняты две подпружные арки, опирающиеся на северную колонну, восстановлен проем в восточном углу перегородочной стены, соединяющий залы трапезной. Он существовал изначально, но позднее был заложен¹.

В 1997 году продолжилось восстановление трехнефной конструкции южного зала трапезной. Была также отреставрирована дозорная башня, возвышающаяся над юго-западным углом гавита, проведена подготовка нижнего фонтана к реставрации.

После восстановления колонн и подпружных арок в южном зале трапезной началась сборка отсутствующих центрального и северного перекрытий. Для этого была установлена специальная конструкция из металлического полукруглого каркаса, на котором впоследствии собирались блоки свода, отточенные с нужным изгибом. Из-за отсутствия камней сводов, подпружных арок и колонн использовались новые. Блоки соответствующей известковой породы в Сурб Хач привози-

¹ Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. – С. 9.

Восстановление сводов в южном зале трапезной в 2000 году.

лись из Альминского карьера (вблизи Бахчисарая) и уже на месте оттачивались и подгонялись.

Дозорная башня была сильно повреждена: широкие трещины сверху вниз сквозили по ее восточному, южному и северному фасадам, а аварийная крыша не сдерживала влагу. Обрушение башни в перспективе привело бы к разрушению самого гавита и имело бы непоправимые последствия для памятника. Поэтому, несмотря на скудное финансирование, было решено устранить угрозу, исходящую от башни. Ее восстановление требовало разборки восточного (полностью), южного и северного (частично) фасадов, а также сводчатого перекрытия (полностью) помещения, находящегося внутри. С этой целью было изготовлено специальное оборудование из веревок и деревянной емкости, с помощью которого с 13-метровой высоты на землю была спущена часть камней кладки из перечисленных аварийных участков: своды гавита могли не выдержать лишней тяжести, поэтому было опасно раскладывать камни из разобранных частей на его крыше. Незначительные трещины были заделаны и инъектированы известковым раствором, а камни кладки вскоре после расчистки заняли прежние места. Дозорная башня была полностью восстановлена, а ее односкатная плиточная крыша заменена сходного типа кровлей из керамической черепицы.

За нижний фонтан удалось взяться лишь в 1997 году. Как уже отмечалось, в конце 80-х годов XX века его фасадная часть была разобрана и оставлена на произвол судьбы. На месте находилась лишь центральная плита нижнего яруса с отверстием для стока воды. Естественно, по прошествии лет некоторые фрагменты декора, покрытые орнаментальной резьбой, были безвозвратно утрачены.

Прежде чем приступить к реставрации фонтана и его окружения, необходимо было расчистить от завалов сам памятник и площадку перед ним. В результате удаления поверхностного слоя площадки для предстоящего устройства плиточного пола открылась протянутая по низовью косогора ветка водоснабжения и древнее каменное русло водоотведения. Обнаружены также старый каменный бассейн, находившийся под

Восстановление башни в 1997 году.

используемым, покрытые резьбой некоторые обломки фасада фонтана, а также остатки лестниц и подпорных стен.

Особый интерес вызывала древняя система водоотведения, представляющая собой перпендикулярно соединенный с бассейном четырехметровый канал, через который вода направлялась в сторону ближайшего оврага, расположенного северо-западнее фонтана. Канал состоит из последовательно соединенных узких каменных блоков, по всей длине которых вырублено полуцилиндрическое углубление.

В 1997 году было начато также составление нового реставрационного проекта обители. Дело в том, что предыдущий проект, подготовленный группой архитектора Е. Лопушинской в 1985 году, предусматривал полную реконструкцию здания келий под современное жилье, что было неправильно. По нашему проекту, который был завершен и защищен лишь в 2000 году, кельи также предусмотрены в качестве жилых помещений, но без существенных изменений на современный лад.

В реконструкции нуждался и пол обители, устроенный в конце 70-х годов XX века. Из-за его значительного наклона на юг в кельях первого яруса скапливалась вода, разрушая их. Снизить уровень пола вдоль южной стены гавита было невозможно, так как оголилось бы ее основание. Предстояло заново заложить пол, но так, чтобы вода уходила по водоотводу, не попадая в келью. Однако в 1998 и 1999 годах реставрационные работы были приостановлены, поскольку прекратилось даже то скудное бюджетное финансирование, которое ежегодно выделялось Сурб Хачу. В 2000 году благодаря нашим настойчивым обращениям финансирование реставрационных работ удалось возобновить. В результате в том же году полностью завершилось восстановление сводов в южном зале трапезной. Но установленный над ней временный навес решено было оставить до сооружения новой крыши или надстройки.

В том же 2000 году приступили к восстановлению нижнего фонтана. При доминирующем положении сохранившейся на своем месте центральной плиты нижнего яруса (с отверстием для стока воды) удалось скомпоновать цокольную часть фонтана. Для продолжения реставрации памятника необходимо было вы-

Нижний фонта в начале 90-х годов XX века.

брать приемлемый и оптимальный вариант сочетания имеющейся водоотводящей системы, старого бассейна с цокольной частью и сохранившихся фрагментов декора.

Эту задачу удалось полностью решить лишь в 2001 году. Все камни нижнего фонтана заняли свои места. Недостающие фрагменты резного декора были заменены новыми. Причем заново изготовленные фрагменты были подогнаны под элементы композиции лишь по общим контурам. От детальной резной обработки поверхностей мы отказались, что дало возможность сохранить целостность композиции фасада и в то же время отличить изначальные фрагменты от новых.

В 2001 году были восстановлены и подпорные стены по обе стороны фонтана, каменная лестница, поднимающая на третью садовую террасу, плиточная вымостка перед фонтаном, подпорная стена, расположенная северо-восточнее, и нижние марши лестничного спуска вместе с подпорными стенами. Фактически в 2001 году была полностью завершена реставрация нижнего фонтана и его окружения. Восстановилась и пришедшая в негодность система водоснабжения памятника: в 2001 году, после долгого бездействия, нижний фонтан стал бить кристально чистой ключевой водой.

В период реставрационного сезона 2001 года завершилось и восстановление западного из трех контрфорсов, поддерживающих северо-западный угол оборонительного панциря. Частично была поновлена и обитель: кельи нижнего яруса были укреплены инъекционным способом. Выпавшие камни заняли свои места – с обработкой швов известковым раствором. В надлежащее техническое состояние были приведены и дымоходы каминов первого яруса. С учетом времени, необходимого для восстановления обветшалого второго яруса, а впоследствии и кровли, здание келий также было взято под временный навес. Последний, утратив покрытие и оголившись, простоял до 2015 года и был снят в связи с завершением восстановления здания келий в 2015–2016 годах.

Что касается малого, или южного, дворика, то его реконструированный пол был заложен с продольной ступенью (высота 10 см) вдоль каменных баз. Вымостка перед кельями

получила скат на север, и по длине двора образовалась своего рода впадина-желоб. По ней вода уходит в лоток, устроенный перед юго-западной угловой кельей. Важно подчеркнуть, что изначальный пол здесь также по всей длине имел двусторонний скат к центру. Такой тип вымостки применялся в Сурб Хаче не раз. Она обнаружена и на северной стороне монастыря — вдоль стены церкви и оборонительной ограды¹. Уцелевшие отрезки водопроводной и водоотводящей веток в малом дворе остались под обновленной вымосткой. Одну из них бутафорно обозначили на поверхности вымостки разбитыми и уже непригодными гончарными трубами, вделав их в пол и закрепив цементным раствором.

Были восстановлены также две каменные лестницы в южном дворе. Одна размещена перед южным входом в гавит. Другая, некогда поднимавшаяся на второй ярус здания келий, прилегает к восточной крепостной стене двора. Фундаменты последней были обнаружены археологами², а позднее — нами при подготовке территории, подлежащей реставрации. В. Сидоренко кроме фундаментов каменной лестницы в юго-восточном углу малого двора обнаружил также остатки стен, фундаментов и заключил, что под верхним маршем лестницы в свое время находилась еще одна келья³. Впрочем, не исключено, что это остатки не кельи, а несохранившегося фонтана. Возможно, именно об этом свидетельствует расположение ветви водопровода и каменной емкости за крепостной стеной. К сожалению, детального археологического заключения по этому участку, расположенному за юго-восточной крепостной стеной монастыря, у нас нет. Не имея возможности воссоздать некогда существовавшее здесь сооружение ввиду отсутствия достаточных на то оснований (известны только фрагментарно сохранившиеся фундаменты), мы возвели лестницу, оформив подпорку под ней символической аркой в память об этом неустановленном объекте.

¹ Сидоренко В. А., Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях армянского монастыря Сурб-Хач в 1980 г. — С. 7–8.

² Сидоренко В. А. Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб-Хач. — С. 17–18.

³ Там же.

В 2002 году, уступив многолетним настойчивым требованиям членов Религиозной общины Армянской апостольской церкви города Старый Крым и основываясь на статье 17 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях», Совет министров Автономной Республики Крым передал монастырь Сурб Хач — памятник национального значения! — в бессрочное пользование вышеозначенной общине (постановление № 286 от 23 июля 2002 года), состоящей из нескольких армян и не имеющей опыта обращения с древностями. Рескомитет АРК по охране культурного наследия, Министерство архитектуры и строительной политики АРК, предвидя дальнейшую судьбу памятника, выступили против этого решения. Но все попытки предотвратить ход событий, чреватых приостановлением госфинансирования реставрационных работ и неправильным содержанием памятника, оказались тщетными. Передача стала свершившимся фактом с молчаливого одобрения новоизбранного руководства КАО и армянской общественности.

Как и следовало ожидать, в том же году бюджетное финансирование реставрационных работ в Сурб Хаче прекратилось. Все заявления членов религиозной общины, КАО и церковнослужителей о привлечении благотворительных средств для их продолжения оказались беспочвенными.

Между тем памятники такого уровня, как Сурб Хач, независимо от присутствия собственника или пользователя всегда должны находиться под пристальным контролем соответствующих государственных ведомств. Это дает возможность избежать нежелательных последствий. Ведь мы не раз становились свидетелями того, как неправильное обновление памятников на меценатские средства, без учета мнения специалистов, не только лишало их духа времени, но и усугубляло разрушение. Данность нынешнего историко-экономического периода такова, что при наличии внебюджетного финансирования госорганизации вынужденно закрывают глаза на технологические нарушения, искажения исторического и национального лица памятников, избегают вмешательства, опасаясь безрезультатных, долговременных разбирательств. Они предоставляют арену собственнику и пользователю, довольствуясь теми немногими выигрышами, которые возможны в таких случаях (устройство дренажной системы или кровли, общее обновление и укрепление объекта и так далее).

Шесть лет продолжалось затишье в Сурб Хаче. Состояние участков, подлежащих реставрации, ухудшилось. Местами даже недавно восстановленные поверхности наружной кладки и вымостки уже нуждались в укреплении швов. Таковы естественные условия местности. Климат, стройматериал, экология требуют от пользователя постоянной кропотливой работы по содержанию памятника, а это включает удаление растений из швов кладки, заделывание соответствующим известковым раствором микротрещин, швов внешней кладки и вымостки. Действия, поддерживающие и защищающие кладку, крайне необходимы, поскольку при реставрации 1993–2001 годов мы отказались от уродующих памятник мероприятий, таких как штукатурка поверхностей и широкая расшивка кладки.

Учитывая крайнюю важность геолого-гидрологических условий района, мы еще в 1996 году заказали комплексное геологическое обследование территории монастыря. В заключении этого документа, составленного экспедицией профессора В. Н. Дублянского, говорится, что местность отличается сложностью инженерно-геологических условий, определяемых естественными и техногенными причинами. В связи с этим необходимо постоянно следить за исправностью дренажной системы, водоводов, чистотой колодцев и водосборных лотков, прочностью имеющих подпорных стен¹.

Вместо проведения перечисленных работ кладка на некоторых участках монастыря Сурб Хач была укреплена жестким бетонным раствором, противопоказанным средневековым строениям из мягкого, легко разрушающегося камня. Сравнены с землей большие участки в окружении ансамбля, в том числе две средние садовые террасы, с удалением остатков подпорных стен. Для выполнения этих работ за тумбами верхнего и нижнего фонтанов тяжелой техникой убран косогор, открыт путь для ее прохождения — с нарушением культурного слоя и линий водоснабжения².

¹ Дублянский В. Н., Мельникова Е. Н., Кондратьева В. Ю. Комплексное геологическое обследование района монастыря Сурб-Хач / Министерство образования Украины. Симферопольский Государственный университет им. М. В. Фрунзе. Карстовая комиссия НАН Украины. — Симферополь, 1996. — С. 19.

² Подробно см.: Петросян М. В. Монастырь Сурб Хач и его реставрация в 1992–2001 годах. — С. 40–42.

Власти вновь обратились к Сурб Хачу в конце 2007 года в связи с предстоявшим летом 2008 года празднованием 650-летия монастырского храма. Крымский парламент по представлению КАО принял решение о проведении юбилейных мероприятий, в числе которых было и «завершение реставрационных работ» памятника¹. Рассмотрение этих строительных мероприятий, начавшихся в самом конце 2007 года и контролируемых КАО и Религиозной общиной², не входит в задачи настоящей монографии, поскольку авторы не имели к ним заметного отношения. Укажем только некоординированное участие нескольких коллективов, а также формальный контроль со стороны специализированных ведомств. Поэтому неудивительно, что в ходе работ, проведенных наспех (за 6 месяцев, включая и довольно суровый в Крымских горах зимний период), были допущены серьезные технологические нарушения и искажения исторического облика памятника, в связи с чем ряд его участков снова нуждается в восстановлении. Это в первую очередь касается кровель церкви и гавита, которые уже спустя 5 лет начали обрушаться, равно как и «свежего» пола церкви с характерными следами от режущего станка.

С декабря 2009 года в монастыре Сурб Хач действует Крымский викариат ранее Украинской, а ныне Российской епархии Армянской апостольской церкви. В 2010–2011 годах настоятелем и викарием иеромонахом Айриком Ованнисяном южнее комплекса сооружена открытая кухня-трапезная для посетителей. Нижнее пространство между контрфорсами на северо-западе занял ларек для продажи сувениров. Обе постройки выполнены в строительном духе монастыря. В 2016 году стараниями викария иеромонаха Мхитара Григоряна над зданием келий установлена крыша по образу изначальной (двускатная, из керамической черепицы). В 2017 году федеральными властями финансирована замена аварийной крыши церкви. Камень новой кровли привезен из Армении, откуда приглашены и мастера, установившие ее.

¹ Лучистая А. Реанимировать памятники — славу и гордость Крыма // Крымские известия. — № 95 (3814). — Симферополь, 2007. — С. 2.

² В качестве заказчика на этот раз выступил Рескомитет по делам национальностей и депортированных граждан АРК. Подрядчиком стала Крымская комплексная архитектурно-реставрационная мастерская «Укрпроектреставрация» (директор Ш. У. Халилов).

ПАМЯТНИКИ ЖИВОПИСИ И ЭПИГРАФИКИ

Памятники эпиграфики, в частности литографии, занимают чрезвычайно важное место в исследовании истории и архитектуры монастыря Сурб Хач. Но прежде, чем перейти к рассмотрению всего корпуса этих источников, отметим еще одну их функцию — декоративную и в дополнение этой темы несколько подробнее обратимся к другому рода составляющим убранства — росписям.

Итак, некоторые из литографий монастыря Сурб Хач выполняют в том числе и украшающую функцию, проникая в состав декора в виде резных элементов, что весьма существенно для подчеркнута скромного облика сооружений ансамбля. Таковыми являются надписи на портале храма, пилястре трапезной и в верхней части портала, ведущего в малый дворик. Но показательна в этом отношении главная надпись, вытесанная на куполе храма Святого Знамени — наиболее оживленном по отделке звене монастыря. Обегая периметр барабана под карнизом, она производит впечатление резной ленты с причудливым узором.

Помимо нарядно оформленного купола в состав наружного декора храма входят резной портал, два хачкара — в восточном и западном щипцах, а также слабо профилированный венчающий карниз. Убранство интерьера включает в себя резную купель, украшенное «хороводом» миниатюрных рельефных арок подкупольное кольцо, сталактитовые пояса на пилястрах и устоях. Кроме элементов орнаментальной резьбы в оформлении храма использованы и две росписи. Одна из них когда-то располагалась на конхе алтарной апсиды и оживляла атмосферу интерьера. Она утрачена. Вторая, украшающая портал, фактически, находится в составе наружного декора. Эта роспись помещена над дверным проемом, внутри глубокой ниши

со стрельчатым верхом, и изображает композицию «Богоматерь с младенцем»¹. На верхней и боковых стенках ниши выступают лики святых и херувимов. Живопись этого участка с преобладанием красноватых оттенков считается сравнительно ранней, даже равной церкви по возрасту². Возможно, основанием для столь серьезного предположения послужили данные источников XIX века, в которых изображение «Богоматерь с младенцем» характеризуется как «старинное»³. В настоящее время оно размыто, покрыто копотью и грязью, поэтому разглядеть его трудно. Целостному восприятию памятника препятствует также шелушение красочного и штукатурного слоев⁴.

Роспись, которая украшала конху алтарной апсиды, была написана в коричнево-зеленоватых тонах и представляла композицию «Деисус» (Моление). В центре с раскрытой книгой в руках восседал на троне Христос. Слева от него стояла Богоматерь,

Композиция «Деисус» на конхе алтарной апсиды. Фото середины XX века.

¹ **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму. — С. 177–179; **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. — С. 16–17.

² **Домбровский О., Сидоренко В.** Солхат и Сурб Хач. — С. 106.

³ **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 11.

⁴ **Домбровский О. И.** Фрески средневекового Крыма. — С. 76.

справа — Иоанн Креститель. В четырех сторонах от трона были символические изображения евангелистов: бык, орел, лев и ангел. Стилизованный трон Христа, равно как и две длинные подушки (?) на нем, которые выступают своими заостренными окончаниями, были выполнены в примитивной линейной манере¹.

Роспись покрывала всю конху центральной апсиды, оставив под грунтовкой и красочным слоем медальон со Святым Агнцем. Можно не сомневаться, что изначального намерения покрыть конху росписью не было² и композиция «Деисус» появилась на ней гораздо позже. По поводу датировки этого памятника Э. Корхмазян писала: «Мягкие нежные тона красок и образы персонажей росписи напоминают миниатюры Григора Сукиасанца³. Однако манера художника, исполнившего росписи, менее живописна, движения персонажей более скованны. Впрочем, судить о ней сейчас трудно, так как росписи позднее обновились. Благодаря обильному осыпанию вторичного слоя, местами обнаружены фрагменты старой живописи, несомненно, более благородного колорита и рисунка»⁴.

Есть и более конкретные датировки этого памятника, относящие его к XVIII веку⁵. А вот нижнего, более раннего, слоя так и обнаружено не было.

Из-за пришедшей в негодность крыши росписи церкви Сурб Ншан сильно пострадали в 80-х годах XX века. Совсем недавно композиция «Деисус» была еще видна фрагментарно, сегодня — полностью стерта. Ее разрушению способствовала и неправильная технология исполнения: «В конхе алтаря по гладкой, как полированный мрамор, штукатурке не то темперой, не

¹ Описание росписей монастыря Сурб Хач см. также: **Домбровский О. И.** Фрески средневекового Крыма. — С. 74–76; **Петросян М., Саргсян Т.** Сурб Хач. — С. 76.

² **Домбровский О., Сидоренко В.** Солхат и Сурб Хач. — С. 107–108.

³ Известный крымский армянский писец и миниатюрист XIV века.

⁴ **Корхмазян Э. М.** Армянская миниатюра Крыма. — С. 107.

⁵ Отчет об исследовании росписей из монастыря Сурб Хач, составленный сотрудниками Киевского специального научно-реставрационного производственного управления / Государственный комитет по охране культурного наследия РК; **Домбровский О., Сидоренко В.** Солхат и Сурб Хач. — С. 106–108.

то масляной краской нанесена роспись, которая плохо связалась с гладкой основой, легко от нее отстает и сильно шелушится. Подобной технической черты уже достаточно, чтобы отнести живопись к более позднему времени — быть может, к XVIII веку. Однако и сюжет, и манера исполнения достаточно архаичны»¹.

На основании письменных источников можно утверждать, что композиция «Деисус» появилась еще более поздно — в начале XX столетия. Дело в том, что упоминания этого монументально-

Изображение букета из полевых цветов на северной стене центральной апсиды. Фото 1995 года.

го произведения мы не встречаем в описаниях XIX века. Даже Х. Степанэ, наиболее скрупулезный автор этого периода, ничего не сообщает о нем, хотя подробнейшим образом описывает другие росписи в церкви Святого Знамения: «По части художественного оформления интересна композиция «Причащения» в храме, поскольку среди столовой посуды виднеются вилки и ножи, а также по части продуктов: видны подходящие на зелень длинные, протянутые изображения»². Упомянутая композиция, досадным

¹ **Домбровский О., Сидоренко В.** Солхат и Сурб Хач. — С. 107–108. В своей предыдущей работе О. Домбровский придерживался более ранней датировки росписей монастыря Сурб Хач (см.: **Домбровский О. И.** Фрески средневекового Крыма. — С. 76).

² **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 17–18.

образом не дошедшая до наших дней, имела надпись: «Изображение суть память о магдуси Анане. Лета 1843»¹. Несколько ранее аналогичные сведения по этой росписи с надписью привел В. Смирнов: «Замечательна также картина «Тайная вечеря» по своей художественной композиции, ибо в числе столовой утвари видны вилки и ножи, а также и по самим предметам потребления, каковы длинненькие и продолговатые предметы вроде овощей. На картине есть надпись, гласящая о том, что «картина эта (пожертвована, должно быть) в память покойного Анан Матеса». Есть и дата 1833 года, но картина на вид гораздо старее, хоть и не древность»².

Росписи имелись и на арке, возвышающейся над алтарной апсидой, под самым потолком. Это шесть изображений, одно из которых — голубь³. По мнению Х. Степанэ, роспись была древняя, даже единовременная с церковью⁴. В 2007 году, в ходе восстановительных работ последней, эти изображения частично открылись. Еще раньше, в 1995 году, во время расчистки церковных стен от грязи и черно-красных записей вандалов, на северной стене центральной апсиды открылось изображение миниатюрного букета (30 x 35 см) из полевых цветов. Тогда же на южной грани северо-западного устоя, поддерживающего купол, открылся еле заметный абрис композиции «Распятие» (50 x 30 см). Последние два фрагмента утрачены в 2008 году.

Согласно Г. Спасскому, живопись имелась и на дверях приделов, открывавшихся со стороны центрального алтаря. На левой двери⁵ был изображен Святой Григорий Просветитель, а на правой — Святой Николай⁶. Чуть позднее остатки этих изображений увидел Х. Степанэ, но двери уже были сняты со своих мест:

¹ Там же.

² Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года. — С. 287. Прочтение надписи Х. Степанэ более убедительно, но, тем не менее, уточнить, какая из указанных двух дат верная, не удастся.

³ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 17.

⁴ Там же.

⁵ Надо полагать, речь идет о южной двери, поскольку и М. Бжишкян, и Х. Степанэ всегда позиционирует себя обращенными лицом в сторону молитвенного зала.

⁶ Спасский Г. Старый Крым. — С. 102.

Двери храма. Экспонируются в Феодосийском музее древностей.

«На хорах гавита, откуда ныне бьют в колокол, стоят две двери, должно быть, прежние двери на алтаре. Хотя краска стерлась, но по сохранившимся признакам видно, что на них имелись изображения. Двери, должно быть, очень старинные»¹. Дальнейшая судьба этих памятников неизвестна.

Что касается входных двустворчатых дверей «во храм», то они изготовлены из орехового дерева, богато украшены резьбой (сплошным растительным узорочьем и взятыми в круг равноконечными крестами) и ныне экспонируются в Феодосийском музее древностей. Двери относятся к XIX веку и по сложности орнаментов, равно как и искусности выполнения резьбы лицевого полотна, значительно уступают старинным двустворчатым дверям армянских церквей Феодосии, древнейшие из которых изготовлены в 1330 году².

А теперь вернемся к памятникам эпиграфики монастыря Сурб Хач. Кроме приведенных в тексте четырех основных строительных надписей (оригинальные тексты и подробности см. здесь, № 1, 2, 3, 4) на стенах монастырских сооружений присутствуют аналогичного рода многочисленные памятники XIV–XIX веков, имеющие напоминальное, поклонное, дарственное и мемориальное содержания.

Большинство напоминальных надписей приписано к крестам-предстателям, которые призваны заступиться за усопшего, напомнить о нем, чтобы душа его спаслась и удостоилась Небесного царствия. Таких надписей около десятка. Надписи поклонного характера оставлены паломниками, пришедшими на поклон Сурб Хачу. Их — девять. Дарственные надписи обычно свидетельствуют о преподнесении в дар духовному центру церковной утвари, дверей, картин, малых архитектурных форм, а также собственного труда в качестве строителя, восстановителя-обновителя, пова-

¹ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 17.

² Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года. — С. 286. Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. — С. 51–52. Двери 1330 года хранятся в Феодосийском музее древностей, а двери 1371 года — в Эрмитаже. Есть предположение, что все они изготовлены по старинным образцам, привезенным из Армении в ранние периоды миграции.

Портал храма Святого Знамения в 1992 году.

ра, земледельца и так далее. Цель — милость Божья для земного благополучия и уостаивания вечной жизни на небесах. Ныне подобного содержания надписей в Сурб Хаче три¹. В XIX веке их было много на предметах церковной утвари, но судьба последних неизвестна. Полный список этих предметов вместе с имевшимися на них надписями приводит Х. Степанэ². Мемориальные надписи либо представляют собой имя и дату, либо упоминают некое значимое событие — крещение, посвящение и так далее. Таких надписей в нашей коллекции десять.

Надписи высечены как на оштукатуренных, так и на тесаных поверхностях монастырских сооружений. Причем штукатурка в церкви и в гавите многократно обновлялась, по причине чего древние надписи, помещенные на нижних ее слоях, остались под более поздними покрытиями.

Большое количество надписей сохранилось на портале церкви. Последние в XIX веке были покрыты штукатуркой, что вызвало возмущение Х. Степанэ: *«По обе стороны двери имеются украшенные орнаментами мраморные [= отшлифованные] колонны, а также хачкары, но при правлении какого невежи эти памятники древности были покрыты толстым слоем штукатурки, не знаю»*³. Часть этих хачкаров и надписей была освобождена от штукатурки самим Х. Степанэ. В 1980 году археологической экспедицией под руководством В. А. Сидоренко и А. Г. Герцена продолжены работы по расчистке интерьеров церкви и гавита. В итоге у входа в церковь было открыто несколько довольно интересных эпиграфических памятников, в том числе и надпись 1401 года в гавите. Новые надписи найдены здесь и во время восстановительных работ 1995 года, но сохранившиеся кое-где твердые остатки штукатурки еще создают трудности для прочтения и расшифровки этих текстов, а порой делают это невозможным.

Армянские церковнослужители Крыма, равно как и побывавшие на полуострове армяне, на территории монастыря Сурб Хач

¹ Одна из них, высеченная на каменном блоке, ныне хранится в Старокрымском литературно-художественном музее (см.: здесь, № 35).

² Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 14–18.

³ Там же. — С. 11.

видели и записывали надписи, которых уже нет на месте. В частности, не сохранились упомянутые А. Сурхатяном надгробия с эпитафиями, расположенные на паперти, севернее входа в гавит¹. Их было три, среди которых и могильная плита известного церковного деятеля XIX века Манвела Гюмушханеци. Два других надгробия были установлены на могилах вардапета Петрося (1701 год) и епископа Георга (1847 год). Бесследно пропали многочисленные мраморные хачкары с надписями, вставленные в стены гавита изнутри. Неизвестна судьба литографий, обнаруженных в XIX веке в различных сооружениях монастыря, а также тех, которые были закреплены на ограждении, разделяющем монастырские дворики. Благо, часть этих памятников, обладавших качествами важных письменных источников, в свое время была опубликована и таким образом дошла до нас.

В 1996 году увидел свет VII выпуск цикла «Свод армянских надписей», в который составитель Гр. Григорян включил надписи, находящиеся на территории Украины и Молдовы. В этот выпуск вошли 15 литографий из монастыря Сурб Хач, в том числе главные строительные надписи с необходимыми поправками. Помимо этого, в Своде свое место нашли утраченные надписи, равно как и надписи, высеченные на предметах церковной утвари².

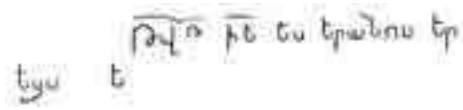
Коллекция армянских надписей из монастыря Сурб Хач была пополнена в 1998 году за счет публикации новых памятников эпиграфики, выявленных при очистительных и восстановительных работах, проведенных в 1995–1996 годах³.

Надписи (граффити) обнаружены в церкви и в ходе последнего обновления монастыря, начатого в конце 2007 года. Наиболее интересными являются две из них. Первая — двухстрочная надпись, датированная 1576 годом. Она находится в церкви, на западной грани северного устоя:

¹ Один из них виден на фотографии 2 из книги А. Л. Якобсона и Ю. А. Таманяна «Армянская архитектура в Крыму».

² Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 101–111.

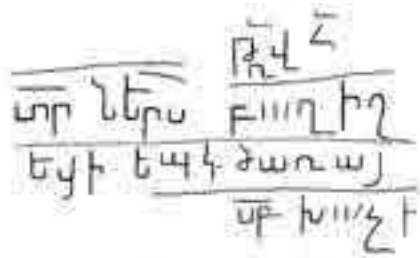
³ Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. — С. 94–109; Саргсян Т. Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи. — С. 321–322.

ԹՎ[ԻՆ] ՌԻԵ [= 1576] ԵՄ՝ ԵՐԱՆՈՍ ԵՐ-
ԵՅՍ, Ե[ԿԻ ԵՐԿՐՊԱԳՈՒԹԵԱՆ]:

«В год 1025 [= 1576] я, иерей Еранос, пришел (?) на поклонение (?)»¹.

Вторая датирована 1621 годом. Это четырехстрочная надпись, которая находится ниже предыдущей:

ԹՎ[ԻՆ] ՌՀ [= 1621]:
Տ[Է]Ր ՆԵՐՍԵՍԻ ԲԱԳԻՇ-
ԵՅԻ ԵՊ[ԻՍ]Կ[ՈՊՈՍ]՝ ԾԱՌԱՅ
Ս[ՈՒՐԴ]Բ ԽԱՉԻ[Ն]:

«Год 1070 [= 1621]. Епископ тэр Нерсес Багишеци – слуга Святого Креста»².

Еще одна надпись открылась на портале южного зала трапезной. Вправо от входного проема на наличнике читается имя Միմառնի – Симавон.

Перед тем как представить остальные памятники эпиграфики из монастыря Сурб Хач, отметим, что кроме них на стенах церкви, гавита и трапезной имеются небольшие, еле заметные надписи-граффити XVII–XVIII веков. Они не попали в настоящее издание, поскольку в целом не обладают источниковой важностью. Подчеркнем также, что все надписи ниже в той же последовательности уже приведены в нашей монографии «Крым: монастырь Сурб Хач» (Симферополь, 2008), в связи с чем в сносках эту работу отметим лишь при необходимости.

¹ Публикацию см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Крым: монастырь Сурб Хач. – С. 100.

² Там же.

Основные строительные надписи

1. Стихотворная надпись под карнизом купола:

ՓԱՌԱՅ ՏԱՃԱՐՍ ԱՂՍՏՈՒԱՅՍԱՅԻՆ՝	ԵՒ ՅԻՍՈՒՆ ՍԿՍԵԱԼ ԱՄԻՆ [= 1358]
ԵՐԿՐԻ ԴՐԱԽՏ ԿԵՆԱՅ ՓԱՅՏԻՆ,	ԿԱՆԳՆԵԱԼ ՅԱՆՈՒՆ Ս[ՈՒՐԴ]Բ ՆՇԱՆԻՆ,
ՈՐ Է ՊԱՏԿԵՐ ԵՐԿՆԻՅ ԿԵՐԻՆ	ՍՍՏԱՐՈՒԹԵԱՄԲ ԻՒՐ ԾԱՌԱՅԻՆ՝
ԵՒ ԵՌԱՆՁՆԵԱՆՆ ԿԱՅԱՆԻՆ,	ՅՈՎՀԱՆՆԻՍԻ ԿՐԱԻՆԱԻՈՐԻՆ,
Ի ԾՆՆԴԵՆԷ ՄԱՐՄՆՈՎ ՓՐԿՉԻՆ	ԵՒ ՀԱՐԱՋԱՏ ԵՂԲԱՐՅ ՆՈՐԻՆ,
ՅԵՐԵԲ ՀԱՐԻԻՐ ԵՒ ՀԱՋԱՐԻՆ ՅՈՒԹ	ԵՒ ՐՍ ՈԳԻՈՅ ՈՐԴԻՈՅ ԲՆԱԻՆ:

«Храм славы Божьей, / Земной рай у древа жизни, / Который относится к горнему небу / И обиталищу Триличного, / От рождения во плоти Спасителя / В тысяча и трехсот / Пятьдесят и восьмом году начатый, / Воздвигнут во имя Святого Знамени, / При поддержке служителя своего / Ованэса инок, / И родных братьев его, / И всех сынов по духу»¹.

Небезынтересно, что текст надписи приведен также в одном рукописном Сборнике, созданном в 1369 году в Кафе, – на листе, вложенном позднее². Он присутствует и в конце похвальной

¹ Армянский текст надписи впервые был опубликован М. Бжишкяном (Путешествие в Польшу... – С. 324), но с неверной расшифровкой даты: вместо года 1358 он прочел 1338. Видимо, автора ввело в заблуждение упоминание Сурб Хача в знакомых ему источниках 1347–1348 годов, к которым мы обратились выше. Впоследствии ошибочное чтение даты повторили и другие исследователи. (см.: **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. С. 4–5; **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. – Ч. 2. – С. 157). Два русских перевода надписи также вышли в свет без каких-либо исправлений. (см.: Армянские древности Таврического полуострова. – С. 448; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи... – С. 40 (№ 25), собственно, из-за чего неверная дата проникла во многие труды. Правильную расшифровку надписи см.: **Мнацаканян А. Ш.** Незабываемые памятники; **Таманян Ю. А.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 62; **Григорян Гр.** Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. – С. 298; Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 103 (№ 206); **Сагумян С. Т., Енгоян А. М.** Эпиграфические уточнения. – С. 74.

² См.: Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба (на арм. яз.) / Сост. Н. Погареан. – Т. 6. – Иерусалим, 1972. – С. 347 (Книгохранилище монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. – Рукопись 1912. – Л. 665).

поэмы 1676 года, озаглавленной «[Песнь] о монастыре Сурб Хач Крыма, сказанная епископом Варданом»¹.

2. Однострочная надпись на тимпане из камня-ракушечника, венчающем центральный вход в монастырь. Читается фрагментарно. Целостный текст сохранился в публикациях:

ՅԻՇԱՏԱԿ Է ԴՈՒՌՍ ՄԱՀՏԵՍԻ
ՍԱՐԳՍԻՆ. ԹՎԻՆ: ՌՃԼԵ [= 1686]:

«Врата суть память о магдуси Саргисе. Лета 1135 [= 1686]»².

3. Пятистрочная надпись над входом в обитель, на блоке из камня-песчаника:

ԱՄՏՈՒԾՈՂՎ ՇԻՆԵՑԱԻ ՊԱՐԻՍՊՍ ԱՐՏԱՔԻՆ՝ ԳԵՂԵՅԻԿ
ԽՅԵՐՕՔ ՎԵՐԻՆ ԵՎ ՆԵՐՔԻՆ,
ՀԱԶԱՐ ՀԱՐԻԻՐ ՔԱՌԱՍՈՒՆ ԹԻՒՆ ԸՆԴ ԵՐԵՔԻՆ [= 1694] Ի
ՓԱՌՍ ԵՒ ՎԱՅԵԼ ՍՐԲՈՅ ՆՇԱ-
ՆԻՆ. ՏԻՆԱ ԴՈՒ ԶՅԻՇԱՏԱԿՍ ԵՒ ՏՈՒՐ ԶՈՂՈՐՄԻՆ ՅԱԿՈՒԲ
ՊԻՏԱԿ ՊԵՏԻՆ
ԸՆԴ ԱՀԼ [ՀԱՅԵԼ?] ՀԱԻՏԻՆ ՆԱԵԻ ԱՇԽԱՏՈ-
ՂԱՅՆ, ՀՈԳՈՎ ՀԱՄԱՅՆԻՆ:

«С Божьей [помощью] построена стена наружная, с благопристойными кельями верхними и нижними, в тысяча сто сорок третьем году [= 1694] во славу и [в] пользование Святому Знамению. Воздайте память и просите милости (для) лженачальника Акоба, паству блюдущего, также (для) трудившихся [и] всех по духу»³.

¹ См.: Матенадаран им. Местропа Маштоца. — Рукопись 1636. — Л. 119–119 об.

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... — С. 324; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 8; **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. — Ч. 2. — С. 152; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи... — С. 40 (№ 26); Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 107 (№ 223).

³ Надпись неоднократно издавалась, в том числе и на русском языке, но настоящий перевод ближе к тексту оригинала. Подлинник впер-

4. Левее (восточнее) предыдущей надписи, на мраморной плите, вставленной в каменное ограждение, отделяющее атриум от малого дворика, 12 строк:

ՈՂՈՐՄՈՒԹ[ԵԱՄ]ԲՆ Ա[ՄՏՈՒԾՈՂ]Յ ՎԵՐՍՏԻՆ ՆՈՐՈԳԵՑԱԻ
Ս[ՈՒՐ]Բ ԽԱԶ ՎԱՆՔՍ

ԳԵՂԵՅԿԱՅՕՐԻՆԵԱԼ ԹԷ ՏԱՃԱՐՆ ԵՒ ԹԷ ԱՐՏԱՔԻՆ ՍՐԱՀՔՆ՝
ՊԱՐԸՍ-

ՊԱԻՆ ՊԱՐԱԳԱՅԻՔ, ՈՐ Է ԱԹՈՌ ԲՈԼՈՐ ԿՂԶՈՅՍ Լ[ՈՒ]Ս[Ա]
Ի[ՈՂ]ՐԶԱԴԱԻԱՆ ԱԶ-

ԳԻՍ. ՅԱՅՍ[ԻՆՔՆ] ԿԱՖԱՅՈՒ, ՂԱՐԱՍՈՒՅՈՒ, ՊԱՂԶԱՍԱ-
ՐԱՅՈՒ, ԿԵՕԶԼԷՎԷՅՈՒ, ԲՈԼՈՐ

ԳԻԻՂՕՐԷԻՔՆ՝ Հ[Ա]ՆԴ[Ե]ՐԶ ՂԱԻՇԱՆԱԻՆ, ԸՆԴ ՆՄԻՆ
ՈՒՌՈՒՄԵԼԵԱԻՆ, ՈՐՔ ԵՂԵՆ

ՁԵՆՆՏՈՒ ԲԱՐԵՊԱՇՏՕՐԷՆ ՁԵՐՄԵՌԱՆԴ ՍԻՐՈՎ, ԱՐՔ ԵՒ
ԿԱՆԱՅՔ, ՈՂՈՐ-

ՍՈՒԹ[ԵԱՄ]Բ Ի ԺԱՄԱՆԱԿՆ ԱՌ[Ա]ԶՆ[ՈՂ]ՐԴՈՒԹ[ԵԱ]Ն
ՅԱԴԱՍԱՅ ԱՐՔԵՊ[Ի]ՍԿ[ՈՂ]ՈՍԻ ԿՂԶՈՅՍ (ՈՐ ԷՐ

ԱՇ[Ա]Կ[Ե]ՐՏ Յ[ՈՂ]Հ[Ա]ՆՆՈՒ՝ Պ[Ա]ՏՐ[ԻԱՐ]ԳԻ Կ[ՈՂ]ՍՏ[Ա]
ՆԴԻՆ[ՈՒ]Պ[ՈՂ]Ս[ՈՂ]Յ ԲԱՂԻՇԵՅՈՅ), ՈՐ ԵՂԵԻ ՀՈԳԱԲԱՐ-

ՁՈՒ ԵՒ ՊԱՏՃ[Ա]Ռ ՇԻՆՈՒԹ[ԵԱՆ] ԲԱԶՄԱԴԻՄԻ
ԱՇԽԱՏՈՒԹ[ԵԱՄԲ] Վ[Ա]Ս[Ն] ԻԻՐՈՅ ՀՈԳՈՅՆ ԵՎ

вые был опубликован М. Бжишкяном, но с неверной расшифровкой даты. Автор прочел ее как «1171 год» Армянского летоисчисления и при переводе на нашу эру ошибочно получил 1719 год (см.: Путешествие в Польшу... — С. 325; см. также: **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. — Ч. 2. — С. 153; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 8). Позднее неверно расшифрованная дата проникла и в русский перевод (см.: Армянские древности Таврического полуострова. — С. 449), что стало причиной ее распространения во многих трудах. На самом деле указанная в надписи дата — «1143 год», который соответствует 1694 году современного летоисчисления. Мы настаиваем на ней, основываясь как на собственном чтении надписи, так и на мнении известных эпиграфистов Хр. Кучук-Иоаннесова и Гр. Григоряна (см., соответственно: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 101 (№ 3); Старинные армянские надписи и старинные рукописи... — С. 41 (№ 30) (текст приведен частично); Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 103–104 (№ 207).

ՆԱԽՆԵԱՑՆ: ԵՎ ԵՂԵԻ ՆԵՐԹ... ՈՋ ՓՐԿՉԻՆ ՄԵՐՈՅ 1751, ԻՍԿ ԸՍ[Տ] ՀԱՅՈՅ ՌՄ [1200]:

ՈՎ Բ[Ա]Ր[Ե]Պ[Ա]ՇՏ[Օ]ՆՔ, Ի ՅԸՆԹԵՌՆՈՒԼ Զ[Ա]ՐԶ[Ա]Ն[Ա] Գ[Ի]ՐՍ ՅԻՇԷՅԷՔ ՄԻՈՎ ՀԱՅ...

Ի ՎԵՐՈ ԳՐԵՅԵԱԼ Բ[Ա]Ր[Ե]Պ[Ա]ՇՏ[Օ]ՆՔՆ ԵԻ ԱՅՑԵԼՈՒ Ս[Ր] ԲՈՅ ՏԱՆՍ՝ ՅԱՂԱՍ ԵԻԵԹ ԱԲԵՂԱՅ:

«Милостью Бога вновь обновлен монастырь Сурб Хач: благодидными стали как храм, так и мирские залы, окруженные стеной. Он является престолом всех прихожан просветительского толка острова этого, а именно: Кафы, Карасу, Пахджасарая, Кеозлева, всех селений, включая и Каушан, в том числе и Урумелии, которые — мужи и жены — радетельной любовью благодетельно помогли милостью [при обновлении монастыря] в пору предводительства Адама, архиепископа острова, бывшего учеником Иоанна Багишечи — патриарха Константинополя, который [= Адам] позаботился и предпринял многосторонние строительные работы ради души своей и [душ] предков. И было [это] в год Спасителя нашего 1751, а по Армянскому [летоисчислению] — 1200. О достопочтенные, при чтении надписи хоть одним «Отче наш» помяните вышеозначенных благодетелей и надзирателя святого дома — Адама, заурядного чернеца»¹.

¹ Мраморная плита с надписью обрамлена прямоугольной резной рамой, выполненной из известняка. Причем мелкий рельефный орнамент, украшающий раму, напоминает мотив, использованный в декоре сильно выветрившейся рамы на западном фасаде трапезной.

Надпись впервые опубликована М. Бжишкяном, но без последних двух строчек (см.: Путешествие в Польшу... — С. 325; см. также: **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. — Ч. 2. — С. 153–154; Армянские древности Таврического полуострова. — С. 449; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 5–6; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи... — С. 41–42). Полный ее текст впервые был опубликован А. Сурхатяном (Армянский монастырь Крыма. — С. 71–72), а окончательный и уточненный вариант — Гр. Григоряном (Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 107 (№ 208). Приведенный здесь исправленный русский текст составлен Т. Э. Саргсян.

В церкви Святого Знамени

5. Напротив северо-восточной апсиды, на восточной поверхности северо-западного подкупольного устоя, врезными буквами высечена надпись размером 60 x 20 см:

ԹՎ[ԻՆ]: ՋՀ [= 1521]:
«Лета 970 [= 1521]»¹.

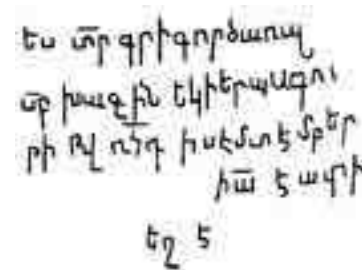
6. На фронте прохода из центральной апсиды в южный придел, врезными буквами:

ԹՎ[ԻՆ] ՌՃՂ-ԻՆ [= 1741] ԵՍ՝ ՊԵՏՐՈՍՍ, ԵՎԻ Ծ[Ա]Ռ[Ա]ՅԵԼ Ս[ՈՒՐ]Բ Խ[Ա]ՉԻՍ:

«Лета 1190 [= 1741] я, Петрос, пришел служить Святому Кресту»².

7. На оштукатуренной поверхности слева от входа, ведущего из центральной апсиды в северный придел, маленькими буквами:

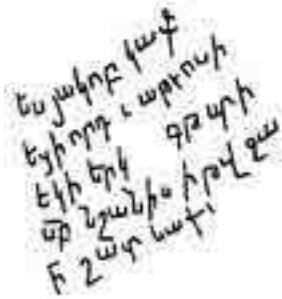
ԵՍ՝ Տ[Է]Ր ԳՐԻԳՈՐ, ԾԱՌԱՅ
Ս[ՈՒՐ]Բ Խ[Ա]ՉԻՆ, ԵՎԻ ԵՐ[Կ]Ր[Պ]Ա Ք[ՈՒ]-
ԹԻ[ԱՆ] ԹՎ[ԻՆ] ՌՉՂ [= 1625]: Ի
ՍԷՍՏԵՄԲԵՐ
ԻԱ[= 21], Է[= 7] ԱԻՐԻ
ԵՂԷ:

¹ Надпись обнаружена в 1995 году. Публикации см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 94–95 (№ 1); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи. — С. 321 (№ 1).

² Публикации см.: Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 107 (№ 221); **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 94–95 (№ 2).

«Я, тэр Григор, слуга святого креста, пришел на поклонение лета 1074 [=1625]. В сентябре 21-го, 7-го дня [недели] было»¹.

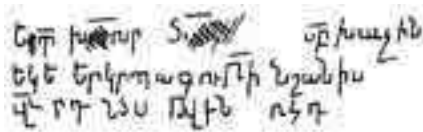
8. Слева от арки того же входа, врезными маленькими буквами:

ԵՄ՝ ՅԱՎՈՒԲ ԿԱՖԵՍԻ -
 ԵՅԻ, ՈՐԴԻԻ ՄԱԹԵՅԻՈՍԻ,
 ԵԿԻ ԵՐԿՐՊԱԳՈՒԹԻՒՆ ԱՐԻ
 ՍՈՒՐԻԲ ԵՆԱՆԻՍ Ի ԹՎԻՆ ԶԱ [= 1452]
 ՅԻՇԱՏԱԿ (?) / / /:

«Я, Акоб Кафеци, сын Матевоса, пришел поклониться Святому Знамению в год 901 [= 1452], в память (?) / / »².

9. Внутри того же входа, справа, маленькими буквами:

ԵՍ՝ ՏԵՂԻ ԽԱԶԱՏՈՒՐ, ԾԱՌԱՅ
 ՍՈՒՐԻԲ ԽԱԶԻՆ,
 ԵԿԵ ԵՐԿՐՊԱԳՈՒԹԻՒՆ ԵՆԱՆԻՍ
 . . . / / / / ԹՎԻՆ ՌԶԴ [= 1625]:

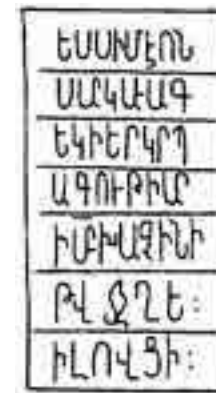
«Я, тэр Хачатур, слуга святого креста, пришел на поклонение Знамению / / / лета 1074 [= 1625]»³.

¹ Эта и последующие две надписи обнаружены в 1995 году. Публикации см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. – С. 94–95 (№ 3); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи. – С. 321 (№ 2).

² Публикации см. там же, соответственно: С. 94–95 (№ 4); С. 321 (№ 3).

³ Публикации см. там же, соответственно: С. 96–97 (№ 5); С. 321 (№ 4).

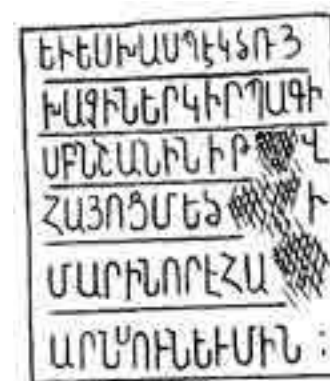
10. На портале церкви, левее входного проема, сверху, врезными буквами:

ԵՄ՝ ՄԻՄԷՆՆ
 ՄԱՐԿԱԽԱԳ,
 ԵԿԻ ԵՐԿՐՊ-
 ԱԳՈՒԹԻՒՆ ԱՐ-
 Ի ՍՈՒՐԻԲ ԽԱԶԻՆ Ի
 ԹՎԻՆ ԶՂԵ [= 1546]:
 ԻԼՈՎՅԻ:

«Я, дьякон Симэон, пришел поклониться Святому Кресту в году 975 [= 1546]. Львовянин»¹².

11. Ниже предыдущей, врезными буквами:

ԵԻ ԵՄ՝ ԽԱՍՊԵԿ, ԾԱՌԱՌԱՅ
 ԽԱԶԻՆ, ԵՐԿՐՊԱԳԻ
 ՍՈՒՐԻԲ ԵՆԱՆԻՆ Ի ԹՎԻՆ
 ՀԱՅՈՑ ՄԵԾ [ՏՈ]Ի-
 ՄԱՐԻՆ, ՈՐ Է ՀԱ[Զ]-
 ԱՐ [ԻՆ]ՆՍՈՒՆ ԵԻ ՄԻՆ [= 1642]:

¹ Упомянутый в надписи дьякон Симэон был уроженцем или же жителем Львова.

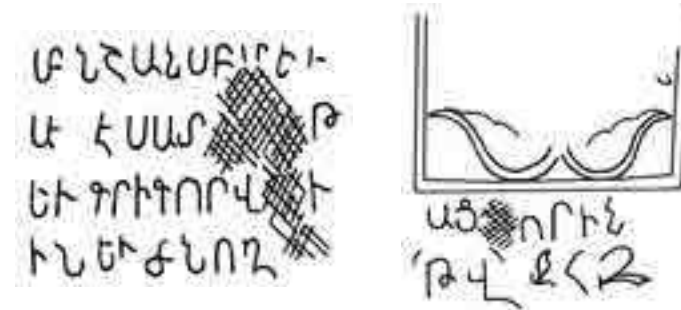
² Надпись взята в прямоугольную врезную раму (23 x 15 см). Публикации см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 105 (№ 209); **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. – С. 96–97 (№ 6).

Надпись Хаспэка 1642 года.

«И я, Хаспэк¹, слуга креста, поклонился Святому Знамению в год тысяча девяносто и первый [= 1642] Армянского большого летоисчисления»².

12. Ниже предыдущей надписи, врезными буквами, приписано к поминальному кресту:

Ս[ՈՒՐ]Բ ՆՇԱՆՍ ԲԱՐԵ[Խ]-
ԱԻ[Ս] Է ՍԱՏ[Ա]Թ[ԻՆ],
ԵՒ ԳՐԻԳՈՐ Վ[ԱՐ]Դ[ԱՊԵՏ]-
ԻՆ, ԵՒ ԾՆՈՂ-

ԱՅ [Ն]ՈՐԻՆ:
ԹՎ[ԻՆ] ՋՀԶ [= 1527]:

«Святое знамение, замолви доброе слово о Сатат(е), и вардапете Григоре, и их родителях. Лета 976 [= 1527]»³.

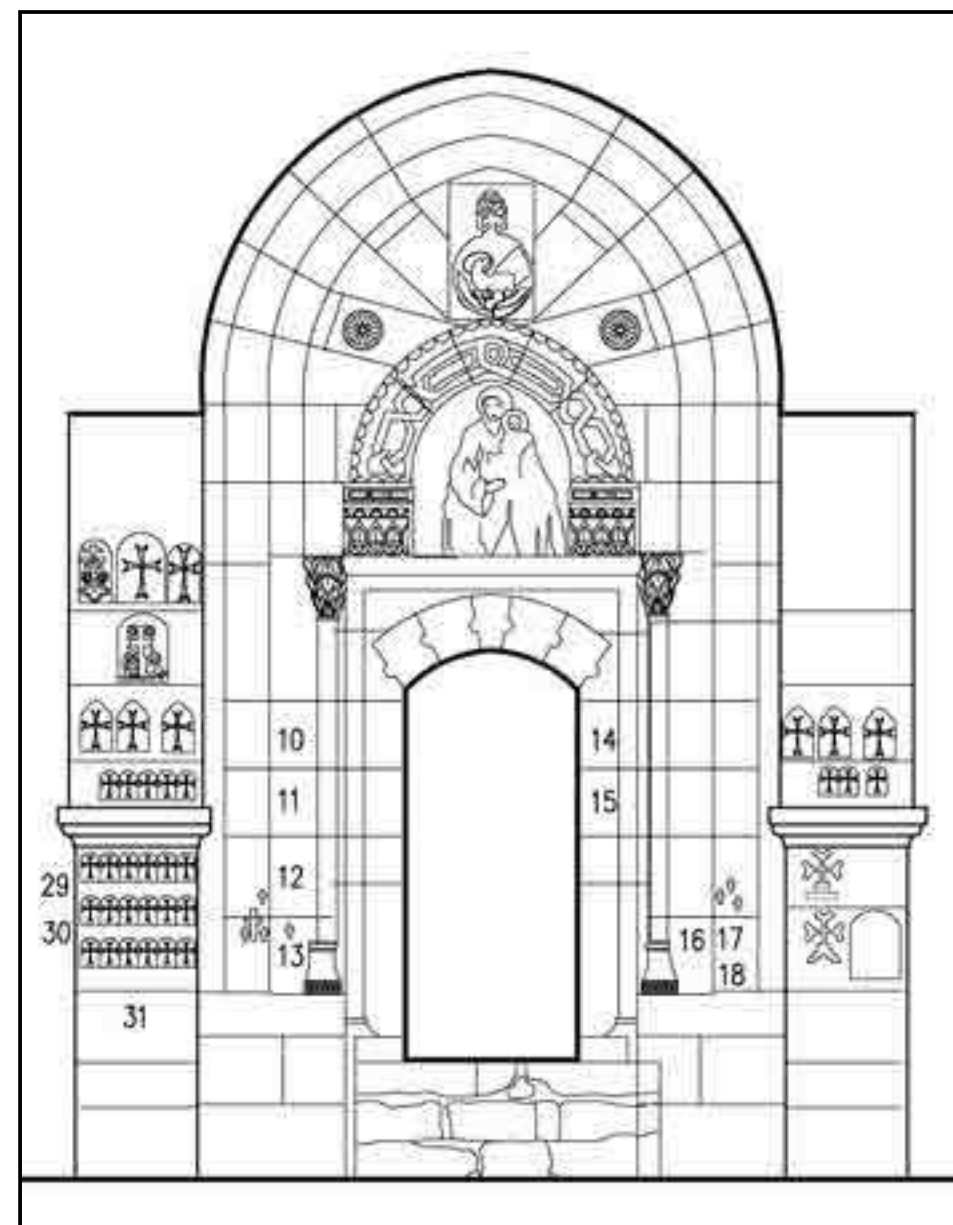
¹ Иерей Хаспек, он же Хачатур Кафаеци, был одним из известных армянских поэтов, писцов и миниатюристов XVII века (см. о нем: **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. — С. 308–310; **Микаелян В. А.** История крымских армян. — С. 119–120).

² Надпись взята в прямоугольную врезную раму (20 x 17 см). Публикации см.: Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 105–106 (№ 213); **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 96–97 (№ 7). Рисунок надписи приведен в статье С. Сагумяна «Криптограммы и вязи в армянских литографиях». — С. 63 (№ 3).

³ Публикации см.: Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 105 (№ 210); **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 98–99 (№ 8).

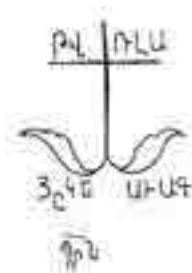
Надпись Сатаг(а) и вардапета Григора 1527 года.

Портал храма Святого Знамения с обозначением мест надписей.

13. Ниже предыдущей, в композиции резного креста:

ԹՎ[ԻՆ]: ՌԼԱ [= 1582]:
Յ[Ի]Շ[ԱՏԱ]ԿԵ ԱԻԱԳ
Պ[Ա]Ր[Ո]Ն[ԻՆ]:

«Лета 1031 [= 1582]. Упомяни господина Авага»¹.

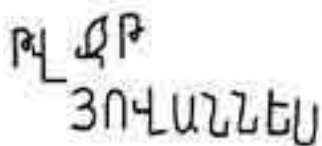
14. На портале церкви, справа от входного проема, сверху:

ԵՍ՝ ԽԱՉՔՈՂ ///
ՊԻ /// ԱՍԻՆՅԻ,
Ե[ԿԻ Ե]ՐԿՐՊԱԳ-
ՈՒԹԻՆ ԱՐԻ
Ս[ՈՒՐ]Բ [Խ]ԱՉԻՆ: Ի ԹՎ[ԻՆ]
ՋՂԵ [= 1546]:

«Я, Хачкод / / / /, пришел, поклонился Святому Кресту в год 995 [= 1546]»².

15. Чуть ниже предыдущей – поверхностная надпись-граффити:

ԹՎ[ԻՆ] ՋԹ [= 1460]:
ՅՈՎԱՆՆԵՍ:

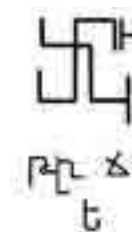
«Лета 909 [= 1460] Ованэс»³.

¹ Публикации см. там же, соответственно: С. 105 (№ 211); С. 98–99 (№ 9).

² Публикации см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. – С. 98–99 (№ 10); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его новоявленные надписи. – С. 321 (№ 5).

³ Публикации см. там же, соответственно: С. 98–99 (№ 11); С. 321 (№ 6).

16. На правой колонке портала, внизу:

ՄԱՆՈՒԿ.
ԹՎ[ԻՆ]: ՌՃ
Ե [= 1656]:
Зашифровано:
«Манук. Лета 1105 [= 1656]»¹.

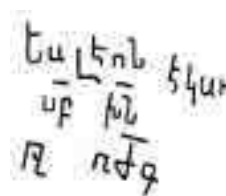
17. Справа от предыдущей, под поминальным крестом, выпуклыми буквами:

ԲԱՐԷ[ԽԱԻՍ]Է Ս[ՈՒՐ]Բ ՆՇ-
ԱՆՍ Յ[ՈՎ]ԱՆՆԷՍ ՎԱՐ-
ԴԱ[ՊԷ]Տ[ԻՆ]: ԹՎ[ԻՆ] ՋԼԶ
[= 1487]:

«Святое знамение, замолви доброе слово о вардапете Ованэсе. Лета 936 [= 1487]»².

18. Ниже предыдущей, справа, маленькими буквами:

ԵՍ՝ ԼԷՈՆ, ԷԿԱԻ
Ս[ՈՒՐ]Բ Խ[ԱՉ]Ն
ԹՎ[ԻՆ]: ՌԺԳ [= 1564]:

«Я, Леон, пришел к Святому Кресту лета 1013 [= 1564]»³.

¹ Публикации см.: Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 107 (№ 220); **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. – С. 98–101 (№ 12).

² Публикации см. там же, соответственно: С. 106 (№ 217); С. 100–101 (№ 13).

³ Публикации см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. – С. 100–101 (№ 14); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его новоявленные надписи. – С. 321 (№ 7).

19. На юго-западной оконной раме, со стороны гавита, маленькими буквами:

ԵՍ՝ ԴԷՄԻՐ,
ԾԱՌԱՅ ՍՈՒՐԴԻ Խ-
ԱԶԻՆ, ԵՎԻ
ԵՐԿՐԴՊԱԳՈՒԻԹԵԱՆ
ԹՎԻՆ: ՌԶ [= 1557]:

«Я, Дэмир, слуга святого креста [= священнослужитель], пришел на поклонение лета 1006 [= 1557]»¹.

20. Ниже предыдущей, под хачкаром. Первые две строки – выпуклыми буквами. Полностью покрытый штукатуркой хачкар расчищен Х. Степанэ². Ныне штукатурка покрывает его фрагментарно, из-за чего третью строчку надписи не удастся прочитать полностью. По мнению эпиграфиста Гр. Григоряна, ее следует расшифровать как «о супруге князя Унда» либо «о княжне Унд»³.

ԿԱՆԳՆԵՑԱԻՒ ՍՈՒՐԴԻ ԽԱ-
ՉՍ ՓՐԿՉԻ ԲԱՐԷԽԱԻՍ Է
ՀՈՒՆԴ ԻՇԽԱՆՆ // // // // :
ՊԾԵ [= 1406]:

«Святой крест Спасителя установлен в заступничество князю Унду / / / 855 [= 1406]»⁴.

¹ Публикации см. там же, соответственно: С. 100–101 (№ 15); С. 321 (№ 8).

² Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 11.

³ Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 106–107 (№ 218).

⁴ Публикации см.: Григорян Гр. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа. – С. 300; Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. – С. 100–101 (№ 16).

21. На хачкаре, вставленном в восточный щипец. Осмотр с близкого расстояния выявил четыре строки текста и позволил внести коррективы в его чтение. Основная часть литографии-вытесана выступающими заглавными буквами, последние две буквы третьей строки и вся четвертая строка – врезными.

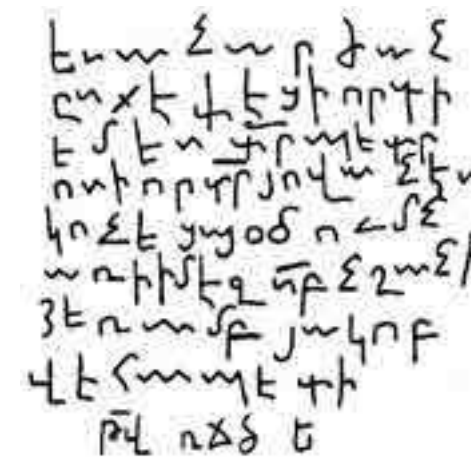

ՍՈՒՐԴԻ ԽԱՉՍ ԱՍՏՈՒԱՅԻՍՈՒՅԻՆՆ
ԲԱՐԷԽՕՍԷ ՍՈՒՐԴԻ ԱԶՈՎ
Դ ԿԵՆԴԱՆԻ // // ԽՍԱ ԿՐԱԻՆԱՎՈՐԻՆ:
ԹՎԻՆ: ՉՂԸ [= 1349]:

«Святой крест божественный, святой десницей своей живой заступись за инока / / / Лета 798 [= 1349]»¹.

В монастырском гавите

22. Граффити из девяти строк внутри западного входа в гавит, по левую сторону на штукатурке, маленькими буквами:

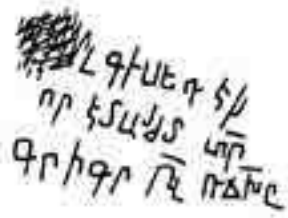

ԵՍ՝ ԱՆԱՐԺԱՆ-
ԸՍ ՔԷՖԷՑԻ, ՈՐԴԻ
ԵՍ ԵՍ ՏԷՐԻ ՊԵՏՐ-
ՈՍԻ, ՈՐ ՏԷՐԻ ՅՈՎԱՆԷՍ
ԿՈՉԵՑԱՅ, ՕԾՈՒՄՆ
ԱՌԻ Ի ՍԷՁ ՍՈՒՐԴԻ ՆՇԱՆԻ
ՁԵՌԱՍԲ ՅԱՎՈՐ
ՎԵՀԱՊԵՏԻ.
ԹՎԻՆ: ՌՃԾԵ [= 1706]:

¹ См.: Сидоренко В. А., Герцен А. Г. Отчет об археологических исследованиях армянского монастыря Сурб-Хач в 1980 г. Прилож. 4. – С. 1. Публикации см.: Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. – С. 102–103 (№ 17); Саргсян Т. Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи. – С. 321 (№ 9).

«Я, недостойный из Кафы, сын тэр Петроса, что тэр Ованэсом зовусь, посвящение получил в [монастыре] Святого Знамени из рук владыки Акоба, лета 1155 [= 1706]»¹.

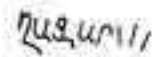
23. Ниже предыдущей надписи, маленькими буквами:

[ԵՄ՝ ՄԵ]ԼԳԻՍԵՂԵԿ,
ՈՐ ԷՄ ԱՅԺՄ Տ[Է]Դ
ԳՐԻԳ[Ո]Ր: ԹՎ[ԻՆ] ՌՃԽԸ [= 1699]:

«Я, Мелкиседэк, что ныне являюсь тэр Григором. Лета 1148 [= 1699]»².

24. Внутри гавита, на западной стене, севернее входа, врезными буквами:

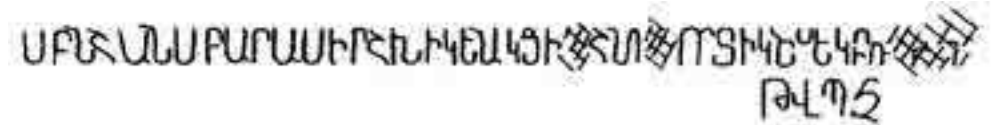
ՂԱԶԱՐ/// Ս[ՈՒՐ]Բ ԽԱԶ:
«Гхазар /// Святой Крест»³.

¹ Надпись неоднократно публиковалась (см.: **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... — С. 324; **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. — Ч. 2. — С. 154; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 10; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи... — С. 41; Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 106 (№ 216); **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 102–103. Во всех перечисленных работах, за исключением последней, дата прочтена как «1701 год». Есть сведение, что надпись была высечена на мраморной плите, установленной в том же месте — внутри гавита, левее западного входа (см.: **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 10), но публикация **М. Бжишкяна**, да и сама надпись, опровергают такую возможность. Ниже находился мраморный хачкар с надписью об утонувшем в море Ованэсе (см. здесь, № 38), которого уже нет на месте.

² Публикации см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 102–103 (№ 19); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи. — С. 321 (№ 10).

³ Очевидно, надпись не была закончена. Публикации см. там же, соответственно: С. 102–105 (№ 20); С. 321 (№ 11).

25. На южной грани северной колонны, под поминальными крестами, врезными буквами:

Ս[ՈՒՐ]Բ ՆՇԱՆՍ ԲԱՐ[ԵԽ]Ա[Ի]ՍԷ ԻՇԽ[Ա]ՆԻ ԿԵՆԱԿՑԻ[Ն]՝
ՇՆՈ[Ֆ]ՈՐ ՏԻԿԻՆՍ. . . / / / / ԹՎ[ԻՆ] ՊՀԶ [= 1427]:

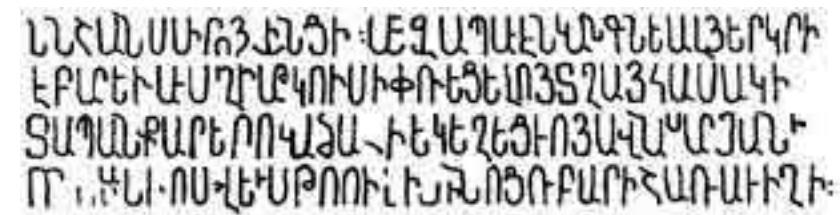
«Святое знамение, заступись за жену Ишхана — госпожу Шнофор / / /. Лета 876 [= 1427]»¹.

26. Ниже предыдущей надписи:

ՊԵՏՐՈՍ. ԹՎ[ԻՆ] ԶՂ [= 1541]:
Зашифровано: «Петрос. Лета 990 [= 1541]»².

27. На западной грани той же колонны, ниже богато декорированных поминальных крестов, врезными буквами высечена четырехстрочная стихотворная надпись:

ՆՇԱՆՍ ՍԻՐՈՅ ԼԻՆՑԻ ՄԵԶ ԱՊԱԻԷՆ ԿԱՆԳՆԵԱԼ ՅԵՐԿՐԻ,
Է ԲԱՐԵԽԱԻՍ ՂԻԱԹԿՈՒՍԻ[Ն], ՓՈԽԵՑԵԼՈՅ ՏՂԱՅ ՀԱՍԱԿԻ:
ՏԱՊԱՆ ՔԱՐԵ . . . . . ԵԿԵՂԵՑԻՈՅ ԱՆՎԱՆՍ ԱՐԺԱՆԻ,
ՈՐ . . . . . ԵԻՍ ԹՈՈՒ . . . ՆՈՅ ՈՒ ԲԱՐԻ ՇԱՌԱԻՂԻ:

¹ Надпись выявлена в 1995 году. Публикации см. там же, соответственно: С. 104–105 (№ 21); С. 322 (№ 12). Имена жителей Сурхата Ишхана и его жены Шнофор встречаются и в одной памятной записи 1375 года (см.: Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7547, — Л. 267 об.; Памятные записи армянских рукописей XIV века. — С. 517–518).

² Публикации см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 104–105 (№ 22); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи. — С. 322 (№ 13).

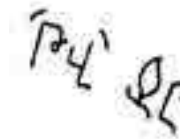

Надпись «Симавон» на портале южного заа трапезной.

«Да будет сей [крест] символом любви к поддержавшей нас стране,

Он суть заступник девы Гхиат, отошедшей в юном возрасте.
Надгробие каменное . . . . достойное названия церкви
. . . . также . . . об их племени и добрых отпрысках»¹.

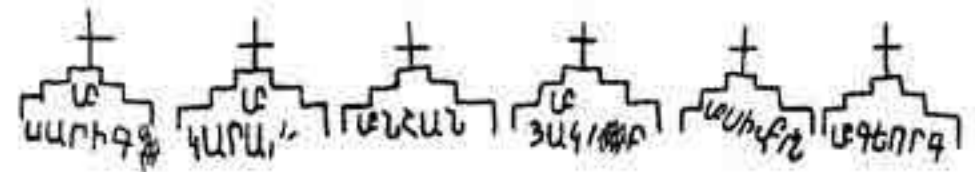
28. На северной поверхности южной колонны, в композиции резного креста:

ԹՎԻ[Ն] ՋԸ [= 1459]:

«Лета 908 [= 1459]»².

29. Левее портала церкви, на пилястре, на пьедесталах шести резных крестов:

Ս[ՈՒՐԴ]Բ ՍԱՐԳԻՍ: Ս[ՈՒՐԴ]Բ ԿԱՐԱՊԵՏ: Ս[ՈՒՐԴ]Բ ՆՇԱՆ:

Ս[ՈՒՐԴ]Բ ՅԱՎՈՂ: Ս[ՈՒՐԴ]Բ ՄԻՄԷՆՆ: Ս[ՈՒՐԴ]Բ ԳԵԻՆՈՐԳ:

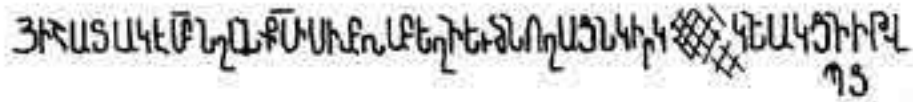
«Святой Саргис. Святой Карапет [Предтеча]. Святое Знамя. Святой Аков. Святой Симэон. Святой Георг»³.

¹ Надпись неплохо сохранилась, но некоторые ее части не читаются. Публикации см.: Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 105 (№ 212); Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. — С. 104–107 (№ 23).

² Публикации см.: Петросян М. В., Саргсян Т. Э. Сурб Хач. — С. 104, 107 (№ 24); Саргсян Т. Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи. — С. 322 (№ 14).

³ Публикации см. там же, соответственно: С. 104, 107 (№ 25); С. 322, (№ 15).

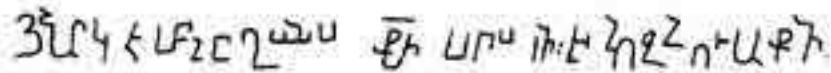
30. Ниже предыдущей надписи, под поминальными крестами:

ՅԻՇԱՏԱԿ Է Ս[ՈՒՐԴ]Բ ՆՇԱՆ Ք[ՐԻՍՏՈ]ՍԻ ՍԻՄԷՈՆ ԱԲԵՂԻՆ ԵՒ ԾՆՈՂԱՅՆ՝ ԿԻՐԿ / / / / [ԿԻՐԿՈՐԻՆ ԵՒ? ԿԻՐԱԿՈՍԻՆ ԵՒ?] ԿԵՆԱԿՑԻՆ. Ի ԹՎ[ԻՆ]: ԴԾ [= 1401]:

«Святое знамение Христа суть память по иеромонаху Симэону и родителям — Кирк / / / / [Киркору и его? Киракосу и его?] жене. Лета 850 [= 1401]»¹.

31. Ниже предыдущей:

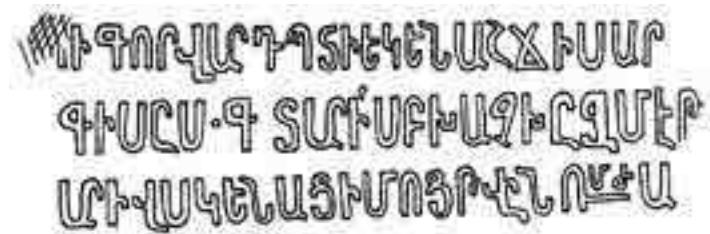

ՅԻՇԱՏ[Ա]Կ Է Ս[ՈՒՐԴ]Բ ՆՇԱՆՍ Ք[ՐԻՍՏՈ]ՍԻ Ս[Ա]ՐԳՍԻՆ ԵՒ ԿՆՈՋՆ [Հ]ՈՒԱՔԻՆ:

«Святое знамение Христа суть память о Саргисе и его жене Овак»².

В монастырской трапезной

32. Трехстрочная надпись с выпуклыми буквами внутри трапезной, на импосте нервюры в центре восточной стены:

¹ Надпись была открыта в 1979 году экспедицией В. Сидоренко (Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб Хач. — С. 8). Публикации см.: Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. — 106 (№ 215); **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 104, 107 (№ 26).

² Публикации см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 104, 107 (№ 27); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововывявленные надписи. — С. 322 (№ 16).

ԵՍ՝ ԳՐԴԳՈՐ ՎԱՐԴ[Ա]Պ[Ե]ՏԻ ԵԿԵՆ ԱՇՃԻ ՍԱՐ- ԳԻՍԸՍ Գ ՏԱՐԻ ԻՂ Ս[ՈՒՐԴ]Բ ԽԱՉ[Ն] ԽՈՉՍԷԹ ԱՐԻ Վ[Ա]Ս[Ն] ԿԵՆԱՑ ԻՍՈՑ. ԹՎԻՆ: ՌՄԺԱ [= 1762]:

«Я, племянник вардапета Григора, повар Саргис, три года прослужил [монастырю] Святого Креста ради [вечной] жизни своих [близких]. Лета 1211 [= 1762]»¹.

33. Ниже предыдущей — двухстрочная надпись с выпуклыми буквами:

{Ն}

1810 ՀՈԿՏԵՆԲԻՐ Ի ՍՈՒՐԲ ԽԱՉ Ի ՏՈՆ ՄՉԸՐՏԻ / / / / / / / / / / / :

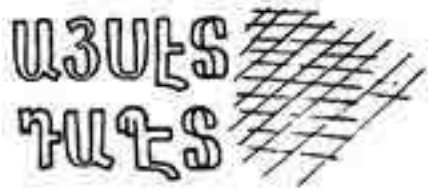
«Крещен в октябре 1810 [года], в праздник Святого Креста / / / / / / / /»².

¹ Надпись впервые была опубликована **М. Бжишкяном** (Путешествие в Польшу... — С. 326; см. также: **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 10; **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. — Ч. 2. — С. 155). Позднее Гр. Григорян предложил другое чтение текста, которое, на наш взгляд, не может быть правильным: «Я, Саргис, из страны вардапета Григора, Арчи, 3 года прослужил Сурб Хачу...» (Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 107). Русский перевод надписи (см.: Армянские древности Таврического полуострова. — С. 449) нуждался в существенной корректировке, что мы и сделали еще в 2008 году (ср. с: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Крым: монастырь Сурб Хач. — С. 111 (№ 32).

² В Своде армянских надписей начальная часть литографии издана вместе с предыдущей надписью (Вып. VII. — С. — 107 (№ 222). Публикации см. также: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — С. 106, 109 (№ 29); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововывявленные надписи. — С. 322 (№ 17).

В Старокрымском литературно-художественном музее

34. На угловом фрагменте надгробия, привезенном из монастыря Сурб Хач, выпуклыми буквами:

ԱՅՍ Է Տ[ԱՊԱՆ]////[ՎԱՐ]-
 ԴԱՊԷՏ[Ի]//////////:
 «Сие суть надгробие // // //
 вардапета // // //»¹.

35. На другом фрагменте, привезенном из монастыря Сурб Хач, выпуклыми буквами:

...ՊԵՏՐՈՍ ՎԱՐԴԱՊԷՏԻ, ՈՐԴԻ
 ՄԱՀՏԵՍԻ ՎԱՐԱՊԷՏԻՆ /// ԵԶՍ
 Ժ(?)Գ ՏԱՐԻ ՄՇԱԿՈՒԹԻ////////:

«...Петроса вардапета, сын магдуси Карапета, // // // 13 (?) лет тружеником // //»².

В Центральном музее Тавриды в Симферополе

36. На фрагменте детали внутреннего декора. Обнаружен в 70-х годах XX века экспедицией В. А. Сидоренко. На лицевой стороне тесаного известнякового блока вырублена неглубокая прямоугольная ниша, в верхних углах обработанная двумя веерообразными орнаментами. Ниже, в центре композиции, высечена плоская килевидная арка, внутри которой вырезан продолговатый крест с расширяющимися крыльями. Крест «вырастает» из симметрично расположенных растительных побегов, символизирующих ветви дерева жизни. Побеги изображены и по обе стороны верхней ветви креста.

¹ Публикации см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. – С. 106, 109 (№ 30); **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововываленные надписи. – С. 322 (№ 18).

² Публикации см. там же, соответственно: С. 106, 109 (№ 31); С. 322 (№ 19).

Левый нижний угол блока поврежден. Композиция и надпись местами разрушены. Некоторые буквы забиты штукатуркой и читаются с трудом. Скорее всего, каменный блок в свое время венчал нишу в церкви, гавите или же на памятном фонтане.

[ՍՈՒՐԲ ՆՇԱՆՍ] ԲԱ[ԲԵ]ԽԱԻՍԷ
 //////////// ԵԻ ԾՆՈՂՍ՝
 ////////// [ՄԱՀ]ՏԵՍԻ ՎԱՐԴԻ[Ն]:
 ////////// ՋԺԹ [= 1470]:

«[Святое знамение] заступись [за] // // // и родителей [его] – // // // магдуси Варда. // // // 919 [= 1470 год]»¹.

Надписи, которые не сохранились

37. Внутри гавита, «в правой стене» некогда стоял беломраморный хачкар. Известны два варианта прочтения его надписи. Один датирован 1311 годом, другой – 1511-м. Причем в первом случае датировка располагается в конце надписи, а во втором – в начале. Надо полагать, дата была вытесана отдельно от основного текста – внутри композиции:

ԲԱՐԷԽԱԻՍ[Է] Ս[ՈՒՐԲ] ՆՇ-	ԹՎ[ԻՆ]: ԶԿ [= 1511]:
ԱՆՔՍ ՃԵՐՄԱԿ	ԲԱՐԷԽԱԻՍ Է Ս[ՈՒՐԲ]
ԽԱԶԻՎ ՊԱՊԱՔԻՆ,	ՆՇԱՆՔՍ ՃԵՐՄԱԿ ԽԱԶԻՎ
ԵԻ ԾՆ[Ո]Ղ[Ա]Յ[Ն]՝ ՇԱՀԻՊԻ[Ն],	ՊԱՊԱՔԻՆ ԵԻ ԾՆ[Ո]Ղ[Ա]Յ[Ն]՝
ՓԱՇԱ-Խ[Ա]Թ[ՈՒՆԻՆ], ԵԻ	ՇԱՀԻՊԻ[Ն], ՓԱՇԱ-Խ[Ա]Թ[ՈՒՆԻՆ]
Զ[Ա]Վ[Ա]Կ[Ա]Յ[Ն]:	ԵԻ Զ[Ա]Վ[Ա]Կ[Ա]Յ[Ն]: ²
ԹՎ[ԻՆ]: ԶԿ [= 1311] ³ :	

¹ Публикацию см.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Крым: монастырь Сурб Хач. – С. 112 (№ 36).

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... – С. 350; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 11; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи... – С. 41.

³ Армянские надписи, находящиеся на юге России. – С. 324–325.

«Святые знамения белоснежные¹, заступитесь за Хачика-Папака, и родителей [его] — Шаипа [и] Паша-Хатун, и детей [его]. Лета 760 [= 1311]»².

38. Внутри гавита, на мраморном хачкаре, вставленном в стену у западного входа:

[ՍՈՒՐԲ ԽԱՉՍ] ՅԻՇԱՏԱԿ Է ՅՈՎԶԱՆՆԷՍԻ, ՈՐ Ի ԾՈՎՈՒՆ ԸՆԿՂՍԵՑԱԻ:

«[Святой крест] суть память об Ованэсе, который в море утонул»³.

¹ Мы пересмотрели общепринятое мнение по поводу слова ճերմակ («чермак», белый) в этом тексте и уверены, что оно обозначает не имя, а указывает на белизну крестов, вытесанных из мрамора (ср. с.: **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Крым: монастырь Сурб Хач. — С. 113 (№ 37).

² Надпись впервые была издана **М. Бжишкяном** с датировкой «1511 год». Хачкар с этой надписью он локализует в Феодосии, в церкви Архангелов (Путешествие в Польшу... — С. 350). Следующая публикация появилась в 1867 году в VI томе ЗООИД вместе с русским переводом, составленным Г. Айвазовским: хачкар с надписью локализован уже в Сурб Хаче и дата на нем — «1311 год» (Армянские надписи, находящиеся на юге России. — С. 324–325). Примечательно, что во второй публикации более точно передано расположение строк и внешний вид надписи. В конце 80-х годов XIX века **Х. Степанэ** увидел этот «древний и хорошо сохранившийся мраморный хачкар» в Сурб Хаче, «у двери в храм» и велел вставить его в «левостороннюю стену гавита» (Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 11). Там же, «внутри церкви [= гавита] в правой стене», его увидел автор последней публикации — **Хр. Кучук-Иоаннесов** (Старинные армянские надписи и старинные рукописи... — С. 41). Относительно даты последние два автора повторяют версию М. Бжишкяна — 1511 год. Что касается расположения хачкара в Сурб Хаче, то он, скорее всего, был вставлен в северную стену гавита. Путаница в левой-правой сторонах возникает из-за того, что священнослужители, как правило, позиционируют себя лицом в сторону молитвенного зала.

³ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... — С. 324; **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. — Ч. 2. — С. 154; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 10; **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи... — С. 41. Все авторы единодушны в том, что выше этого хачкара располагалась надпись о «недостойном жителе из Кафы» (см. здесь: № 22).

39. В гавите (конкретное местонахождение не указано):

Ս[ՈՒՐ]Բ ՆՇԱՆՔՍ ԲԱՐԵԽԱԻՍ

ԵՆ ՄԵՀՐԻՇԱՅԻՆ. ԹՎ[ԻՆ]:

ՌԼԶ [= 1587]:

«Святые знамения являются заступниками Мехришах. Лета 1036 [= 1587]»¹.

40. На хачкаре в гавите, вделанном в правостороннюю стену:

ՅԻՇԱՏԱԿ Է Ս[ՈՒՐ]Բ ԽԱՉՍ ՊԱԼԱՅԻՆ. ԹՎ[ԻՆ]: Ռ [= 1551]:

«Сей святой крест суть память о Пала. Лета 1000 [= 1551]»².

41. На хачкаре в гавите, рядом с предыдущим:

ՍՈՒՐԲ ՆՇԱՆՔՍ ԲԱՐԵԽԱԻՍԷ ՆԱՀԱՏԱԿԵՐ // // // // //:

«Святые знамения, заступитесь за погибших / / / / /»³.

42. На хачкаре в гавите, рядом с предыдущими. Известны два варианта прочтения надписи:

Տ[Է]Ր Ա[ՍՏՈՒԱ]Ծ Յ[ԻՍՈՒ]Ս

Ք[ՐԻՍՏ]ՈՍ:

Ս[ՈՒՐ]Բ ՆՇԱՆՔՍ ԲԱՐԵԽ-

ԱԻՍԷ ՊՈՒԼՂՈՒՆԻՆ ԵՒ

ԿՈՂԱԿՑԻՆ՝ ՄԱՆՈՒՇ[Ա]ԿԻՆ:

ԹՎ[ԻՆ]: ՋՀԷ [= 1528]⁴:

Տ[Է]Ր Յ[ԻՍՈՒ]Ս Ք[ՐԻՍՏ]ՈՍ

Ա[ՍՏՈՒԱ]Ծ:

ՍՈՒՐԲ ՆՇԱՆՔՍ

ԲԱՐԵԽԱԻՍԷ ՊՈՒԼՂՈՒՆԻՆ

ԵՒ ԿՈՂԱԿՑԻՆ //

ՌՂԿ [= 1701]⁵:

«Господь Бог, Иисус Христос. Святые знамения, заступитесь за Пулгхуна и [его] жену Манушак. Лета 977 [= 1528]».

¹ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... — С. 325; Армянские надписи, находящиеся на юге России. — С. 328. Надо полагать, надпись была приписана к резным крестам.

² В тех же местах. Во второй публикации имя прочтено как «Папа». Хачкар вместе с двумя другими стоял «у входа в храм», и Х. Степанэ дал вставить его в «правостороннюю стену» гавита (см. его: Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 26).

³ **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 26.

⁴ Армянские надписи, находящиеся на юге России. — С. 328.

⁵ **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 26. Датировка «1000 90 60» (1701 год) вызывает сомнение (Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 108), тем более на фоне более раннего и целостного прочтения текста. Обращение «Господь Бог Иисус Христос», очевидно, было высечено на изголовьях крыльев креста.

43. На мраморной плите в гавите, вставленной в «правостороннюю стену», ниже последних трех хачкаров:

ՃԱՆԱՊԱՐՀ ՎԱՆԻՑՍ Ս[ՈՒՐ]Բ ԽԱՉԻ ՎԵՐԱՆՈՐՈՊԵԱԼ
ՀԱՐԹԵՅԱԻ ՕԳՆՈՒԹԵԱՄԲ Ս[ՈՒՐ]Բ ԽԱՉԻ Ս Ի 1889 ԱՄԻ ՉԱՆԻԻՔ
ՎԱՆԱՀՕՐՆ ԽՈՐԷՆ ԾԱՅՐԱԳՈՅՆ ՎԱՐԴԱՊԵՏԻ ՍՏԵՓԱՆԷԻ,
ՆՊԱՍՏԻԻՔ ՏԻԿՆՈՋ Մ. ՇԱՈՒՐԻ ԵՒ ՈՄԱՆՅ ՀԱՅՈՑ:

«С помощью Святого Креста дорога монастыря Сурб Хач, отремонтировавшись, подровнена в 1889 году стараниями настоятеля Хорена протоархимандрита Степанэ, при поддержке госпожи М. Шаур и некоторых армян»¹.

44. На мраморной плите, вставленной в северную стену гавита:

ՇԻՆՈՒԹԻԻՆՔ ՎԱՆԻՑՍ Ս[ՈՒՐ]Բ ԽԱՉԻ ՎԵՐԱՆՈՐՈՊԵՅԱՆ ԵՒ
ՆՈՐՈՊ ՉԱՆԳԱԿԱՏՈՒՆ ՇԻՆԵՅԱԻ Ի 1890 ԱՄԻ, ՕԳՆՈՒԹԵԱՄԲ
Ս[ՈՒՐ]Բ ԽԱՉԻՍ, ՉԱՆԻԻՔ ՎԱՆԱՀՕՐՆ՝ ԽՈՐԷՆ Ծ[ԱՅՐԱԳՈՅՆ]
ՎԱՐԴ[ԱՊԵՏԻ] ՍՏԵՓԱՆԷԻ, ԱՐԴԵԱՄԲՔ ՎԱՆԻՑՍ, ՆՊԱՍՏԻԻՔ
ՊԵՏՐՈՍԻ ԹՕՓԱԼԵԱՆ ԵՒ ՈՄԱՆՅ ՀԱՅՈՑ Ի ՍԻՄՖԵՐՕՊՈԼԷ.
ԵՒ ՉԿԱՀԿԱՐԱՍԻՍ ՆՈՒԻՐԵՅԻՆ ԵՒ ՀՈԳԱՅԻՆ ԱՍՈՒՍԻՆՔ
ՂԱԶԱՐՈՍ ԵՒ ՄԱՐԻԱՄ ԲԵՐԲԵՐԵԱՆ Ի ԹԷՆՂՈՍԻՈՅ:

«В 1890 году с помощью Святого Креста, стараниями настоятеля протоархимандрита Хорена Степанэ на доходы монастыря (и) при поддержке Петроса Топальяна, а также некоторых армян из Симферополя обновлены постройки монастыря Сурб Хач и устроена новая колокольня. А утварь подарили и позаботились [о недостающем] супруги Гхазарос и Мариам Берберяны из Феодосии»².

45. На надгробной плите, перед гавитом, на паперти:

ԹՈՒԻԻՆՆ ՌՃԾ [= 1701]. ԱՅՍ Է ՏԱՊԱՆ ՀԱՆԳՍՏԵԱՆ ՊԵՏՐՈՍ
ՎԱՐԴԱՊԵՏԻՆ՝ ՍՊԱՍԱԻՈՐԻ Ս[ՈՒՐ]Բ ՆՇԱՆԻՆ:

¹ Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 26.

² Там же. Ссылаясь на другую надпись, Гр. Григорян отмечает, что в 1892 году Гхазарос Берберян (вместе с Ованэсом Айвазовским и Акбом Серебрякянцем) содействовал обновлению церкви Святого Саргиса в Феодосии (см.: Свод армянских надписей. — Вып. VII. — С. 109 (№№ 233, 135). Добавим, что книга Х. Степанэ, на которую мы ссылаемся, также опубликована на средства «господина Гхазароса Берберяна».

«Лета 1150 [=1701]. Сие суть надгробие упокою вардапета Петроса — служителя Святого Знамения»¹.

46. На надгробной плите рядом с предыдущей:

Ի ՆԵՐՔՈՅ ՏԱՊԱՆԻՍ ԱՅՍ ՀԱՆԳԵԱԻ ԳԷՆՐԳ ԵՊԻՍԿՈՊՈՍՆ
ՉՄԻԻՐՆՈՅ ԳԱԻԱՌԷՆ, ԵՕՏԷՄԻՇ ՔԱՂԱՔԷՆ, ՈՐ ԷԹՈՂ ԶՎՇՏԱԼԻ
ԿԵԱՆՍ 55 ԱՄՕՔ ԻԻՐՈՎ: 1847, ՍԵՊՏԵՄԲԵՐ 10:

«Под надгробием этим покоится епископ Георг из области Змюрния², города Еотэмиш, который оставил брнную жизнь на 55-м году своем. 1847, сентябрь 10»³.

47. На плите рядом с предыдущими надгробиями:

Է ԻՆՉ ՀԱՆԳՍՏԵԱՆ ՎԱՅԵԼՈՒՉ ՏԱՊԱՆ,
ՄԱՐՄՆՈՅՍ ՊԱՀԱՐԱՆ ԱՌՋԻ ԴՐԱՆ
ԱՅՍ ՍՈՒՐԲ ԽԱՉ ՎԱՆՔԻՍ [ՔԱ]ՐԱԿԵՐՏ ԳԵԼԱՐԱՆ
ՆՈՒԱՍՏ ՄԱՆՈՒԷԼԻՍ ԴԱՏԱՐԿ ՊԵՏ ԿՈՉՄԱՆ,
ՈՐ ԿԻՄԻՇԽԱՆԱՅ ԱՌԻ ՇՈՒՆՉ ՄԱՐԴԿԱՆ
ՀԱԶԱՐ ԵՕԹՆ ՀԱՐԻՐ ՊԱՐՈՒՔ ՎԱԹՍ[ՈՒ]ԹԵԱՆ.
ԷՒ ՍԵՐՆԴՈՒՎՔ ԵՍ Ի ՇԱՀԻՆԵԱՆ,
ԼՍԵԼ ԱՐԴ ԽՆԴՐԵՍ ՏԷՐ ՈՂՈՐՄԻ ԲԱՆ:

«[Сие] есть пристойная могила упокою, хранилище останков пред вратами сего монастыря Святого Креста [и] каменная узница мне — низменному Мануэлу, тщетно именуемому архиепископом [?]. Итак, я, кто жизнь человеческую обрел в Кюмушхане в тысяча семьсот шестьдесят восьмом [= 1768 году], происходя из рода Шигинян, вымолвить прошу слова «Господи, помилуй»⁴.

48. На том же надгробии:

ՍԱ ՉՍՈՅՆ ՈՏԱՆԱԻՈՐ ՅԻԻՐՈՒՍ ԿԵՆԴԱՆՈՒԹԵԱՆ ԻՆՔՆԻՆ
ԳՐԱԻ Ի ԿԵՆԱՅ Ի 1843 ԱՄԻ ԵՒ ԴԵԿՏԵՄԲԵՐԻ 4:

¹ Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 72.

² Смирна или Измир — центр одноименного вилайета в Турции, расположенного на побережье Эгейского моря.

³ Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 72.

⁴ Там же. Надпись составлена акростихом, слагается имя «Эмануэл». Мы знаем Гюмушханеци как вардапета (архимандрита), но, видимо, позднее он был посвящен в епископы.

«Этот стих [см.: № 47] он [= Мануэл] сам написал при жизни, в 1843 году и декабря 4»¹.

49. На мраморной плите, вставленной в правостороннюю стену нижнего фонтана:

ՊԱՂՋԱՍԱՐԱՅՅԻ ՄԻՔԱՅԷԼԻ ԵԷԿԷՆ ՌՃՂԸ [= 1749]:

«[Обновленный фонтан] Микаэлу из Бахчисарая суть (?) память (?). 1198 [= 1749]»².

50. На плите, вставленной в тумбу фонтана в атриуме:

ՆՈՐՈԳՈՒԹԵԱՍԲ Ս[ՈՒՐԲ] ԽԱԶ ՎԱՆՔԻՆ
ԵՆԹ. ՄԱՆՈՒԷԼ ՎԱՐԴԱՊԵՏԻՆ
ԱՅՍ ԲԱՐԵԲՈՒԽ ԱՂԲՅՈՒՐ ՆԵՐՄԻՆ
ՄԱՐԻԱՍ ԳԵՐԱԶՆՈՒՅԻՆ,
ԿԵՆԱԿԻՑ ԱՂԱՃԱՆՈՎԻՆ,
ԵՂ ՅԻՇԱՍԱԿ ՅԻՇԵԼ ՉՀՈԳԻՆ
ՎԱՆՅԻՈՅ ԿՆՈՋ ՄԱՐԻԱՍԻՆ:
ԿՇՈՒԾԻ ԵՄ ԹԻՈՎ ՓՐԿՉԻՆ
ԵՎ ՍԵՊՏԵՄԲԵՐ ԱՄՍՈՅ ՔՍԱՆԻՆ [= 1836]:

«При обновлении монастыря Сурб Хач, организованном вардапетом Мануэлом, сей благодатный внутренний фонтан положен [= выстроен] досточтимой Мариам, женой Агаджанова, как подношение во поминание души [ее] – Мариам, уроженки Вана³. 1836 год по летоисчислению Спасителя и двадцатое [число] месяца сентября»⁴.

¹ Там же. – С. 73.

² **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу... – С. 326; **Тэр-Абраамян О.** История Крыма. – Ч. 2. – С. 154; Армянские древности Таврического полуострова. – С. 449; **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 18. Хорен Степанэ уже не застал надпись на своем месте и привел ее, основываясь на публикациях авторов-предшественников. Не исключено, что третье слово прочитано неверно и поэтому единого смысла не складывается. Возможно, его следовало читать как «суть память».

³ Один из древнейших и крупнейших городов Исторической Армении. Расположен у юго-восточного берега одноименного озера. Ныне – в составе Турции.

⁴ Дата зашифрована в слове «ԿՇՈՒԾԻ ԵՄ» (см.: **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 9; Свод армянских надписей. – Вып. VII. – С. 108).

На церковной утвари, хранившейся в монастыре Сурб Хаче в конце XIX века

60. На кадилнице в виде семиглавого храма:

ՅԻՇԱՍԱԿ Է ԲՈՒՐՎԱՌՍ Խ.Ծ. ՇԱՀԻՆԻ ԴՄՏԵՐՆ ՇԱՀՊԻՔԱՅԻՆ
ՀՈԳՈՅՆ Ի ԴՈՒՌՆ ՍՈՒՐԲ ՅՈՎՀԱՆՆՈՒ. ՌՃԽ [= 1691]:

«Кадильница преподнесена в память по душе Шахпики, дочери ходжи [?] Шагина, у врат [церкви] Святого Иована. 1140 [= 1691 год]»¹.

61. На серебряном кресте, закрепленном на стеклянном пьедестале:

ՅԻՇԱՍԱԿ Է ՍՈՒՐԲ ՆՇԱՆՍ ԼՈՒՍՊԱՐՈՆԻՆ ԵՒ ԹՈՐՈՍԻՆ
ՀՈԳԻՈՅՆ, ԾՆՈՂԱՅՆ՝ ՊԱՐՈՆ ՇԱՀԻՆԻՆ ԵՎ ԽԱՆԸՄԻՆ, ԵՎ
ԵՂԲԱՐՅՆ, ԵՎ ՔՎԵՐՅՆ, ԵՎ ԱՍԵՆԱՅՆ ՉԱՐՄԻՅՆ, Ի ԴՈՒՌՆ
ՍՈՒՐԲ ԱՍՏՈՒԱԾԱԾՆԻՆ, ԹՎԻՆ ՔՐԻՍՏՈՍԻ ՌՃԼ- ԻՆ [= 1681]:

«Святое знамение является памятью по душам Луспарона и Тороса, родителей – господина Шагина и Ханым, и братьев, и сестер, и всей родни, у врат [церкви] Святой Богородицы, в год Христовый 1130 [= 1681]»².

62. На кресте, установленном «на правостороннем алтаре имени Григора Просветителя»:

ՅԻՇԱՍԱԿ Է ՍՈՒՐԲ ԽԱԶՍ ԽԱՆԶԱՏԱՅԻՆ Ի ԴՈՒՌՆ ՍՈՒՐԲ
ԱՍՏՈՒԱԾԱԾՆԻՆ. ԹՎԻՆ ՌՃՁԶ [= 1737]:

«Святой Крест является памятью о Ханзате у врат [церкви] Святой Богородицы, в год 1186 [= 1737]»³.

¹ **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 15. Согласно краткой турецкой надписи, кадилница была изготовлена мастером Сулейманом. Высеченная по кругу чаши армянская надпись свидетельствовала, что в 1691 году она была подарена некой церкви Святого Ованэса. Значит, в Сурб Хач была принесена позднее.

² **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 15. Крест стоял на центральном алтаре и, как выясняется, сначала был подарен некой церкви Святой Богородицы. Хотя дата в надписи дана по Христианской эре и соответствует 1130 году, Х. Степанэ расшифровал ее с поправкой на 551 год.

³ **Степанэ Х.** Монастырь Сурб Хач Крыма. – С. 15. Согласно надписи, крест был подарен некой церкви Святой Богородицы. Позднее был отдан монастырю Сурб Хач.

«Сей святой крест преподнесен в память о магдуси Симе, магдуси Минасе, магдуси Мэкэнте, Петросе. Лета 1209 [= 1760]»¹.

67. На украшенном каменьями старинном кресте на хоругви:
ՅԻՇԱՏԱԿ Է ՍՈՒՐԲ ՅԱԿՈԲԻ ՄԱՍՈՒՆՔՍ ԿԻՐԱԿՈՍ
ՎԱՐԴԱՊԵՏԻՆ. [ԹՎԻՆ]: ՌՄԻԱ [= 1772]:

«Мощи Святого Акоба преподнесены в память о вардапете Киракосе. 1221 [= 1772 год]»².

68. На старинном, украшенном каменьями кресте без рукоятки:
ՅԻՇԱՏԱԿ Է ՍՈՒՐԲ ՆՇԱՆՍ ԿԻՐԱԿՈՍ ՎԱՐԴԱՊԵՏ[ԻՆ]:

«Сие святое знамение преподнесено в память о вардапете Киракосе»³.

69. На кресте, прикрепленном «на книжной стойке в церкви»:
ՏԷՐ ԱՍՏՈՒԱԾ ՅԻՍՈՒՍ ՔՐԻՍՏՈՍ: ՅԻՇԱՏԱԿ Է ՍՈՒՐԲ ԽԱԶՍ
ՉԱԲՐԻԷԼԻ ԴՍԵՐ ԿԻՒԼՊԻՔԷԻՆ Ի ԴՈՒՌՆ ՍՈՒՐԲ ԽԱԶ ՎԱՆՔԻՆ.
ԱՄԻՆ 1805:

«Господь Бог Иисус Христос. Святой Крест преподнесен в память о дочери Габриела, Кюлпике, к вратам монастыря Святого Креста. Лета 1805»⁴.

Надписи на книгах, хранившихся в монастыре Сурб Хач

70. На печатном Евангелии, лежащем на той же книжной стойке в церкви:

ԲԱՐԵԽՕՍԷ ՍՈՒՐԲ ՆՇԱՆՍ ԷՒ ՍՈՒՐԲ ՕԵՏԱՐԱՆՍ
ԼՈՒՍՊԻՔԷԻՆ ԱՌՆ՝ ՄԱՀՏԵՍԻ ՔՐԻՍՏՈՍԱՏՈՒՐԻՆ, ԾՆՈՂԱՅՆ՝
ՄԱՀՏԵՍԻ ԹՕԽԹԱՄԻՇԻՆ ԷՒ ՈՒԼՈՒՊԻՔԷԻՆ, ՈՐԴԻՈՅՆ՝
ՊԱՐՈՆ[ԻՆ] Ի ԴՈՒՌՆ ՍՈՒՐԲ ՔԱՌԱՍՆԻՑ. Ի ԹՎԻՆ ՌՃ [= 1651]:

¹ Там же. — С. 17. Дата в надписи прочтена как «1000, 200, 7, 2» → «1209» → «1760». Не исключено, что было «1000, 200, 30, 2» → «1232» → «1783». Согласно автору публикации, крест, украшенный распятием и изображениями животных, стоял на алтаре. Мощей в нем уже не было.

² Степанэ Х. Монастырь Сурб Хач Крыма. — С. 17.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 16.

«Святое Знамение и Святое Евангелие у врат [церкви] Святых Сорока [мучеников], заступитесь за мужа Луспики — магдуси Крестосатура, родителей — магдуси Тохтамиша и Улупику, сына Парона. В год 1100 [= 1651]»¹.

71. Во вторичном колофоне Евангелия, хранившегося в монастыре Сурб Хач в 1904 году:

ԵՐԿՐՈՐԴ ՅԱՆԿԱՄ ԿԱԶՄԵՅԱԻ Ս[ՈՒՐ]Բ ԱԻԵՏԱՐԱՆՍ
ՁԵՌԱՄԲ ԿԷՕԶԼԱՎՈՒ ՅՈՒՆԱՑ ՔԱՀԱՆԱՅԱՊԵՏ ԿՕՍՏԱՆԴԻՆ,
ԸՍՏ ԽՆԴՐՈՅ ՎԱՆԱՀԱՅՐ ՅԱՐՈՒԹԻՒՆ ՎԱՐԴԱՊԵՏ ՂԱԶԱՐԵԱՆ
ՂԶԼԱՐԵՅՈՒՆ, ՈՐՕՅ ՎԱՐՁՆ / / / ՎԵՐԱՀԱՍՈՒԹԵԱՄԲ ՏԷՐ
ԲԱՐԴՈՂԻՍԷՆՍ ՆՈՐԸՆԾԱՅ ՔԱՀԱՆԱՅԻՆ ԶԻԼԱՅՈՒ: [Ի] 1821,
ՍԵՊՏԵՄԲԵՐ 22, Ի ՍՈՒՐԲ ԽԱԶ ՎԱՆՔՆ ՂՐԻՍՈՒ ԳՐՈՒԵՅԱԻ
ՁԵՌԱՄԲ ՅԱՐՈՒԹԻՒՆ ՎԱՐԴԱՊԵՏ ՎԱՆԱՀՕՐ:

«Святое Евангелие вторично переплетено рукой священнического главы греков Кеозлева [= Евпатории] — Костандина, по просьбе настоятеля Арутюна-вардапета Казаряна из Хзлара², вознаграждение которого / / / / содействием тэр Бардугимеоса [= Варфоломея] — новопосвященного священника из Зила³. Написано [в] 1821 [году], сентября 22, в монастыре Святого Креста Крыма, рукой настоятеля Арутюна-вардапета»⁴.

¹ Там же. С. 16. Согласно надписи, книга в 1651 году была подарена церкви Святых Сорока мучеников. Очевидно, речь идет об армянской церкви с таким названием, находящейся в Кафе.

Несколько страниц было порвано, поэтому место и время издания Евангелия неизвестны.

Надо полагать, надпись была размещена на кресте, прикрепленном на окладе. Х. Степанэ отмечает, что, помимо этого Евангелия, на алтаре церкви монастыря Сурб Хач было покрытых позолотой еще три армянских Евангелия, изданных в Санкт-Петербурге в 1788 году.

Первое, в золотистом окладе, было подарено монастырю Сурб Хач господином Погхосом, сыном Григора Косеяна из Нор Нахиджевана. Второе, в красном бархатном окладе, было даровано Катаринной Лазарян в память об усопшем сыне Арутюне Лазаряне. Третье не имело дарственной надписи.

² Хзлар, Кизляр — поселение на левобережье реки Терек. Население увеличилось в 1715 году, после переселения сюда нескольких семейств армян, грузин и персов.

³ Зила (Зиле, Зела) — город в Сивасском вилайете Турции.

⁴ Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 74.

72. В рукописи, хранившейся в Сурб Хаче в 1904 году:

ԱՐԴ, ԳՐԵՅԱԻ ՍԱ Ի ԳԻՒՂԱՔԱՂԱՔԻՆ ՂՐԸՍՈՒ, ԱՌ ՈՏՍ ՍՈՒՐԲ ԱՍՏՈՒԱԾԱԾՆԻՆ, Ի ՀԱՅՐԱՊԵՏՈՒԹԵԱՆ[Ն] ԱՍԵՆԱՅՆ ՀԱՅՈՑ ՏԷՐ ԵՂԻԱԶԱՐՈՒ ԵՒ ՅԱՌԱՋՆՈՐԴՈՒԹԵԱՆ[Ն] ՅԱՅՍՄ ՆԱՀԱՆԳԻ ՎԱՐԴԱՆԱՅ ԵՒ ՅԱԿՈԲԱՅ ԱՐՔԵՊԻՍԿՈՊՈՍԱՅ, ՁԵՌԱՍԲ ՓԾՈՒՆ ԵՒ ՎԵՐՁԻՆ ԳՐԶԻ՝ ԴԱԻԹ ԴՊՐԻ, Ի ԹՎԱԿԱՆՈՒԹԵԱՆ[Ն] ՀԱՅԿԱԶ[Ե]ԱՆ ՍԵՌԻ ՀԱԶԱՐ ՀԱՐԻԻՐ ԵՒ ԼԷ [= 1688]:

«Итак, написана сия [книга] в селении¹ Крым, у ног [церкви] Святой Богородицы, в патриаршество всея Армянского [католикоса] тэр Егиазара и предводительство в этой области архиепископов Вардана и Акоба, рукой пустословного и последнего писца — дьяка Давида, в летоисчисление Армянское тысяча сто и 37 [= 1688 году]»².

73. Во вторичном колофоне рукописи, хранившейся в монастыре Сурб Хач в 1904 году:

ՀԱԶԱՐ ՀԱՐԻԻՐ ՎԱԹՍՈՒՆ ԵՒ ՄԵԿԻ [= 1712] Ի ՅՈՒՆՈՒԱՐԻ ՔՍԱՆ, Ի ԿԱԹՈՂԻԿՈՍՈՒԹԱՆ[Ն] ՏԵԱՌՆ ՏԷՐ ԱՂԷՔՍԱՆԴՐ ՍՐԲԱԶԱՆ ՀԱՅՐԱՊԵՏԻ ԵՒ ԱՌԱՋՆՈՐԴՈՒԹԵԱՆ[Ն] ԲՈԼՈՐ ՂՐԸՍՈՒ ՔԱԶ ԸՄԲՈՒՆԱՊԵՏ[Ի]Ն՝ ԱՌԱՔԵԼԱՇՆՈՐՀ ԵՒ ԴԻՑ ԵՂԵՐԱԼՈՒՐ ՏԷՐ ԱԿՈԲ ԱՍՏՈՒԱԾԱԿԱՆ ՎԱՐԴԱՊԵՏԻ /// ՆՈՐՈԳԵՅԱԻ ՁԵՌԱՍԲ /// ՏԷՐ ԳՐԻԳՈՐԻ, ՈՐ Է ԾԱՌԱՅ ԵՒ ՍՊԱՍԱԻՈՐ ԼՈՒՍԱԻՈՐԶԻ:

«В [лето] тысяча сто шестьдесят и первом [= 1712], января двадцатого, при католикосе владыке тэр Александре, священном архипастыре, и всекрымском предводителе, сведущем учительском главе, горестном тэр Акобе-вардапете — богослове с представительскими полномочиями / / / /, обновлена [книга] рукой / / / / / тэр Григора, который является слугой и служителем [духовного центра Святого] Просветителя»³.

¹ В буквальном переводе — село-город.

² Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма. — С. 74.

³ Там же. — С. 74–75.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Рукописные источники на армянском языке

1. Архив Матенадарана им. Месропа Маштоца в Ереване. — Канцелярия католикоса. — Папка 1. — Док. 43.
2. Библиотека Казанате в Риме. Рукопись 1981.
3. Книгохранилище конгрегации Мхитаристов в Венеции. — Рукописи: 167, 877.
4. Книгохранилище монастыря Святого Акоба в Иерусалиме. — Рукописи: 106, 1036, 1404, 1682, 1912.
5. Матенадаран им. Месропа Маштоца в Ереване. — Рукописи: 24, 1636, 2611, 2672, 2705, 3508, 4130, 4137, 4183, 4656, 4921, 6273, 6523, 7377, 7382, 7402, 7432, 7433, 7438, 7442, 7443, 7547, 7636, 7651, 7707, 7709, 7742, 7744, 7784, 7794, 7857, 8030.
6. Национальный архив Армении. — Ф. 200. — Оп. 1. — Д. 6.
7. Саргсян Т. Э. Армянские духовно-культурные центры в Восточном Крыму (XIV–XV вв.): Дисс. канд. ист. наук. Ереван, 2004. / Архив Института истории НАН РА.

Рукописные источники на русском и украинском языках

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). — Ф. Р-663. — Оп. 10. — Д. 41; Ф. 535. — Оп. 1. — Д. 2495.
2. Домбровский О. И., Махнева О. А., Сидоренко В. А. Отчет об археологических исследованиях средневекового монастыря Сурб-Хач в окрестностях г. Старый Крым за 1973 и 1976 гг. (машинопись) / Институт археологии АН УССР, отдел археологии Крыма. — Симферополь, 1977.
3. Дублянский В. Н., Мельникова Е. Н., Кондратьева В. Ю. Комплексное геологическое обследование района монастыря Сурб-Хач / Министерство образования Украины. Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе. Карстовая комиссия НАН Украины. — Симферополь, 1996.
4. Звіт про виконання візуального обстеження стану монументального живопису пам'ятки архітектури XIV–XVIII ст. церкви вірменського монастиря Сурб-Хач — «Святий хрест» — у м. Старий Крим Республіки Крим / Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Науково-дослідне проектно-виробниче мале підприємство по реставрації пам'яток історії та культури і творів мистецтва «Оберіг». — Київ, 1995.

5. Отчет об исследовании росписей из монастыря Сурб Хач, составленный сотрудниками Киевского специального научно-реставрационного производственного управления / Гос. комитет по охране культурного наследия РК.

6. **Сидоренко В. А.** Археолого-топографическое описание памятника архитектуры армянского монастыря Сурб Хач (машинопись) / Институт археологии АН УССР, отдел археологии Крыма. – Симферополь, 1979.

7. **Сидоренко В. А.** Отчет о раскопках памятников архитектуры монастыря Сурб-Хач и церкви в селе Богатом в Юго-Восточном Крыму в 1979 г. (машинопись) / Институт археологии АН УССР, отдел археологии Крыма. – Симферополь, 1980.

8. **Сидоренко В. А., Герцен А. Г.** Отчет об археологических исследованиях армянского монастыря Сурб-Хач в 1980 г. (машинопись) / Институт археологии АН УССР, отдел археологии Крыма. – Симферополь, 1981.

9. Фотографии памятников архитектуры Крымской области (к обследованиям, произведенным в 1955 г.). Альбом № 2. Фотографии памятников архитектуры городов Алушты, Старого Крыма, монастыря «Сурп Хач», с. Морского, с. Уютного / Государственный комитет Совета министров УССР по делам строительства и архитектуры, Республиканские научно-реставрационные производственные мастерские. – Киев, 1956.

Печатные источники на армянском языке

1. **Айвазовский И. К.** Письмо из Феодосии // Մշակ (Mshak). – № 90. – Тифлис, 1900. – С. 3.

Այվազովսկի Ն. Կ. Նամակ Թեոդոսիայից // Մշակ, № 90. – Թիֆլիս, 1900, էջ 3:

2. **Алишан Г.** Каменец. Летопись армян Польши и Румынии. – Венеция, 1896.

Ալիշան Դ. Կամենից. Տարեգիրք Հայոց Լեհաստանի եւ Ռումելիոյ. – Վենետիկ, 1896:

3. Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах / Сост., автор предисл. и коммент. В. А. Микаелян. – Ереван, 1974.

Հայ-իտալական անջություններ. Ջենովական Փաստաթղթերը դրիմահայերի մասին / Կազմեց, առաջին գրեց և ծանոթագրեց Վ. Ա. Միրայեյան. – Երևան, 1974:

4. Армянские поэты Крыма XV–XX вв. – Симферополь–Ереван, 2008.

Դրիմի հայ բանաստեղծներ XV–XX դդ. – Միմֆերոպոլ–Երևան, 2008:

5. **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. – Венеция, 1830.

Բժշկեան Մ. Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան և յայլ կողմանս բնակեալս ի Հայկազանց, սերելոց ի նախնեաց Անի քաղաքին. – Վենետիկ, 1830:

6. Главный каталог армянских рукописей книгохранилища Мхитаристов в Венеции. – Т. 5, 8 / Сост. Саак Чемчемян. – Венеция. 1995, 1998.

Մայր ցուցակ հայերէն ձեռագրաց Մատենադարանին Միխիթարեանց ի Վենետիկ: Հատ. Է, Ը / Կազմեց՝ Սահակ վրդ. Ճեմճեմեան. – Վենետիկ, 1995, 1998:

7. Главный каталог рукописей (монастыря) Святого Акоба. – Т. 4, 5, 6 / Сост. Н. Погареан. – Иерусалим. 1969, 1971, 1972.

Մայր ցուցակ ձեռագրաց Սրբոց Հակոբեանց: Հատ. 4, 5, 6 / Կազմեց՝ Նորայր եպս. Պողարեան. – Երուսաղէմ, 1969, 1971, 1972:

8. **[Григор Даранагци]**. Хроника Григора вардапета Камахеци, или Даранагци. – Иерусалим, 1915.

[Գրիգոր Դարանաղցի (Կամախեցի)]. Ժամանակագրութիւն Գրիգոր վարդապետի Կամախեցոյ կամ Դարանաղցոյ. – Երուսաղէմ, 1915:

9. Опись церковных сосудов, серебра и облачений, привезенных из Крыма // Архив армянской истории. – Том IX. – Тифлис, 1911. – Кол. 11–14.

Դարձար ի Դրիմու բերեալ եկեղեցական անօթիցն, արծաթեղինաց և շորեղինաց // Դիւան հայոց պատմութեան: Գիրք Թ. – Թիֆլիս, 1911, սյուն. 11–14:

10. **Акобян А.** «Землеписание» неизвестного автора VII века. Научно-критический текст подлинника // Հանդէս ամսօրեայ (Handes amsorey). – Вена, 2013. – Кол. 35–186.

Յակոբեան Ա. «Աշխարհացոյց» Է դարի Անանունի. Գիտաքննական բնագիր // Հանդէս ամսօրեայ. – Վիեննա, 2013, սյուն. 35–186:

11. Каталог рукописей из монастыря Кармир в Анкирурии и окрестных мест / Сост. Б. Кюлесерян. – Антилиас, 1957.

Յուցակ ձեռագրաց Անկյուրիո Կարմիր վանուց և շրջակայից / Կազմեց՝ Բարզէն արթոռակից կաթողիկոս (Կյուլեսերյան). – Անթիլիաս, 1957:

12. **Кушнерян Хр.** Путешествие из Феодосии в Нор-Нахиджеван // Բազմավէպ (Bazmaver). – Т. 45. – Прак. 3 (июль, август, сентябрь). – Венеция, 1887. – С. 193–196.

Քուշներեան Քր. Ճանապարհորդութիւն Թեոդոսիայէն Նոր Նախիջևան // Բազմավէպ: Հատ. 45, պրակ 3 (հուլիս, օգոստոս, սեպտեմբեր). – Վենետիկ, 1887, էջ 193–196:

13. **Кушнерян Хр.** История армянских переселенцев Крыма. – Венеция, 1895.

Քուշներեան Քր. Պատմութիւն գաղթականութեան Խրիմու հայոց. – Վենետիկ, 1895:

14. [**Хачатур Кафаеци**]. Летопись Хачатура Кафаеци (XVII в.) // Мелкие хроники XIII–XVIII вв. / Сост. В. Акобян. – Т. I. – Ереван, 1951. – С. 205–236.

15. [Խաչատուր Կաֆայեցի] Խաչատուր Կաֆայեցու տարեգրութիւնը (XVII դ.) // Մանր ժամանակագրություններ XIII–XVIII դդ.: Հատ. 1 / Կազմեց Վ. Ա. Հակոբյան. – Երևան, 1951, էջ 205–236:

16. **Матеос Урхаеци.** Хроника. – Вагаршапат, 1898.

Մատթէոս Ուռհայեցի. Ժամանակագրութիւն. – Վաղարշապատ, 1898:

17. Монастырь Сурб Хач Крыма // Նոր դար (Nog dar). – № 127. – Тифлис, 1890.

Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանք // Նոր դար, № 127. – Թիֆլիս, 1890:

18. Памятные записи армянских рукописей XIV века / Сост. Л. Хачикян. – Ереван, 1950.

ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ / Կազմեց՝ Լ. Խաչիկյան. – Երևան, 1950:

19. Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 1 (1401–1450 гг.) / Сост. Л. Хачикян. – Ереван, 1955.

ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ: Մաս Ա (1401–1450 թթ.) / Կազմեց՝ Լ. Խաչիկյան. – Երևան, 1955:

20. Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 2 (1451–1480 гг.) / Сост. Л. Хачикян. – Ереван, 1958.

ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ: Մաս Բ (1451–1480 թթ.) / Կազմեց՝ Լ. Խաչիկյան. – Երևան, 1958:

21. Памятные записи армянских рукописей XV века. – Ч. 3 (1481–1500 гг.) / Сост. Л. Хачикян. – Ереван, 1967.

ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ: Մաս Գ (1481–1500 թթ.) / Կազմեց՝ Լ. Խաչիկյան. – Երևան, 1967:

22. Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 1 (1601–1620 гг.) / Сост. В. Акобян, А. Иоаннисян. – Ереван, 1974.

Հայերեն ձեռագրերի ԺԵ դարի հիշատակարաններ: Հատ. Ա (1601–1620 թթ.) / Կազմեցին՝ Վ. Հակոբյան, Ա. Հովհաննիսյան. – Երևան, 1974:

23. Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 2 (1621–1640 гг.) / Сост. В. Акобян, А. Иоаннисян. – Ереван, 1978.

Հայերեն ձեռագրերի ԺԵ դարի հիշատակարաններ: Հատ. Բ (1621–1640 թթ.) / Կազմեցին՝ Վ. Հակոբյան, Ա. Հովհաննիսյան. – Երևան, 1978:

24. Памятные записи армянских рукописей XVII века. – Т. 3 (1641–1660 гг.) / Сост. В. Акобян. – Ереван, 1984.

Հայերեն ձեռագրերի ԺԵ դարի հիշատակարաններ: Հատ. Գ (1641–1660 թթ.) / Կազմեց՝ Վ. Հակոբյան. – Երևան, 1984:

25. **Патканян Р.** История основания Нор-Нахиджевана. – Тифлис, 1879.

Պատկանեան Ռ. Նոր-Նախիջևանի հիմնարկութեան պատմութիւնը. – Թիֆլիս, 1879:

26. **Патканян Г.** Столетие города Нор Нахиджевана (1879 г.). – Нор Нахиджеван, 1917.

Պատկանեան Գ. Հարիրամեակ Նոր Նախիջևան քաղաքի (1879 թ.). – Նոր Նախիջևան, 1917:

27. **Петросян Гр.** Письмо из Старого Крыма // Մշակ (Mshak). – № 32 (вторник, 20 марта). – Тифлис, 1890. – С. 2.

Պետրոսեան Գր. Նամակ Հին Ղրիմից // Մշակ, № 32 (երեքշաբթի, 20 մարտի). – Թիֆլիս, 1890, էջ 2:

28. Первое послание католикоса Овсэпа архимандриту Гхазару (1800 год, август, Нор Нахиджеван) // Архив армянской истории. – Т. IX. – Тифлис, 1911. – Кол. 334–335.

Յովսէփ կաթողիկոսի անդրանիկ կոնդակը Ղազար վարդապետին (1800 թ., օգոստոս, Նոր Նախիջևան // Դիւան հայոց պատմութեան: Գիրք Թ. – Թիֆլիս, 1911, սյուն. 334–335:

29. Послание архиепископа Овсэпа к общественности во имя великолетия монастыря Сурб Хач Крыма, написанное в Москве // Архив армянской истории. – Т. IX. – Тифлис, 1911. – Кол. 155–156.

Կոնդակ Յովսէփ արքեպիսկոպոսի ի վերայ հասարակութեանն գրեցար ի Մոսկով յաղագս Ղրիմու Ս. Խաչ վանից պայծառութեան // Դիւան հայոց պատմութեան: Գիրք Թ. – Թիֆլիս, 1911, սյուն. 155–156:

30. Свод армянских надписей. — Вып. VII (Украина, Молдова) / Сост. Гр. Григорян. — Ереван, 1996.

Դիվանի հայ վիմագրություն: Պրակ VII (Ուկրաինա, Մոլդովա) / Շազմեց Գ. Մ. Գրիգորյան. — Երևան, 1996:

31. [Степанэ Х.]. Хорен протоархимандрит Степанэ. Монастырь Сурб Хач Крыма. — СПб., 1891.

Խորենի ծայր վրդպ. Ստեփանե. Դրիմի Սուրբ Խաչ վանք. — Ս. Պետերբուրգ, 1891:

32. Сурхатян А. Армянский монастырь Крыма // Մուրճ (Murtch). — № 6. — Тифлис, 1904. — С. 68–76.

Սուրխաթեան Հ. Դրիմի հայոց վանքը // Մուրճ, № 6. — Թիֆլիս, 1904, էջ 68–76:

33. Тэр-Абраамян О. История Крыма (в двух частях). — Феодосия, 1865.

Տեր-Աբրահամեան Հ. Պատմություն Խրիմու (Երկու մասով). — Թեոդոսիա, 1865:

34. Фавстос Бузанд. История Армении. — Ереван, 1968.

Փավստոս Բուզանդ. Պատմություն Հայոց. — Երևան, 1968:

35. Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач Нор Нахиджевана. — Тифлис, 1901.

Շահազիզ Եր. Նոր Նախիջևանի Սուրբ Խաչ վանքը. — Թիֆլիս, 1901:

36. Шахазиз Е. Нор-Нахиджеван и нор-нахиджеванцы. — Тифлис, 1903.

Շահազիզ Եր. Նոր Նախիջևանը և նոր-նախիջևանցիք. — Թիֆլիս, 1903:

37. Худабашев А. Армяно-русский словарь. — Т. 1, 2. — Ереван, 1986.

Խութաբաշեան Ա. Հայ-ռուսերեն բառարան: Հատ. 1, 2. — Երևան 1986:

Печатные источники на русском языке

1. Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. — Т. I. — Симферополь, 1927. — С. 5–10.

2. Аракел Даврижеци. Книга историй. — Памятники письменности Востока. — XXXVII / Пер. с арм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. — М., 1973.

3. Армяно-католические отношения и деятельность армян-католиков в Крыму по памятным записям XIV–XV веков / Сост., рус. пер. памятных записей, предисл. и примеч. Т. Э. Саргсян // ИНК. — № 16. — Симферополь, 2006. — С. 9–26.

4. Армянские древности Таврического полуострова / Пер. с арм. священника Херувима Кушнерева, настоятеля феодосийской армяно-католической церкви // ЗООИД. — Т. X. — Одесса, 1877. — С. 443–451.

5. Армянские надписи, находящиеся на юге России // ЗООИД. — Т. VI. — Одесса, 1867. — С. 323–332.

6. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян / Рус. пер., предисл. и коммент. Т. Э. Саргсян // ИНК. — № 8. — Симферополь, 2004. — С. 148–157.

7. Армянские церкви Крыма / Каталог документов, экспонированных на выставке Государственной архивной службой Украины, Национальным архивом Армении и Государственным архивом в Автономной Республике Крым. — Симферополь–Ереван, 2012.

8. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — № 57. — Симферополь, 1920. — С. 1–135.

9. [Богуш С. С.]. История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. — Т. II. — СПб., 1806.

10. Гаркави А. О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // ИРГО. — СПб., 1875. — С. 51–58.

11. [Гейд В.]. Извлечения из сочинения Вильгельма Гейда: «История торговли Востока в средние века» (Колонии на северном побережье Черного моря. Конец Западных колоний северного побережья Черного моря) / Пер. Л. П. Колли // ИТУАК. — № 52. — Симферополь, 1915. — С. 68–185.

12. Городские поселения в Российской империи. — Т. 4. — СПб., 1864.

13. [Дортелли д'Асколи]. Описание Черного моря и Татарики, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарики 1634 г. / Пер. Н. Н. Пименова, примеч. А. Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. — Т. XXIV. — Ч. II. Материалы. — Одесса, 1902. — С. 89–180.

14. Кеппен П. Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. — СПб., 1837.

15. **Колли Л. П.** Падение Каффы // ИТУАК. — № 54. — Симферополь, 1918. — С. 129–171. Продолжение: ИТУАК. — № 55. — Симферополь, 1918. — С. 145–174.

16. **Киракос Гандзакечи.** История Армении. — Памятники письменности Востока. — LIII / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. — М., 1976.

17. **Кулаковский Ю.** Прошлое Тавриды. — Киев, 2002.

18. **Кучук-Иоаннесов Хр.** Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-западной Руси и в Крыму // Древности восточные: Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. — Т. 2. — Вып. 3. — М., 1903.

19. **[Ла Мотре].** Путешествие г-на О. Де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Татари (Крыму) и т. д. / Пер. с фр. яз. Н. Н. Хлебко и Н. Ш. Шульгиной, предисл. и коммент. — И. И. Вдовиченко // ИНК. — № 12–13. — Симферополь, 2006. — С. 184–207.

20. **Мовсэс Каланкатуаци.** История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., пред. и коммент. Ш. В. Смбатяна. — Ереван, 1984.

21. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. — Т. II (1778 г.) / Сост. Н. Дубровин. — СПб., 1885.

22. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. I. — Извлечения из сочинений арабских, собранные В. Г. Тизенгаузеном. — СПб., 1884.

23. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., рус. перевод, введение и примечания Т. Э. Саргсян. — Симферополь, 2008.

24. **Смирнов В. Д.** Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // ЗВОИРАО. — Т. I. — Вып. IV. — СПб., 1887. — С. 273–302.

25. **Спасский Г.** Старый Крым // ЗООИД. — Т. IV. — Одесса, 1877. — С. 85–102.

26. **Страбон.** География в семнадцати книгах.

27. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году / Предисл. В. Юргевича // ЗООИД. — Т. V. — Одесса, 1863. — С. 629–837.

28. **Челеби Э.** Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). — Симферополь, 1996.

Печатные источники на других языках

1. A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum / By Frederick C. Conybeare. — London, 1913.

2. Acta Iohannis PP. XXII (1317–1334) // Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis / ed. A. L. Tăutu. — Fontes, Series III. — Vol. VII. — Т. 2. — Citta del Vaticano, 1952.

3. Acta Benedicti PP XII (1334–1342) // Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis (CICO) / ed. A. L. Tăutu. — Fontes, Series III. — Vol. VIII. — Citta del Vaticano, 1958.

4. **Brătianu G. I.** Actes des notaires de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290) // Académie Roumaine, etudes et recherches. — II. — No. CLXVIII. — Bucarest, 1927.

5. Catalogo dei manoscritti Armeni delle biblioteche d'Italia / A cura di Gabriella Uluhogian. — Roma, 2010.

6. Impositio Officii Gazariae // Historiae Patriae Monumenta. — Tomus 2. — Torino, 1838.

7. **Saint-Martin J.** Analyse d'une tragédie arménienne (Sainte Ripsimé), représentée a Léopol le 9 Avril 1668 // Journal Asiatique. — Sér. I. — Vol. 2. — Paris, 1823.

8. **[La Motraye].** Voyages du Sr. A. De La Motraye, en Europe. Asie & Afrique. — Т. II — La Haye, MDCCXXVII (1727).

Литература на армянском языке

1. **Абраамян А. Г.** Гладзорский университет. — Ереван, 1983.

Աբրահամյան Ա. Գ. Գլաձորի համալսարանը. — Երևան, 1983:

2. **Акинян Н.** Пять странствующих поэтов. — Вена, 1921.

Ակինյան Ն. Հինգ պանդուխտ տաղասացներ. — Վիեննա, 1921:

3. **Асратян М.** Монастырь Сурб Хач // Армянская советская энциклопедия. — Т. 11. — Ереван, 1985. — С. 203.

Հարարթյան Մ. Սուրբ Խաչ վանք // Հայկական սովետական հանրագիտարան: Հատ. 11. — Երևան, 1985, էջ 203:

4. **Асратян М.** Монастырь Сурб Хач Сурхата // Энциклопедия «Христианская Армения». — Ереван, 2002. — С. 944–945.

Հարարթյան Մ. Սուրխարթի Ա. Խաչ վանք // «Քրիստոնյա Հայաստան» հանրագիտարան. — Երևան, 2002, էջ 944–945:

5. **Асратян М.** Монастырь Сурб Хач в Крыму // Армянская краткая энциклопедия. – Т. 4. – Ереван, 2003. – С. 543.
- Հասարթյան Մ. Սուրբ Խաչ վանք Ղրիմում // Հայկական համառոտ հանրագիտարան: Հատ. 4. – Երևան, 2003, էջ 543:
6. **Микаелян В. А.** История армянской колонии в Крыму. – Ереван, 1964.
- Միրայելյան Վ. Ա. Ղրիմի հայկական գաղութի պատմություն. – Երևան, 1964:
7. **Микаелян В. А.** История крымских армян. – Ереван, 1989.
- Միրայելյան Վ. Ա. Ղրիմահայոց պատմություն. – Երևան, 1989:
8. **Мнацаканян А. Ш.** Незабываемые памятники // Գրական թերթ (Մական tert), Ереван, 1968 (15 нояб.).
- Մնացականյան Ա. Շ. Անմոռանալի հուշարձաններ // Գրական թերթ (նոյմբ. 15): – Երևան, 1968:
9. **Петросян Г.** Хачкар. Происхождение, функции, иконография, эпистемология. – Ереван, 2008.
- Պետրոսյան Գ. Խաչքար. ծագումը, գործառույթը, պատկերագրությունը, իմացաբանությունը. – Երևան, 2008:
10. **Петросян М.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его реставрация в 1992–2001 годах // Охрана армянского культурного наследия в Армении и за рубежом (материалы круглого стола, Ереван–Ошакан, 2–6 декабря, 2008). – Ереван, 2008. – С. 177–185.
- Պետրոսյան Մ. Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքը և նրա վերականգնումը 1992–2001 թվականներին // Հայկական մշակութային ժառանգության պահպանությունը Հայաստանի Հանրապետությունում և արտերկրում (Կլոր սեղանի նյութեր, Երևան–Օշական, 2–6 դեկտեմբեր, 2008). – Երևան, 2008, էջ 177–185:
11. **Петросян М.** Монастырь Сурб Хач Крыма и восстановительные работы 1993–2001 гг. // «Ушардзан» (Памятник). Ежегодник. – Вып. 4–5. – Ереван, 2008. – С. 19–42.
- Պետրոսյան Մ. Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքը և 1993–2001 թթ. վերականգնման աշխատանքները // Հուշարձան: Տարեգիրք, Դ–Ե. – Երևան, 2008, էջ 19–42:
12. **Поркшеян Х. А.** Когда происходило переселение армян в Крым? // ИФЖ АН Арм. ССР. – № 2. – Ереван, 1962. – С. 105–117.
- Փորքշեյան Խ. Ա. Ե՞րբ է կատարվել հայերի մուտքը Ղրիմ // Հայկ. ՍՍՀ ԳԱ ՊԲՀ, № 2. – Երևան, 1962, էջ 105–117:

13. **Сагумян С. Т., Енгоян А. М.** Эпиграфические уточнения // ВОН АН Арм. ССР. – № 10. – Ереван, 1973. – С. 74–80.
- Սաղումյան Ս. Տ., Ենգոյան Ա. Մ. Վիմագրական շտկումներ // Լրաբեր հասարակական գիտությունների Հայկ. ՍՍՀ ԳԱ, № 10. – Երևան, 1973, էջ 74–80.
14. **Сагумян С.** Криптограммы и вязи в армянских литографиях // ВОН АН Арм. ССР. – № 9. – Ереван, 1979. – С. 61–77.
- Սաղումյան Ս. Ծածկագրությունը և զարդագրությունը հայ վիմագրերում // Լրաբեր հասարակական գիտությունների Հայկ. ՍՍՀ ԳԱ, № 9. – Երևան, 1979, էջ 61–77.
15. **Саргсян Т.** Монастырь Сурб Хач Крыма и его нововыявленные надписи // ИФЖ НАН РА. – № 2–3. – Ереван, 1999. – С. 311–323.
- Սարգսյան Տ. Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքը և նրա նորահայտ վիմագրերը // ՀՀ ԳԱԱ ՊԲՀ, № 2–3. – Երևան, 1999, էջ 311–323:
16. **Саргсян Т.** Армяне средневекового Сурхата и их церкви // ИФЖ НАН РА. – № 1. – Ереван, 2000. – С. 107–123.
- Սարգսյան Տ. Միջնադարյան Սուրխաթի հայերը և նրանց հավատատեղիները // ՀՀ ԳԱԱ ՊԲՀ, № 1. – Երևան, 2000, էջ 107–123:
17. **Саргсян Т.** Об Аветике Хотачараке и монастыре Кимчак св. Богородицы // ИФЖ НАН РА. – № 1. – Ереван, 2001. – С. 130–144.
- Սարգսյան Տ. Ավետիք Խոտաճարակի և Քիմճակի Սուրբ Աստվածածին վանքի մասին // ՀՀ ԳԱԱ ՊԲՀ, № 1. – Երևան, 2001, էջ 130–144:
18. **Таманян Ю. А.** Монастырь Сурб Хач Крыма // Эчмиадзин. – № 7–8. – Эчмиадзин, 1969. – С. 59–64.
- Թամանյան Յու. Ա. Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքը // Էջմիածին, № Է–Ը. – Էջմիածին, 1969, էջ 59–64:
19. **Тораманян Т.** Письма / Сост. Н. Тораманян. – Ереван, 1968.
- Թորամանյան Թ. Նամակներ / Կազմեց՝ Ն. Թորամանյան. – Երևան, 1968:

Литература на русском языке

1. **Адонц Н. Г.** Ампелий, епископ Херсонский (к критике армянской «Книги посланий») // Христианский Восток. – Т. II. – СПб., 1913. – С. 173–186.
2. **Араджиони М. А.** Возвращение в Крым старожильческого христианского населения после эмиграции 1778 г. // МАИЭТ. – Вып. VIII. – Симферополь, 2001. – С. 485–501.

3. **Артамонов М. И.** История хазар. — Ленинград, 1962.
4. **Арутюнова-Фиданян В. А.** Армяно-византийская контактная зона. — М., 1994.
5. **Бабаян Ф. С.** Раскопки монастыря «Сурб-Хач» // АИК. 1993 год. — Симферополь, 1994. — С. 33–36.
6. **Бабаян Ф. С.** Об археологических исследованиях средневековых монастырей Сурб Хач и Сурб Стефанос // АИК. 1994 год. — Симферополь, 1997. — С. 36–37.
7. **Бабаян Ф. С.** Еще раз об археологических изысканиях на территории монастыря Сурб Хач // Исследования по арменистике в Украине. — Симферополь, 2008. — С. 117–119.
8. **Бабаян Ф. С., Корхмазян Э. М.** Археологические изыскания монастырей Сурб Хач и Сурб Стефанос близ города Старый Крым // ИФЖ НАН РА. — № 1. — Ереван, 1999. — С. 275–289.
9. **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым. — Ереван, 2000.
10. **Бабаян Ф., Корхмазян Э.** Монастырь Сурб Хач как центр армянской культуры в Крыму. — Симферополь—Ереван, 2008.
11. **Бабков И. И.** Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двукорной бухте у Феодосии // Известия Государственного географического общества. — Т. 71. — Вып. 9. — М.—Л., 1939.
12. **Бадян В. В., Чиперис А. М.** Торговля Кафы в XIII—XV веках // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии. — Киев, 1974. — С. 175–189.
13. **Байбуртский А. М., Тимиргазин А. Д.** Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму. — Симферополь, 2008.
14. **Белый В. Н., Белая-Барсегян И. В.** Армения. Энциклопедия путешественника. — Ереван, 1990.
15. **Григорян Гр.** Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа // ИФЖ АН Арм. ССР. — № 3. — Ереван, 1970. — С. 297–301.
16. **Григорян Г. М.** Историографическое значение армянских лапидарных надписей Крыма // МАИЭТ. — Вып. III. — Симферополь, 1993. — С. 286–288.
17. **Домбровский О. И.** Фрески средневекового Крыма. — Киев, 1966.

18. **Домбровский О., Сидоренко В.** Солхат и Сурб Хач. — Симферополь, 1978.
19. **Казарян А. Ю.** Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой: материалы международной научной конференции (Минск, 9–11, октября 2012). — Минск, 2013. — С. 116–126.
20. **Калимишин И. А.** Календарь и Хронология. — М., 1990.
21. **Килессо С. К.** Архитектура Крыма. — Киев, 1983.
22. **Кирилко В. П.** Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. — Вып. 1. — Симферополь, 2008. — С. 37–43.
23. **Корхмазян Э. М.** Армянская миниатюра Крыма. — Ереван, 1978.
24. **Корхмазян Э. М.** Крымская армянская миниатюра. — Симферополь, 2008.
25. **Крамаровский М. Г.** Солхат-Крым: К вопросу о населении и топографии города в XII—XIII вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1989. — С. 141–157.
26. **Крикун Е. В.** Архитектурные памятники Крыма. — Симферополь, 1977.
27. **Лучистая А.** Реанимировать памятники — славу и гордость Крыма // Крымские известия. — № 95 (3814). — Симферополь, 2007. — С. 2.
28. **Марр Н. Я.** Кавказский культурный мир и Армения // ЖМНП: Новая серия. — Ч. LVII. — Петроград, 1915 (июнь). — С. 280–330.
29. **Меликсет-Бек Л. М.** Древняя Русь и армяне. — Ереван, 1946.
30. **Микаелян Г. Г.** История Киликийского армянского государства. — Ереван, 1952.
31. **Микаелян В. А.** На крымской земле. — Ереван, 1974.
32. **Микаелян В. А.** История крымских армян. — Ереван—Симферополь, 2004.
33. **Носкова И. А.** Крымские болгары в XIX — начале XX вв.: история и культура. — Симферополь, 2002.
34. **Орбели И. А.** Проблема сельджукского искусства // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. — Ленинград, 1939. — С. 150–154.
35. **Орманян М.** Армянская церковь. — Ереван, 2006.

36. Крым. Архитектура, памятники: фотоальбом / Авт. фото Р. Т. Папикьян, авт. текста В. И. Тимофеевко. — Киев, 1991.
37. **Петросян М. В., Саргсян Т. Э.** Сурб Хач. — Симферополь, 1998.
38. **Петросян М. В.** Монастырь Сурб Хач и его реставрация в 1992–2001 годах // ИНК. — № 19. — Симферополь, 2007. — С. 25–44.
39. **Пештмалджян М. Г.** Памятники армянских поселений. — Ереван, 1987.
40. **Пипоян Л.** Архитектура монастыря Сурб Хач в Старом Крыму // Архитектура и строительство. — № 6–7 (28–29). — Ереван, 2008. — С. 48–54
41. **Саргсян Т. Э.** Из истории Армянской церкви в Крыму (по памятным записям XIV–XV вв.) // ИНК. — № 18. — Симферополь, 2007. — С. 15–32.
42. **Саргсян Т. Э.** О численности армянских духовных центров Кафы–Феодосии // ИНК. — № 21. — Симферополь, 2008. — С. 22–46.
43. **Саргсян Т. Э.** Армянские эпитафии из Килии // Праці центру пам'ятниковознавства. — Вып. 20. — Київ, 1911. — С. 291–303.
44. **Саргсян Т. Э.** Армянские эпитафии из Килии // *Turgetia. Istorie Muzeologie.* — Vol. VI (XXI) nr. 2. — Chişinău, 2012. — P. 95–108.
45. **Саргсян Т. Э.** Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники // Вестник арменоведения. — № 2. — Ереван, 2015. — С. 84–118.
46. **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым: монастырь Сурб Хач. — Симферополь, 2008.
47. **Тур В. Г.** Крымские православные монастыри XIX — начала XX века. История. Правовое положение. — Симферополь, 1998.
48. **Тур В. Г.** Православные монастыри Крыма. — Киев, 2006.
49. **Успенский Ф. И.** История Византийской империи. — Т. 1. — СПб., 1913.
50. **Халпахчян О. Х.** Армяно-русские отношения и их отражение в архитектуре. — Ереван, 1957.
51. **Халпахчян О. Х.** Гражданское зодчество Армении. — Москва, 1971.
52. **Халпахчян О. Х.** Архитектурный ансамбль Сурб-Хач в Крыму // «Сурб-Хач» (журнал КАО). — № 1. — Симферополь, 1996. — С. 5–12 и 38–44. Продолжение: Сурб-Хач. — № 2. — Симферополь, 1996. — С. 11–16.

53. **Халпахчян О. Х.** Архитектура родников крымских армян // Архитектурное наследие. — № 37. — М., 1989.
54. **Хартахай Ф.** Христианство в Крыму. — Москва, 2003.
55. **Хачикян С.** Хачкар Сурб Хач вновь в Сурб Хаче // Община. Намайнк. Историко-культурный журнал юга России. — Вып. 6. — Пятигорск, 1997. — С. 28–29.
56. **Хечумян В. Г.** Книга книг. — М., 1984.
57. **Якобсон А. Л.** Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. — Т. VIII. — Москва, 1956.
58. **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.—Л., 1964.
59. **Якобсон А. Л., Таманян Ю. А.** Армянская архитектура в Крыму. — Ереван, 1992.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИК** – Археологические исследования в Крыму
- ВВ** – Византийский временник
- ВОН АН Арм. ССР** – Вестник общественных наук Академии Наук Армянской ССР
- ГАРК** – Государственный архив Республики Крым
- ЖМНП** – Журнал Министерства народного просвещения
- ЗВОИРАО** – Записки Восточного отдела Императорского русского археологического общества
- ЗООИД** – Записки Одесского общества истории и древностей
- ИГГО** – Известия Государственного географического общества
- ИНК** – Историческое наследие Крыма
- ИРГО** – Известия Русского географического общества
- ИТОИАЭ** – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
- ИТУАК** – Известия Таврической ученой архивной комиссии
- ИФЖ АН Арм. ССР** – Историко-филологический журнал Академии Наук Армянской ССР
- ИФЖ НАН РА** – Историко-филологический журнал Национальной Академии Наук Республики Армения
- КАО** – Крымское армянское общество
- МАИЭТ** – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- НАН РА** – Национальная Академия Наук Республики Армения

Տաթևիկ Սարգսյան Մերուժան Պետրոսյան

ՂՐԻՄ: ՍՈՒՐԲ ԽԱՉ ՎԱՆՔ

Բազմաթիվ հեղինակավոր ուսումնասիրողների կարծիքով, 11-րդ դարից սկսած Տավրիկայում (ներկայումս՝ Ղրիմ) հայկական մշտական բնակչություն է գոյություն ունեցել: Սակայն հայերի թիվս այստեղ, ինչպես նաև ողջ հյուսիս-սևծովյան տարածաշրջանում աճեց հատկապես 14–15-րդ դարերում: Հայ արտագաղթյալների մի ստվար մասը, պարբերաբար լքելով մոնղոլ-թաթարների, այնուհետև թուրքմեն և քուրդ քոչվոր ցեղերի կողմից բզկտվող իրեն բնօրրանը, հենց դրիմյան ուղղությունն էր ընտրում: Թերակղզին, ուր իրենց առևտրական գաղութներն էին հիմնել իտալացիները, ձգում էր աշխույժ անցուդարձով և գրավիչ տնտեսական հեռանկարներով: 14-րդ դարի սկզբին այստեղ տեղափոխվեցին նաև Ախսարայի հայերը, ովքեր Վոլգայի գետաբերան էին գաղթել «իրամանաւ թաթար խանին»:

Հաստատվելով Ղրիմում՝ հայերը հայտնվեցին նույն թաթար-մոնղոլների տիրապետության ներքո, սակայն ավելի շատ իտալացիների, հատկապես ջենովացիների գործունեության ոլորտում: Արդեն 15-րդ դարի կեսերին Ղրիմում 100 հազարից ավել հայեր էին բնակվում, որոնք իրենց ներքին խնդիրները կարգավորում էին ինչպես աշխարհիկ կառավարիչների, այնպես էլ հոգևոր առաջնորդների միջոցով: Վերջիններս, որ հորջորջվում էին «ամենայն հյուսիսական կողմանց» արքեպիսկոպոսներ, հանդիսանում էին հայոց կաթողիկոսների փոխանորդները տարածաշրջանում:

Իրենց բազմադարյան պատմության ընթացքում դրիմահայերը հզոր ներդրում ունեցան թերկղզու տնտեսության և մշակույթի զարգացման գործում: Հատկապես մեծ է նրանց ավանդը առևտրի, արհեստների և ճարտարապետության բնագավառում: Հայ վերաբնակներն այստեղ անցկացրեցին ջրատար համակարգեր, կանգնեցրեցին ամրաշինական կառույցներ, եկեղեցիներ ու վանքեր, որոնցում գործում էին հոգևոր դպրոցներ, գրվում ու նկարազարդվում ձեռագրեր: Վերջիններիս մի մասը հասել է մեզ՝ շուրջ 400 հայերեն ձեռագիր մատյաններ, որոնց ճնշող մեծամասնությունն այժմ պահվում է Երևանի Մատենադարանում: Ցավոք, քիչ թվով հուշարձաններ են պահպանվել դրիմահայոց ճարտարապետական ժառանգությունից՝ մոտ երկու տասնյակ եկեղեցական շինություններ՝

մեծ մասամբ խոնարհված, աղբյուրներ, պաշտպանական և աշխարհիկ կառույցների, փացորդներ: Բարեբախտաբար, մեզ է հասել Սուրբ Խաչ վանքը դրիմահայ գաղթօջախի ամենանշանավոր հոգևոր կենտրոնը, նրա անցյալի փառավոր առհավատչյան, որը դարեր շարունակ եղել է տեղի աթոռակալ եպիսկոպոսների նստավայրը: Սուրբ Խաչը մենավոր կանգնած է լեռան անտառաշատ դարավանդին, Հին Ղրիմ ավանից 3 կմ հարավ-արևմուտք: Ի դեպ, մի շարք ուսումնասիրողների կարծիքով, վերջինիս միջնադարյան «Սուրխաթ» անունը «Սուրբ Խաչի» աղավաղված ձևն է:

Վանքի գլխավոր բաղկացուցիչը Սուրբ Նշան եկեղեցին է՝ արտաքուստ ուղղանկյուն, ներքուստ՝ խաչաձև գմբեթավոր մի կառույց, որը, շինարարական վիմագրի և ձեռագրային աղբյուրների համաձայն, հիմնադրվել է 1358 թվականին՝ կրոնավոր Հովհաննես Մեբաստացու, նրա եղբայրների և աջակիցների կողմից: Եկեղեցին կառուցված է անկանոն շարով դասավորված խեցաքարի և ավազաքարի միջին չափի բեկորներով: Մաքրատաշ քարից են կերտված միայն գմբեթը, կրող կառուցվածքները, դռների և պատուհանների շրջանակները: Շինարարական այս տեխնիկան թելադրված էր կարծր, մշակելի շինանյութի պակասով և բնորոշ է տեղի միջնադարյան ճարտարապետությանն ընդհանրապես:

Հարկ է նշել, որ վանքը գոյություն է ունեցել դեռևս մինչև Սուրբ Նշան եկեղեցու կառուցումը, ինչի մասին են վկայում գրավոր աղբյուրները, հնագիտական ուսումնասիրությունները, ինչպես նաև բուն վանքի ու դրա միակ եկեղեցու անվանումների տարբերությունը:

Հիմքեր կան ենթադրելու, որ Հովհաննես կրոնավորն իր պատանեկության շրջանում Մեբաստիայի Սուրբ Նշան վանքի վանականներից է եղել և Ղրիմ է տեղափոխվել, իր հետ բերելով Սուրբ Նշան անունով մի սրբություն, որը Քրիստոսի խաչափայտից բեկոր է պարունակել: Այսպիսով, Ղրիմում նրա կառուցած եկեղեցու անվան ընտրությունը սերտորեն կապված էր թե՛ այդ սրբության, թե՛ Մեբաստիայի վանքի անվան հետ: Ինչ վերաբերում է «Սուրբ Խաչ» անվանը, ապա այն, ըստ երևույթին, առաջացել է նույնանուն ձողաբարձ խաչից, որն, ըստ ավանդության, օծված է եղել Թադեոս առաքյալի կողմից և Ղրիմ բերվել առաջին հայ վերաբնակների միջոցով: Այս սրբությունը դարեր շարունակ պահվել է Ղրիմի Սուրբ Խաչ վանքում, ապա 1778–1779 թվականներին տեղափոխվել Դոնի տափաստաններ, ուր տարահանվել էին դրիմահայերը՝ ռուսական իշխանությունների նախաձեռնությամբ: Հատկանշական է, որ շրջանի մեջ առնված հավասարաթև խաչ կրող այս կոթողը բազալտից

է, որը բնորոշ է Ղրիմին: Այժմ այն պահվում է Դոնի Ռոստով քաղաքի հայկական Սուրբ Խաչ վանքում:

Սուրբ Խաչի մյուս աչքի ընկնող շինությունը գավիթն է՝ դիտաշտարակով հանդերձ, որ կցված է եկեղեցուն արևմուտքից: Այս եռանակ, թաղակապ կառույցի հնագույն վիմագրերը վերաբերում են 1401 և 1406 թվականներին, ինչն էլ հնարավորություն է տալիս այն թվագրելու 14-րդ դարի վերջին քառորդով:

Գավթից արևմուտք տարածվում է ընդարձակ ներքին բակը, որին էլ իրեն հերթին արևմուտքից հարում է սեղանատունը: Վերջինս բաղկացած է երկու միանման ինքնուրույն քառանկյուն սրահներից, որոնք կրկնում են գավթի կառուցվածքը. կենտրոնում բարձրացող երկուական սյուները ներքին ծավալը բաժանում են երեք թաղակապ նավի: Դատելով կառուցվածքից և հարդարանքից, սեղանատունը կանգնեցվել է 15-րդ դարի սկզբին:

Սուրբ Խաչի տարածքում պահպանված փացյալ շինությունները կառուցվել են հիմնականում թուրքական տիրապետության շրջանում (1475–1774 թվականներ): Դրանց թվում ամենից աչքի ընկնողը մենաստանն է, որը հարում է գավթին հարավից: Այն ներառում է փոքր բակը և դրան արևմուտքից ու հարավից պարփակող վանախցերի երկթև շենքը: Վերջինս երկհարկ կառույց է՝ առնված երկթեք տանիքի տակ: Մենաստանը, շինարարական արձանագրության համաձայն, կառուցվել է 1694 թվականին՝ վանքում աթոռակալող Հակոբ արքեպիսկոպոսի ջանքերով:

Պետք է ենթադրել, որ այս շրջանում է կառուցվել նաև սեղանատանը հարավից կցված տնտեսական նշանակության շինությունը, քանի որ դրա անմիջական հարևանությամբ գտնվող գլխավոր մուտքը, բարավորին փորագրված շինարարական արձանագրության համաձայն, կանգնեցվել է 1686 թվականին:

Թվարկված կառույցների արտաքին բարձր ու ամրաշեն պատերը, ինչպես նաև տեղ-տեղ դրանց լրացնող պարսպապատերը ձևավորում են մեկ ընդհանուր փակ պաշտպանական համակարգ, ինչը Սուրբ Խաչը նմանեցնում է ավելի շուտ ամրոցի, քան խաղաղ մենաստանի: Պարսպապատերից դուրս են գտնվում հյուրատունը՝ վերակառուցված 1976 թվականին, մոտակա ձորակի լանջին տեղադրված վերին և ստորին աղբյուրները, որոնց վաղագույն հիշատակություններին հանդիպում ենք 1634 և 1694 թվականներին, դեպի ստորին աղբյուր տանող աստիճանուղին և այլն: Նույն լանջի դարավանդների վրա են ժամանակին տարածվել վանքապատկան այգիներն ու բանջարանոցները:

1778 թվականին հայերի, հույների և թերակղզու մյուս քրիստոնյաների տարահանումից հետո վանքն ամայացավ, բայց շարունակեց գործել մինչև 1924 թվականը: Այնուհետև այն վերածվեց պիոներական ճամբարի, հետո՝ առողջարանի, պահեստի, իսկ ավելի ուշ լքվեց: Երկրորդ համաշխարհային պատերազմը և 1944 թվականին դրիմահայերի զանգվածային տեղահանությունը երբեմնի վանքը մասնեցին մոռացության և կորստի:

1990-ականների սկզբին Ղրիմի կառավարությունը, հաշվի առնելով տեղի հայության խնդրանքը, ինչպես նաև Սուրբ Խաչի բացառիկ պատմամշակութային արժեքը, որոշում կայացրեց կործանման եզրին հասած այս համալիրն անհապաղ վերականգնելու մասին: 1993 թվականին սկսվեցին աշխատանքները՝ Ղրիմի կառավարության ֆինանսավորմամբ (ճարտարապետ՝ Մերուժան Պետրոսյան): Մինչև 2001 թվականը վերականգնվեցին գավիթի հյուսիսային և հարավային պատերը, եկեղեցու զմբեթի տանիքը, սեղանատան արևելյան զանգվածեղ պատը և հարավային դահլիճը, վանախցերի շենքը (մասամբ), մեծ և փոքր բակերը, գավիթի վրայի դիտաշտարակը, երկու աղբյուրները և մոտակա լանջներն ամրակայող բազմաթիվ հենապատեր:

2002 թվականին Սուրբ Խաչի վերականգնման պետական ֆինանսավորումը դադարեցվեց, քանի որ այն Ղրիմի կառավարության կողմից հանձնվեց Հին Ղրիմի փոքրաթիվ հայկական կրոնական համայնքին՝ համաձայն վերջինիս համառ պահանջների: Շինարարական աշխատանքները վերսկսվեցին միայն 2007 թվականի դեկտեմբերին՝ պետական և բարեգործական միջոցներով: Նպատակը՝ վանական համալիրի վերականգնումը ավարտին հասցնելն էր՝ կապված 2008 թվականի հուլիսին կայանալիք մեծահանդես տոնակատարության հետ, որը նվիրված էր Սուրբ Նշան եկեղեցու հիմնադրման 650-ամյակին: Սակայն հապճեպ, ձմեռային խստաշունչ ցրտերի և գարնանային հալոցքի պայմաններում կատարված աշխատանքները, որոնք ընթանում էին Ղրիմահայոց համայնքի և վերոհիշյալ կրոնական համայնքի գլխավորությամբ, մասնագետների և մասնագիտացված կազմակերպությունների ձևական ներգրավմամբ, ոչ միայն անորակ էին, այլև զգալիորեն խաթարեցին հուշարձանի ազգային և պատմական դեմքը: Այդ է պատճառը, որ դրա մի շարք հատվածներ նախկին տեսքի վերականգնման կարիքն ունեն:

2009 թվականի դեկտեմբերից Սուրբ Խաչ վանքում գործում է Հայ Առաքելական եկեղեցու Ուկրաինայի, իսկ այժմ Ռուսաստանի թեմի Ղրիմի առաջնորդական փոխանորդությունը:

**Tatevik Sargsyan
Meruzhan Petrosyan**

CRIMEA. SURB KHATCH MONASTERY

According to the opinion of authority scholars, permanent Armenian population existed on Tauria (Crimea in present) from the XI century A.D. But it highly increased here, as well as on the whole North Black Sea region, in XIV–XV centuries. A large part of Armenian immigrants, periodically leaving homeland devastated by Mongols, then Turkic and Kurdish nomad tribes, chose namely the Crimean direction. The peninsula, where the Italians had founded their trade colonies, attracted them by the adjusted system of communications and tempting economic prospects. At the beginning of XIV century the Armenians from Aksaray (at the bottom of the Volga river), colonized there “*by the order of Tatar khan*”, moved to Crimea too.

Get settled in peninsula at the beginning of XIV century, the Armenians found themselves under the rule of the same Mongols, but much more involved in the activities of the Italians, especially the Genoese. In the middle of XV century the Armenian colony of Crimea included more than 100 thousand people. Never having political dominance on peninsula, the Armenians for several centuries conducted their colony affairs leded by their local secular and ecclesiastical rulers. The latter were represented by local clerical chiefs of the Armenian Apostolic Church, appointed on this post by the Catholicoses of all Armenians.

In the course of its centuries-old history the Armenians of Crimea had a great contribution in development of trade relations, agriculture and crafts on peninsula. Their skill especially brightly was shown in carving on stone and wood (ornamental and plot reliefs), in construction of fortification, hydro-engineering, residential and of course religious buildings. In those churches and monasteries schools and seminaries were functioning, and the clergymen were writing and ornamenting manuscripts – famous for their wonderful miniatures and significance of historic material. Currently four hundred examples of the Armenian manuscripts from Crimea are kept now in various libraries and museums

around the world. The vast majority of them are in Matenadaran in Yerevan now. Unfortunately, most of the architectural monuments were destroyed and came down to our times. Surb Khatch (Holy Cross) monastery is among the survived medieval Armenian constructions in Crimea. It is one of the bright examples of the Armenian architecture and building-art on the North Black Sea region that in course of several centuries had served as a residence for the local clerical chiefs of the Armenians in Crimea and its nearby territories.

The Monastery is located 3 km South-West from the settlement Old Crimea (Surkhat, Solkhat, Crimea in the past) – on a mountainous area, surrounded with forests. It is strengthened on all sides and looks more like a fortress than a peaceful abode. For centuries this shrine had been a pilgrimage place for all the Christians in Crimea and the nearest lands. The oldest constructions here are the church Surb Nshan (Holy Sign) and the narthex (gavit) annexed to it from the West. According to the inscription carved on the cupola, the church was founded in 1358 by the clerical chief Hovanes, his brothers merchant Hakob and clergyman Ghazar, who had come to Crimea from Sebastya (present Sivas in Turkey) in the 20th of the XIV century. In his youth Hovanes was among the clergy of the same name Armenian monastery in Sebastya – Surb Nshan, and as a matter of fact founded the church of the Crimean monastery in memory of the Sebastyan one. According to manuscript colophons, he also brought to Crimea a relic Surb Nshan (Holy Sign), which included piece of Crist crucifixion Cross, and asserted it in his new-built Crimean church. Regarding this must be mentioned, that the name of the church as well as the presence of the holy relies in it are closely associated with the relief emblem of St. Lamb with the labarum. This emblem, symbolizing the victory of Christ, is fixed in three most consecrated points of the church: the portal, the altar and the center of the dome ceiling. As for the narthex with a high tower above, the existing here lithographies of 1401 and 1406 confirm that it was built immediately after the church – in the last quarter of the XIV century or even for some years earlier.

Judging by the architecture and decor, the dining-house of Surb Khatch monastery was constructed at the beginning of XV century.

Its two-roomed building is located on the west and separated from the clerical part by a big yard – atrium. Halls of the dining-house repeat the narthex structure: two columns rising in the center of interior divide each one of them into three vaulted naves.

However, the Armenian manuscript colophons of the second half of the XIV century, written in Crimea, the archeological investigations and the difference between the names of the whole monastery and its single church of 1358 come to prove that the monastery existed before the foundation of this church. Apparently the monastery was named after the ancient stone-cross Surb Khatch (Holy Cross), which, according to legend, was consecrated by apostle Thaddaeus and brought from Armenia by the first migrants. It is noteworthy that this stele with a cross in the circle on its front side is made of basalt, which is not typical for Crimea. For long centuries it was kept in Crimean monastery Surb Khatch and then in 1778–1779 transferred to the desert steppes of the river Don, where the Armenians of Crimea were relocated on the initiative of Russian authorities. Now it is kept in the Armenian monastery of Surb Khatch in the city Rostov-on-Don.

From the end of XV century up to the beginning of XVII decline was mentioned not only in the life of the monastery but all over the peninsula, because of the Turkish invasion of 1475 which – according to the medieval chronicles – distinguished with a particular hardness. In the end of XVII century some new constructions appeared in Surb Khatch monastery instead of the old ones. The cloister was among them. It is placed in the southern section of the monastery and represented by a two-storied house, divided into cells, and a small yard. The cloister was built in 1694 by another clerical chief – Archbishop Hakob. The monastery had several fountains as well. Two of them survived outside the fortified zone – on the nearest slope. The earliest mentions of them are dated back to 1634 and 1694.

In 1751 the whole monastery had undergone restoration but very soon – after the relocation of the Armenians, as well as other Christian nations from peninsula in 1778 – it became deserted. Twelve hundred Crimean Armenians left their houses and migrated to the almost uninhabited lands surrounding the south flow of the river Don. Settled here in the very end of the XVIII century they in

course of time founded here the town Nor (New) Nakhijevan (now in the district of the city Rostov-Don) and six villages nearby.

There were some attempts to give a rebirth to Surb Khatch monastery in the XIX century, but even a small part of its past significance was never returned. After the victory of the October Revolution the monastery buildings were used for a pioneer camp, recreation center and a storehouse. The Second World War and the second massive deportation of Crimean Armenians in 1944 put the end to the history of this famous Armenian colony and brought the monastery to the full destruction. In the end of XX century it looked like a majestic ruin.

The return of deported nations back to Crimea changed the situation. Since 1993 Surb Khatch monastery has been undergoing many-sided restoration. The latter, financed by the government of Crimea, was conducted by architect Meruzhan Petrosyan. North and south narthex walls, the church cupola roof, the east massive wall and the south hall of the dining house, the atrium and the small yard, the two-storied house of the cloister (partly), the tower on the narthex, one of the north buttresses and two fountains were renewed from 1993 to 2001. But in 2002 the monastery-complex (the monument of a highest status) was transmitted on use to the few in number Religious Community of the Armenian Church in Old Crimea, according to its persistent demands. In the same year the restoration works stopped because lack of finance, and the religious community hadn't enough sources to continue them. Authorities turned again to Surb Khatch's restoration in the end of 2007 in connection with the forthcoming celebration of the 650th anniversary of the monastery church in 2008 summer. Unfortunately, during these works, carried out in haste (for 6 months, including a rather harsh in the Crimean mountains winter), technological violations, architectural and decorative deviations were committed, which is why some parts of the monastery lost their historical authenticity and need for restoration.

Since December 2009 the Crimean Vicariate of the Ukrainian, and now the Russian Diocese of the Armenian Apostolic Church acts in Surb Khatch monastery.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Т. Э. Саргсян)	3
Из истории крымских армян	3
Монастырь Сурб Хач в источниках и литературе	28
История сооружения и служители (Т. Э. Саргсян)	35
Строительная деятельность Ованэса Себастанци и его последователей (середина XIV – начало XV веков)	35
Монастырь Сурб Хач в период турецкого господства (1475–1774 годы)	100
Монастырь Сурб Хач в новое и новейшее время.....	136
Архитектура и восстановление (М. В. Петросян)	157
Основные монастырские сооружения	157
Восстановление монастыря в 1993–2001 годах	207
Памятники живописи и эпиграфики (Т. Э. Саргсян)	233
Источники и литература	279
Список сокращений	294
Ղրիմ: սուրբ Խաչ վանք	295
Crimea. Surb Khatch monastery	299

Научно-популярное издание

**Саргсян Татевик
Петросян Меругнан**

КРЫМ. МОНАСТЫРЬ СУРБ ХАЧ

Редакторы *И. Носкова, Л. Егорова*
Корректор *Э. Адаманова*
Компьютерная вёрстка *Э. Мустафаева, А. Веселов*

Подписано в печать .11.07.2017 г. Формат 70x100¹/₁₆ .
Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 27,09. Объём 19,0+2,0 печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № .

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»
295048, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23-а.
E-mail: mediacenter2015@mail.ru
ОГРН 1159102113455

Отпечатано в типографии
ООО «Эльиньо»
*295006, Республика Крым,
г. Симферополь, б. Ленина, 5 /7.*

Монастырь Сурб Хач (Святого Креста). в 1994 году. Вид с юго-запада.

Церковь Сурб Ншан (Святого Знамени). Вид с юга. Фото 2001 года.

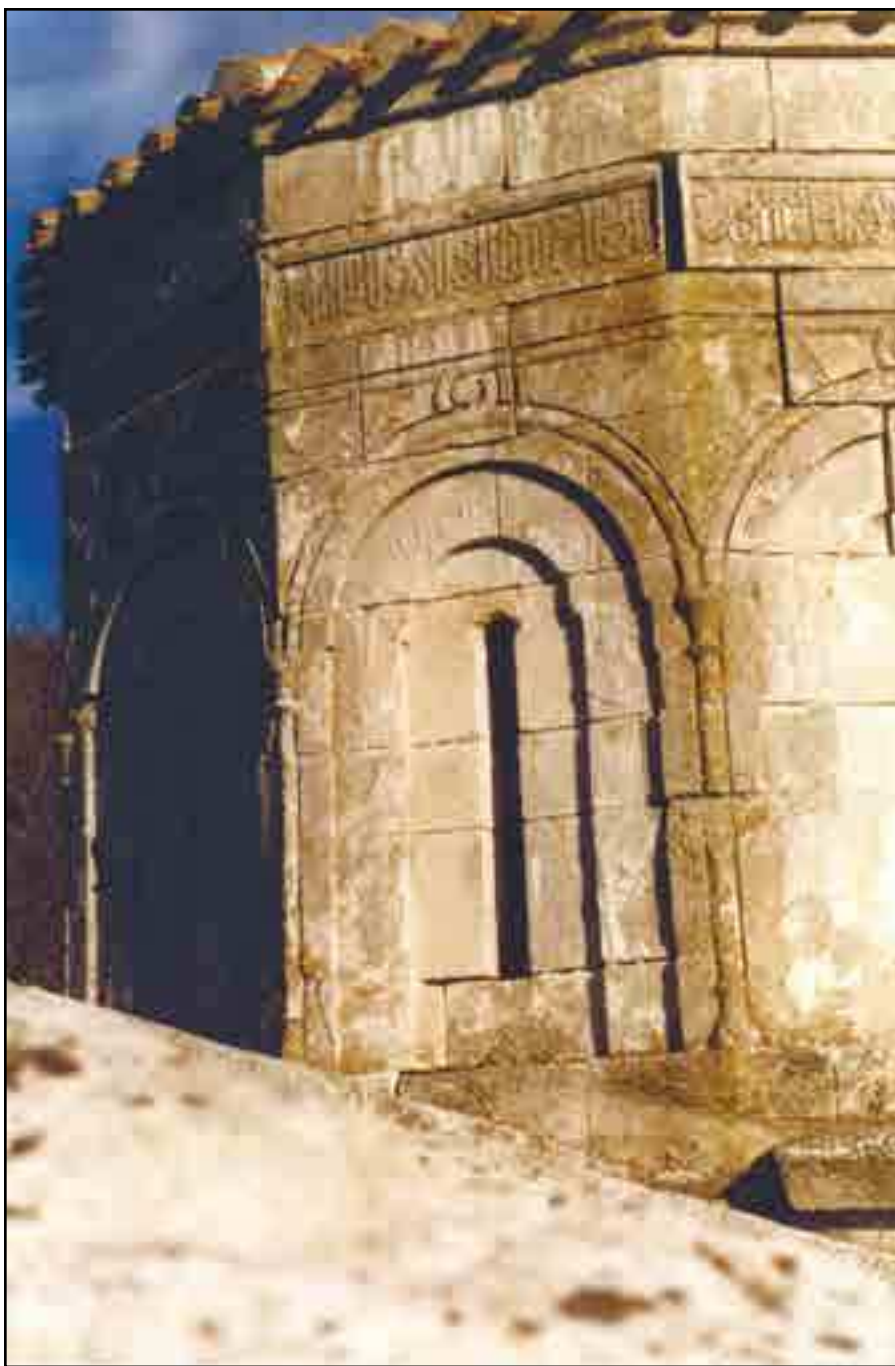
Монастырь Сурб Хач. Вид с юго-запада. Фото 2001 года.

Церковь Сурб Ншан. Фото 1997 года.

Церковь Сурб Ншан. Вид с юга. Фото 2001 года.

Фрагмент купола
церкви Сурб Ншан. Фото 1996 года.

Церковь после восстановления. Фото 1993 года.

Стела Сурб Хач в экспозиции
Музея русско-армянской дружбы
в городе Ростове-на-Дону. Фото 2008 года.

Стела в церкви Сурб Саргис
(Святого Сергия)
в селе Тополевка. Фото 2008 года.

Стела из церкви
Святой Богородицы
села Грушевка. Фото 2008 года.

Вид на трапезную (авт. акварели – В. И. Зарубин, конец XIX века).

Монастырь Сурб Хач. Вид с северо-запада. Фото 2012 года.

Дореволюционная открытка с изображением монастыря Сурб Хач.

Монастырь Сурб Хач. Вид с юга. Фото 2016 года.

Хачкар 1349 года
в восточном щипце
церкви Сурб Ншан. Фото 2002 года.

Святая купель (из статьи
«Армянская средневековая
архитектура в Крыму», 1956 год)

Роспись «Богоматерь с младенцем» (из статьи А. Л. Якобсона
«Армянская средневековая архитектура в Крыму», 1956 год)

Церковь Сурб Ншан.
Вид с востока. Фото 2001 года.

Церковь Сурб Ншан. Вид на алтарную апсиду. Фото 2001 года.

Церковь Сурб Ншан. Вид на алтарную апсиду. Фото 2015 года.

Церковь Сурб Ншан.
Интерьер. Вид на северо-запад.

Церковь Сурб Ншан.
Интерьер. Вид на север.

Церковь Сурб Ншан. Интерьер. Подкуполье. Фото 2001 года.

Монастырь Сурб Хач.
Вид с юго-востока. Фото 2006 года.

Остатки сооружений севернее гавита.

Интерьер гавита. Вид на юго-восток.

Интерьер гавита. Вид на юго-запад.

Гавит. Интерьер.

Фрагмент портала церкви.

Напоминальный крест в гавите.

Одно из надгробий в гавите.

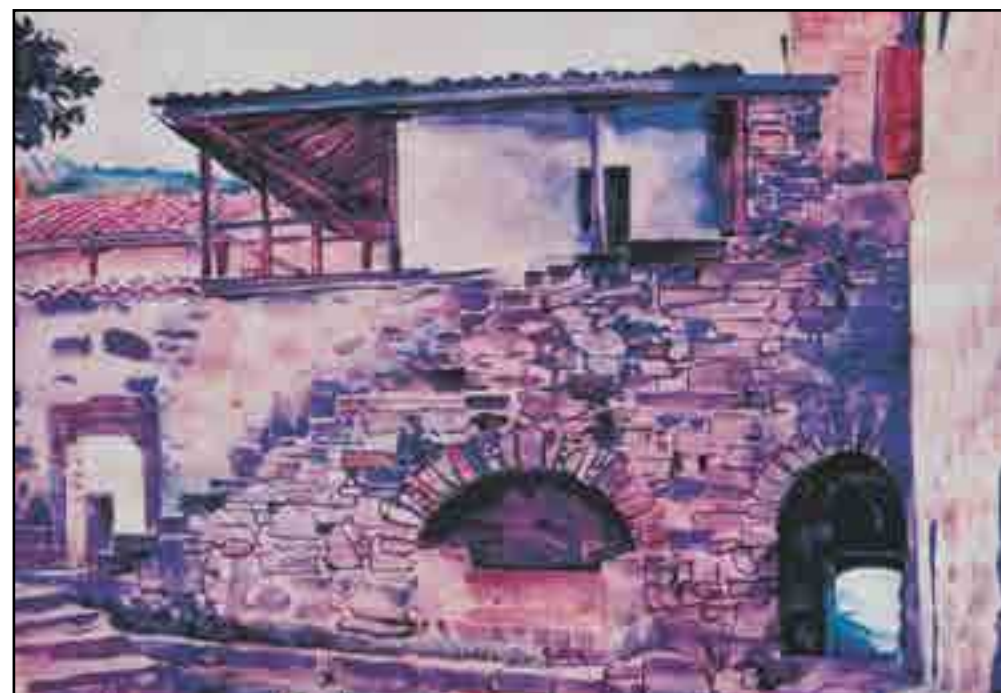
Атриум. Вид на юг. 2015 год.

Лестница в атриуме, ведущая в верхний ярус трапезной.

Атриум. Вид на север. 1995 год.

Богаевский К. Ф. Лестница в атриуме. Акварель 20-х годов XX века.

Литография 1694 года над входом в обитель.

Литография 1751 года левее входа в обитель.

Титульный лист Евангелия от Матфея (Матенадаран. Рукопись 2705).

Обитель после восстановления. Вид на юго-восток. Фото 2001 года.

Дозорная башня. Вид с востока. Фото 2017 года.

Обитель. Вид на юг. Фото 2017 года.

Свод в кельи вардапета (настоятеля).

Трапезная. Восточный фасад.

Камин и печь в северном зале трапезной.

Северный зал трапезной. Интерьер.

Южный зал трапезной после восстановления.

Каменный водосток на крыше церкви.

Вход в южный зал трапезной.

Центральные врата монастыря.

Коридор, ведущий в атриум.

Верхний фонтан.

Нижний фонтан после восстановления. 2001 год.

Верхний фонтан. Фрагмент декора.

Нижний фонтан. Фрагмент декора.